

8
КОНАН

КОНАН И ПЛАМЯ ВОЗМЕЗДИЯ

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И ЧЕТЫРЕ СТИХИИ 1	КОНАН И ВОГИ ТЫМЫ 2	КОНАН И МЕЧ КОДУНА 3	КОНАН БРОСАЕТ ВЫЗОВ 4	КОНАН И ПОВЕЛИТЕЛИ ПЕЩЕР 5	КОНАН И ПЕСНЯ СНЕГОВ 6	КОНАН И НЕВЕЗНАЯ СЕКИРА 7	КОНАН НА ДОРОЖЕ КОРОЛЕЙ 8
КОНАН ПРИНИМАЕТ ВОЙ 9	КОНАН И КАРУСЬ БОГОВ 10	КОНАН И ДАР МИТРЫ 11	КОНАН И НОЧНЫЕ КЛИНКИ 12	КОНАН И ГРОТ ДАЙОМЫ 13	КОНАН И ЗЕРКАЛО ГЛАДУЩЕГО 14	КОНАН И ВРЕМЯ ЖАЛШИХ СТРЕЛ 15	КОНАН И ПЕЧА ВОЙНЫ (НЕ ИЗДАНО) 16
КОНАН И ТАЛАСМАН ЗЛА (НЕ ИЗДАНО) 17	КОНАН И БИЧ НЕРТАЛА 18	КОНАН И ГОРОД ПЛАЧЕВНЫХ ДУШ 19	КОНАН И ИСТОЧНИК СУДЕБ 20	КОНАН И СЕРАЛЕ АРИМАНА 21	КОНАН И ВАРГОВОЕ ОКО 22	КОНАН И ПЕРЧАКИ ПРОШЛОГО 23	КОНАН И ВОИНСТВО МРАКА 24
КОНАН ВАРГАР ИЗ КИНТИЕРИИ 25	КОНАН И РЫЖИЙ ЯСТРЕБ 26	КОНАН И ПЛЕННИКИ БЕЗДНЫ 27	КОНАН И ЗАГОВОР ТЕНЕЙ 28	КОНАН И КОПЬЕ КРОМА 29	КОНАН И ВРАТА ВЕЧНОСТИ 30	КОНАН И АЛМАЗНЫЙ ЛАБИРИНТ 31	КОНАН И РАСКОЛТЫК ИАСА 32
КОНАН И ЧАША БЕССМЕРТИИ 33	КОНАН И АЛДАННОЙ СТРАЖ 34	КОНАН И ТОГОВЦЫ ПРЕЗАМИ 35	КОНАН И АЛТАРЬ ПОВЕДАН 36	КОНАН И БИТВА БЕССМЕРТНЫХ 37	КОНАН И ПОКОРИТЕЛИ ПЛОТИ 38	КОНАН И БЕРЕГ ПРОКАТЫХ 39	КОНАН И ОКОВЫ БЕЗМОЛВИИ 40
КОНАН И ВАЛДРИКИ НЕБЕС 41	КОНАН И ДРЕВО МИРОВ 42	КОНАН И КОЛЬЦО ВЛАСТИ 43	КОНАН И ЗОВ ДРЕВНИХ 44	КОНАН И ПРОРОК ТЫМЫ 45	КОНАН И ГНЕВ СЕТА 46	КОНАН И ХРАМ НОЧИ 47	КОНАН И КОРОЛЬ ВОРОВ 48

«Восток»

КОНАН

КОНАН И ПЛАМЯ ВОЗМЕЗДИЯ

ас

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

Москва • Санкт-Петербург • 2003

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)
К64

Серийное оформление Дмитрия Вяземского

Художник Петр Кудряшов

*В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с разрешения автора.*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 14.01.03.
Формат 84×108¹/₃₂. Печать высокая с ФПФ. Бумага
типографская. Усл. печ. л. 23,52.
Тираж 10 000 экз. Заказ 178.

Конан и пламя возмездия: Сб. — М.: ООО «Издательство
К64 АСТ»; СПб.: «Северо-Запад Пресс», 2003. — 441, [7] с. —
(Конан).

Содерж.: Пламя возмездия: Роман / А. Мак-Кинг. Проклятие
Змея: Роман / О.Б. Локнит.

ISBN 5-17-017388-1 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93699-060-2 («Северо-Запад Пресс»)

В очередном томе «Саги о Конане» читателя ждет встреча с продолжением романа Олафа Локнита «Проклятие Змея», повествующего о поисках загадочного клада в северных морях Хайбории. В романе Алекса Мак-Кинга головокружительная интрига сплетается с ураганными приключениями. Целых десять двойников короля Конана обманчивыми тропами пробираются к месту схватки с армией Зингары. Но достигнет ли цели хоть один из них?...

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)

ISBN 5-17-017388-1 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93699-060-2 («Северо-Запад Пресс»)

© Д. Вяземский, серийное оформление, 1999
© С. Шикин, оборот, 1998
© «Северо-Запад Пресс», составление
и подготовка текста, 2002

...Еще не успел Конан, король Аквилонии, отбросить на задворки памяти заговор Аскаланте, бывшего графа Туны и схватку со слугой самого Сета, а судьба уже запаслась новыми сюрпризами.

Глава 1

Огни Тарантии

Силий улыбался. Он бодро вышагивал по узкой тропке, тянущейся между двумя золотистыми коврами спелой пшеницы. Крестьянина радовало абсолютно все: и жгучее солнце летнего дня, и безоблачное небо, отражающееся в глазах яркой синевой, и даже ленивое комариное облако, также изнывающее от жары.

Силий нес в поселок хорошие вести о богатом урожае, который не прогнулся даже под необузданной силой страшных дождей, окативших поля в середине лета. Этих новостей ждали с нетерпением. Так получилось, что поселок основа-

ли далеко от будущих полей; в местности, непригодной для посева. Аквилонцы-основатели были больше охотниками, чем земледельцами. Только через многие годы они поняли, что живут возле плодороднейших земель. Брошенное случайно зернышко обязательно прорастало могучим колосом. Жмени просыпанных на землю зерен вскоре заставляли охотников заворожено наблюдать великолепные золотистые оазисы. В поселении это восприняли, как знак самого Владыки Света — Митра хочет, чтобы аквилонцы занимались земледелием. И охотники, следуя благословению, превратились в крестьян. Не за день. Не за два...

Прошли годы.

Все складывалось хорошо. Земледелие легко давалось аквилонцам, а богатая земля снисходительно исправляла их ошибки, награждая щедрыми урожаями. Вот только одно обстоятельство не давало новоявленным крестьянам покоя и умиротворения. Поля находились довольно далеко от поселения, и аквилонцам трудно бывало сохранить урожай от ненасытных зингарских ворюшек, саранчой слетающихся на золотистые поля. Многие годы крестьяне безуспешно пытались поймать хотя бы одного, но ловкость воров всегда позволяла им легко вывернуться из любой западни, оставляя за собой лишь обидные пустоты в покрывале из пшеничных колосьев. В конце концов аквилонцы бросили гоняться за призраками и тенями, мелькающими иногда в поле, и просто увеличили посевные площади.

Силий спешил рассказать односельчанам, что в этом году вору практически не тронули драгоценный урожай, а главное — пшеница уже жаждет уборки. Поэтому крестьянин, забыв свою обычную медлительность, шел быстро.

Внезапно Силий замер. Он увидел, что среди колосьев что-то чернеет.

«Вор!» — мысленно вскрикнул крестьянин и решительно сошел с тропы, аккуратно раздвигая перед собой сочные колоски. Бережливое отношение к пшенице отнюдь не мешало ему высказывать в каждом движении ярость и презрение, которые он испытывал при одной только мысли о зингарском отроде, паразитирующем на их, аквилонцев, мирном образе жизни.

Крестьяне ни разу не видели воров, но все, как один, были уверены, что урожай крадут не аквилонцы, а жители Зингары, на границе с которой и разбили когда-то свое небольшое поселение охотники. Поля располагались спорно. Не четкая граница вполне могла разрезать их пополам. Но аквилонцев это не беспокоило. Они уже давно решили — где чьи территории. Да и их барону, живущему дальше на север, не было дела до границ. Его волновала лишь своевременная доставка налога на землю — десятой доли урожая. Крестьяне хоть и недолюбливали своего господина, но власть уважали и платили исправно, не забывая и про десятину для служителей Митры.

Силий замедлил шаг, остановился, озадаченно потирая затылок. Перед ним ничком лежал

человек в черной рубаше и штанах. Теплая одежда так не сочеталась с дневной жарой, что удивленный крестьянин несколько мгновений никак не хотел обратить внимание на четыре стрелы, торчавшие из спины, руки и ног человека, играя на ветру аккуратным опереньем. Аквилонец невольно отшатнулся, когда понял, что перед ним лежит мертвец. Но любопытство взяло вверх над ужасом и отвращением, и Силий склонился над телом. Присмотрелся и судорожно задержал дыхание, боясь упустить догадку.

Зингарец!

Низкий рост, крепкое телосложение. Крестьянин вынужден был оторвать от земли голову мертвеца, вцепившись в липкие волосы, чтобы посмотреть на лицо. Очень смуглая кожа...

Крестьянин разжал пальцы, отпустив голову зингарца. Резко выпрямился. Взгляд упал на небольшой сверток, лежащий у ног мертвеца. Силий поднял его и с удивлением обнаружил, что тот, разворачиваясь, легко превращается в огромный мешок. По плотной ткани скатилось одинокое зернышко.

«Ворюга!» — зло выкрикнул крестьянин. Сплюнул. Теперь он знал, что предположение его односельчан, касающееся зингарских воров, было верным.

Силий еще некоторое время постоял возле мертвеца, обозревая окрестности — запоминая по расположению далеких деревьев место, где лежал зингарец, и двинулся дальше, в поселок.

Но не успел он сделать и десяти шагов, как

наткнулся на странный колосок и остановился. Из земли торчала стрела. Такая же, как и из тела убитого вора. Силий осмотрелся и удивленно поднял брови. Взгляд нашел вокруг десятки стрел. Они виднелись между колосьями по одной и пучками. Только сейчас крестьянин осознал, какому обстрелу подвергся зингарец. По нему стреляло не меньше десятка лучников. Но зачем кому-то обстреливать вора? Ведь он крадет зерно только с полей Силия и его односельчан.

Или причина — в другом?

Крестьянин представил себе картину происшедшей здесь бойни.

Зингарец ночью, о чем свидетельствует относительно теплая одежда, вышел в поле. Но не успел он приступить к своему грязному делу, как его обстреляли лучники.

Наверное, они его с кем-то перепутали. Другого объяснения Силий не находил.

Но с кем они спутали вора? И не бродят ли где-то здесь неподалеку эти неведомые стрелки, готовые перепутать с кем-нибудь и его самого?

«Почему лучники не забрали такие хорошие стрелы? — мысленно удивился крестьянин. — Может, они решили отыскать их при свете солнца? В темноте все-таки найти сложно. Если так, тогда они вернутся!..»

Эта последняя мысль Силию очень не понравилась. Он неуверенно наклонился к длинной стреле, которая даже после того, как вонзилась в землю, сравнялась по высоте с колосками.

Внезапно послышался короткий свист, и перед расширившимися от страха глазами крестьянина в землю вонзилась еще одна стрела.

2

В дверь тихо постучали. Конан не успел сказать ни слова. Просперо, как обычно, стучал исключительно из привычно аристократических побуждений. Поэтому, исполнив ритуал, тут же распахнул тяжелую дверь королевской опочивальни и вошел внутрь.

— Готов к подвигам? — усмехнулся он, глядя на заспанного короля.

Конан протер глаза огромными кулачищами и, почесав щетину, затянувшую пол-лица, удивленно посмотрел на друга.

— Не рановато ли для подвигов? — осведомился он, нехотя отбросил ногами пушистое одеяло и медленно поднялся на ноги. В голове что-то хрустело и вяло потрескивало, словно умирающий костер. В висках болезненно пульсировали раскаленные угольки, каждым ударом затуманивая воспаленное зрение.

Киммериец некоторое время тщетно пытался расшевелить отекающие мозги.

— Вчера был праздник, — неуверенно сказал он, вспоминая отрывки громких мелодий и столя, ломящиеся от выпивки и яств.

— У тебя великолепная память! — улыбнулся Просперо. — А что ты еще помнишь?

— Хм-м...

— Говорил же, не пей столько. Последний кувшин явно был лишним.

— А в честь чего праздник? — осторожно спросил король Аквилонии, мысленно проклиная дремлющую память.

— Услышал бы тебя сейчас Эпимитреус, — покачал головой Просперо.

— При чем здесь жрец? Неужели я был настолько пьян, что...

— Нет, святыни ты не осквернял. Не успел. Заснул как раз тогда, когда принялся рассказывать о вашей пьянке с Эпимитреусом на горе Голамайра. Ну что, вспомнил, в честь чего ты затеял праздник?

Киммериец кивнул. Головная боль понемногу утихала.

— Победа над слугой Сета. Нелегкая победа, я тебе скажу... Скажи-ка, а мой новый меч уже готов?

— Наконец-то ты станешь похожим на самого себя, — улыбнулся Просперо. — Твое новое оружие проходит испытание в королевских кузнях. К слову, тот обломок твоего старого меча, благословенный самим Эпимитреусом, я поместил в дворцовое хранилище редкостей. Пусть потомки поглядят на оружие легендарного предка, которым тот убил могущественного слугу Сета.

— Потомки? — кисло усмехнулся Конан, наматывая набедренную повязку, расшитую жемчугами и драгоценными камнями. Он все еще не мог от нее отвыкнуть. Да и не хотел скрывать свою невероятную мускулатуру. — Надо еще

удержать эту проклятую власть, которую хотят отобрать все, кому не лень.

— После нескольких неудачных заговоров твой авторитет в народе окреп. Ты показал себя сильным. Народ это любит!

Киммериец недовольно посмотрел на пустующие ножны. Без меча он чувствовал себя совсем скверно.

— Я уже давно, еще в Киммерии, понял, что простые люди любят сильных правителей. Да вот беда: яд в бокал сыпет не народ... Все-таки хорошо, что ты так быстро вернулся из Немедии.

— Я повернул своих людей назад, в Тарантию, в тот же миг, когда понял, что неспроста кто-то пытается отделить от тебя верных людей. Да, кто бы мог подумать, что Аскаланте, бывший граф Туны, будет стоять во главе заговора? Больмано, Дион, Громель — еще куда ни шло. Но Аскаланте?!

— Ты забыл Ринальдо, — скривился киммериец. — Поэт неплохо расписался своим острым пером на моем боку.

— Да, к сожалению, мы с Троцери не успели предотвратить покушение на твою жизнь.

— Зато как мы отпраздновали победу! — усмехнулся король.

Несколько мгновений Силий потратил на размышления. Опасно долгие размышления. И только потом сделал шаг в сторону.

Воздух высвистал очередную стрелу, которая тут же воткнулась в землю в том месте, где только что стоял крестьянин. Рядом с ней вонзилась еще одна, пролетев возле самого уха.

Силий побежал. Быстро, как никогда не бегал даже на ежегодном деревенском состязании. Округлившись глаза, застланные пеленой страха, сразу же потеряли тропу. Только слух многочисленными посвистами напоминал крестьянину причину и надобность бега. Колоски легко ломались под отчаянным натиском мчащегося человека, похрустывая в унисон со взбесившимся сердцем. Зерна пшеницы разлетались во все стороны, осыпая бегуна щедрым дождем.

Силий бежал. Он не видел, как десятки стрел втыкались в землю за его спиной. Но неожиданно обострившийся слух улавливал частые щелчки тетивы, не допуская даже мысли об отдыхе.

Лучники стреляли быстро, щедро посылая стрелы вслед жертве. Они оживленно переговаривались, обмениваясь небрежными ухмылками, словно предметом их обсуждения была какая-то безделица, а не бегущий прочь старик, которого так решительно приговорил к смерти их главарь.

— Кто попадет в этого крестьянина, — узловатый палец ткнул в сторону пшеничного поля, — получит на обед баранью ногу!

— А как мы определим, кто именно попал в цель? — обернулся один из лучников. — Мы же стрелы не метим!

— Стреляй, обормот! Больше дела.

— Стрелы жалко.

— Потом соберете. Может, тогда будете точнее стрелять! А пока барашек от вас убегает со скоростью этого крестьянина. Если подстрелите так, что он останется жив и сообщит что-то ценное, тогда все получат по ноге.

— Зачем же сразу так сурово? — Лучник, подавив улыбку, погладил свободной рукой свою ногу.

— По бараньей, болван!

— Жалко барашка...

В подлеске, где прятались стрелки, послышался грубоватый смех. Главарь побагровел.

— Молчать! — рявкнул он от души. Гомон тут же стих. — Если аквилонец уйдет, тогда король заставит съесть вас собственные ноги! О нашем продвижении никто не должен узнать. Всем понятно?!

Воцарилась тишина. Затем луки поднялись и выпустили новый смертоносный рой. Стрелы взлетели к небу и тут же обрушились на крестьянина, которого злая судьба подвела прямо под это роковое покрывало.

Силий почувствовал легкий толчок, отзывшийся несоразмерной болью.

Он удивленно взглянул на наконечник, торчащий из руки. Следующая стрела пронзила шею, затуманивая взор. Легкие конвульсивно содрогнулись. Сердце вложило в последний удар все силы...

Пшеница раскрыла объятия, принимая бездыханное тело.

— Никогда об этом не слышал, — признался Конан, спускаясь по ступеням, покрытым красным ковром. — Разве Нумедидес делал так хоть раз?

— Нумедидес не пример для подражания, — заметил Просперо.

— И все-таки споры между простыми аквилонцами должны разрешать их сюзерены, а не король.

— Хочешь укрепить свое влияние, стань народным правителем! Аристократия никогда не примет тебя как равного. Смирись. Но им можно противопоставить народную любовь. Это не я придумал, Конан. Так гласит вековая мудрость. Стань народным правителем, и тогда ты без труда сможешь подвергнуть любого врага ostracismу.

Киммериец замер, заставив Просперо несколько мгновений балансировать на узкой ступеньке.

— Чему подвергнуть?

— Это из древнетирийского эпоса. Не бери в голову. — Помощник короля махнул рукой. — Вырвалось.

— Что значит «подвергнуть ostracismу»?

— Понимай, как «избавиться навсегда».

— Убить, — кивнул король.

— Не совсем. Скорее — изгнать.

Ostracism. Киммериец задумчиво покрутил новое слово в голове. Затем увидел, что Просперо уже успел отворить двери в тронный зал, сделал глубокий вдох и медленно вошел.

Бароны, графы, — они стояли вдоль стен, образуя живой коридор. Конану уже давно надоели эти титулованные бездельники. Половина из них — отъявленные негодяи, прикрывающиеся изысканными манерами. Другая половина — не лучше, но скрывать свои замыслы им тяжелее. И те, и другие постоянно плели вокруг него заговоры. Киммериец чувствовал злобу и зависть, направленные на него острыми стрелами. Лишь на считанных друзей он мог положиться... но что такое единицы против сотни?

Разноречивые взгляды нобилей провожали правителя до самого трона. Просперо, нацепив на лицо маску невозмутимости, достойную самого Митры, встал по правую руку от короля.

— Я не вижу среди вас Больмано, графа Карабана, и Диона, барона Атталуса, — в глазах киммерийца вспыхнули озорные огоньки. По залу разнесся удивленный шепот. — С чего это они решили не почтить нас своим присутствием?

— Ваше величество, но они же мертвы! — воскликнул чей-то юношеский голос.

— Назовитесь! — приказал Просперо, выискивая глазами крикуна.

— Кандий, баронство Лор.

— Сын барона? — прищурился помощник короля.

— Отец погиб пять дней тому назад. На охоте. Волки...

— Мои соболезнования. Ну, так объясните же нам, барон, причину вашего несдержанного выкрика.

Взор юноши заметался по лицам придворных. Барон пытался понять, в какую интиту его втравили. Но аристократы редко выказывали свои эмоции. Кандий встречал только пустые глаза, смотрящие сквозь него.

— На вчерашнем приеме мне сказали, что граф и барон скончались.

— И как же это произошло? — спокойно спросил король Аквилонии.

— Пали от руки вашего величества, — сказал Кандий. Он поспешил склонить голову, чтобы не выдать свой страх.

На долгие мгновения в зале повисла напряженная тишина. Затем растерянный шепоток сменялся всеобщим ропотом. Придворные не скрывали своего недоумения.

— Кто посмел сказать вам такое? — прокричал кто-то над правым ухом киммерийца. Конан удивленно обернулся. Он и не заметил, когда Публий, главный королевский советник, успел занять место по левую сторону от трона. Рядом с ним гордым изваянием замер верховный жрец. Эта пара смотрелась очень необычно. Худошава высокая фигура жреца была полной противоположностью тучному королевскому советнику.

— Я, ваше величество! — Паллантид, командир Черных Драгун, резко шагнул вперед.

— Вы ошиблись, достопочтенный Паллантид, — слащаво улыбнулся Публий. Он уже понял, какую игру затеял король, и решил подыграть правителю. — Но, учитывая вашу неискрушен-

ность в политике, его величество готов простить вас.

Конан важно кивнул.

— Смею вас заверить, господа, — продолжал главный королевский советник, — что граф Дион, барон Больмано и Громель, командир Черного Легиона, не причастны к заговору. Да и никакого заговора, вообще, не было.

Придворные разом затаили дыхание. В зале воцарилась тишина.

— Король никогда не дал бы ни единого шанса заговорщикам! — подхватил Просперо, одобрительно взглянув на Публия. — Достопочтенные Дион, Больмано, Громель и Аскаланте, бывший граф Туны, помогли королю разделаться с могущественным слугой самого Сета, от которого нас ценой собственной жизни защитил великий Эпимитреус.

На холодных лицах заиграли улыбки. Придворные с радостью приняли такое объяснение. Заговорщики имели среди аристократии слишком много сторонников.

— В дворцовом парке, — прогремел король Аквилонии, — будут установлены пять памятников, в которых ваятели запечатлеют героев...

Тронный зал наполнился оживленным гомоном. Но Конан еще не закончил.

— Отныне всякий, кто будет проходить через парк, будет лицезреть графа Диона, барона Больмано, командира Черного Легиона Громеля, Аскаланте и, — киммериец сделал небольшую паузу, — Ринальдо, величайшего поэта Аквилонии.

Просперо скосил взгляд на сосредоточенное лицо киммерийца. Внешне помощник короля никак не выдал удивления, но мыслями он терялся в догадках.

Аристократия недоверчиво смотрела на правителя. Все прекрасно знали, как Ринальдо ненавидел Конана. И это чувство было взаимным. Самый последний нобиль был уверен в том, что пятый памятник будет изображать самого короля Аквилонии, а не его врага.

Публий мысленно потирал руки. Поступки Конана начали удивлять придворных. А значит, он укреплял свою власть. История всегда давала понять: низвергались лишь предсказуемые монархи.

Просперо склонился к уху киммерийца.

— Ринальдо — любимец народа, — услышал Конан его шепот. — Теперь ты станешь популярен как никогда.

— Я знаю, — улыбнулся король.

— Силий должен скоро вернуться, — сказал старейшина, косясь на барона. — Он отправился проверить поля. Пшеница уже наверняка созрела, так что скоро мы отдадим вам вашу часть.

Крестьяне быстро закивали, боязливо поглядывая на нобиля. Барон приехал на два месяца раньше срока. Старейшина знал причину такому раннему интересу молодого хозяина к урожаю. Не секрет, что их сюзерен — очень азартный че-

ловек. Большая часть его состояния, накопленного от продажи зерна в Аргос, всегда шла на покрытие долгов. Азартные игры манили его, словно древние карты, указывающие на богатые клады. В Тарантии, Шикасе, Шамаре и даже в Чондаре он успел проиграть немало серебра и золота, обогатив чужие города и графства.

Крестьянам терпеливо относились к мотовству нобилья, но в тайне побаивались его ненасытного азарта. Ведь не секрет, что долги погубили не одного правителя. И вместе со своими сюзеренами гибли сотни ни в чем не повинных простых людей, загнанные до смерти отчаявшимися должниками. Нобиль боится не заплатить долги. А значит, барон будет всеми силами выбивать из подвластных ему поселений все, чем можно погасить гнев кредиторов.

Односельчане Силия встретили барона и его подозрительно многочисленное военное сопровождение на единственной улице, по сторонам которой и были выстроены небольшие, но опрятные домики жителей поселка.

— Похоже, селянин, ты либо глупец, либо глухой! — скривился барон, резко выпрямившись в седле. Его конь загарцевал перед крестьянами. — Я же сказал, что зерно мне нужно сейчас!

Блестящие на ярком солнце легкие доспехи, в которые был закован нобиль, служили больше для украшения, чем для защиты в бою. Такой тонкий нагрудник не остановит даже кофийский короткий меч. Впрочем, нынешние аристократы

давно утратили желание сражаться на поле брани...

— Наши амбары пусты, — признался старейшина. — Как вы помните, достопочтенный барон, прошлый год был на редкость засушливым. Большая часть пшеницы так и не дожидая до жатвы.

— Конечно, я помню те жалкие крохи, которые ты называл моей десятиной! Уверен, ты обманул меня. Эти земли не могут не давать богатый урожай. А если и случится такое, то только по вашей вине. Значит, вы обязаны заплатить штраф — десятину, обычную для урожайного года.

— Мы не имеем власти над природой, достопочтенный господин. И не способны создавать зерно из воздуха.

— Ты что, вздумал смеяться надо мной?! — Барон подъехал к старейшине вплотную, так что старик почувствовал кожей дыхание коня.

— Я просто пытаюсь объяснить...

— Какой-то грязный старик будет меня поучать! — воскликнул нобиль, выхватывая короткий меч... такой же декоративный, как и доспехи, но не менее опасный для дряблой шеи старейшины, чем настоящее оружие. Несколько гневных взмахов, — лезвие просвистело совсем близко от лица крестьянина.

— Я не пытаюсь учить столь разумного и мудрого правителя как вы, достопочтенный барон. Только прошу немного времени. Через десять дней вы получите свое зерно.

— У вас есть два дня! — Нобиль взмахнул ме-

чом. — А пока мы поищем немного зерна в ваших «пустых» амбарах! Кто знает, может статься, мы больше преуспеем в этом неблагодарном деле?..

Брови старейшины сошлись на переносице. Глубокие морщины проявились с еще большей четкостью. Стариком овладел гнев. Опасные слова готовы были в любой миг слететь с его побелевших губ. Но он не успел проронить ни звука. Старейшина, не веря своим глазам, смотрел, как барон внезапно охнул и обмяк, а затем медленно, словно мешок с зерном, вывалился из седла. Его конь тряхнул сбруей и испуганно заржал, поднимаясь на дыбы. Копыта гневно ударились о землю.

— Что случилось? Барон! — испуганно закричал начальник охраны нобилия, ловко соскакивая с коня. Его примеру последовали еще несколько воинов. Они дружно подбежали к лежащему на боку барону, неестественно раскинувшему короткие ноги, и замерли. Из забрала круглого шлема выглядывало оперение стрелы. Острый наконечник, обогранный кровью, торчал с другой стороны шлема.

Начальник охраны затравленно осмотрелся по сторонам. Его взгляд остановился на перекошенном от ужаса лице старейшины. Недолго думая, охранник вытащил саблю и в затаенном прыжке проткнул старческую грудь. Все прочие воины, не раздумывая, последовали за своим командиром, врезавшимся в тесные ряды мирных жителей поселка.

Острое лезвие поднималось и опускалось... беспорядочно, бездумно.

Для опытного воина все было предельно ясно. Барон пожелал от селян немного большую плату, чем обычно, и те предательски убили своего господина. Охранный отряд барона превратился в карателей, которых тот часто посылал для умирения непокорных крестьян.

С каждым взмахом клинка земля щедро обливалась кровью. Верещали женщины, орали мужчины, плакали дети. Кто-то пытался бежать, падал, его затаптывали. Кто-то, ведомый непреодолимой жадой мести, бросался с голыми руками на взбешенных врагов, чтобы в следующее мгновение опуститься перед ними на колени, обливаясь кровью. А воины, взбешенные убийством барона, остервеневшие от резкого запаха чужой крови, яростно размахивали мечами. Они не щадили ни женщин, ни детей, утратив в пылу неравной схватки остатки человечности.

Неожиданно начальник охраны поверженного нобилия споткнулся, взмахнул мечом, пытаясь устоять на ногах. Острие деревянной рогатины проскользнуло над ухом, оцарапав голову. Сабля оказалась точнее. Крестьянин упал, судорожно прижимая руки к груди.

Старый воин взглянул себе под ноги. Перед ним стоял голубоглазый малыш, застывший с широко раскрытыми глазами. Удивленный взгляд ребенка остановился на занесенной для удара сабле. Крупные слезы чертили неровные дорожки на грязных щеках.

Маска пчеловеческого бешенства постепенно покинула лицо охранника.

— Прекратить! — закричал он и медленно опустил багровое от крови оружие. Несколько воинов послушно остановились. Но к притупленным чувствам двоих из них приказ командир не пробился: они продолжали размахивать саблями. — Прекратить, я сказал!

Удивленные взгляды устремились на него. Воины словно забыли, что у них есть командир. Две сабли расслабленно коснулись острием земли, удерживаемые уставшими руками.

Но крестьяне не собирались так просто прекращать сражение. Двое из них прорвались через редкий строй односельчан. Длинный шест с заостренным концом мелькнул перед глазами изумленного командира и, не давая тому времени опомниться, тут же проткнул живот воина, легко пробив кольчугу. Охранники с ужасом взирали, как два крестьянина поднимают на конце длинной жерди их командира, охрипшего от надрывного крика.

Лишившись вожака, молодые воины не успели вовремя поднять сабли, чтобы отразить гнев крестьян. Рогатина сбила с ног одного, проткнув ему горло. Багор, не пробив кольчугу, отбросил на землю другого. Воина поспешили добить ногами. Даже дети не побрезговали избиением. Вооружившись палками, они сосредоточенно добивали врагов, выискивая их незащищенные места.

Вскоре все было кончено.

Некогда цветущий поселок утонул в стогах и криках. Подвывали раненые. Пронзительно кричали женщины, склонившись над убитыми мужьями. Плакали дети.

— Ну, в чем ваша беда? — спросил Конан, внимательно разглядывая двух аквилонцев, топчущихся перед тронном.

Рядом с ними стоял Паллантид и пятеро его воинов, исполняющих обязанности, которые прежде возлагались на солдат Черного Легиона. После предательства Громея доверие короля к Легиону пошатнулось.

— Наш спор можете разрешить только вы, ваше величество, — склонил голову первый проситель. Светлые волосы и черные глаза выдавали в нем гандерландца.

Второй простолюдин быстро кивнул седой головой, непрерывно пересчитывая складки на своей измятой шапке, которую немногим раньше Паллантид сорвал с его головы и сунул в руки со словами: «Негоже стоять перед королем в шапке, даже если она больше похожа на платок, по которому вдоволь погарцевал боевой жеребец!»

— Выскажите его величеству причину и обстоятельства вашего спора, — строго велел Публий. Сейчас он очень напоминал Конану верховного жреца перед вдохновенной речью.

Гандерландец боязливо посмотрел на главно-

го королевского советника, затем скосил глаза на короля. Его взгляд изучал преданность и покорность, граничащую с подобострастием. Нетрудно было угадать, что сейчас чувствует простолудин, представ перед самыми могущественными людьми Аквилонии.

— Ваше величество, — первый проситель, похоже, проклинал себя за смелость, — у меня есть небольшой земельный надел...

— Запомни, презренный, у тебя нет ничего! — прокричал верховный жрец, выходя из-за спины Публия. — Все в мире принадлежат Солнцеликому Митре! Земли Аквилонии — это божественный дар нашему королю! Поэтому только он вправе провозглашать их своими!

Губы гандерландца задрожали. Хуже гнева Митры мог быть только гнев его верховного жреца. И хоть все знали, что Митра не приемлет кровавых жертвоприношений, холодный взгляд служителя Владыки Света заставлял стынуть в жилах кровь даже самых храбрых аквилонцев.

— Надо велеть жрецу придержать язык, — прошептал Просперо на ухо Конану, — иначе нам никогда не добиться благосклонности народа. Страх — это хорошо; уважение — это сила. Но если перестараться...

— Продолжай, — кивнул киммериец, глядя на просителя.

Гандерландец поежился, осмотрелся, стараясь не встречаться взглядом со жрецом. В глазах второго участника спора он не нашел даже намека на поддержку... только знакомый страх и

стремление укрыться от взоров короля и многочисленных придворных.

— Ваше величество, вашей волей я был удостоен небольшого земельного надела... — короткий взгляд на изваяние, которому уподобился верховный служитель Митры. — Но мой сосед утверждает, что граница между нашими... — жрец нахмурился, Конан поднял руку, предотвращая очередную перепалку, — ...землями — неправильная.

— Документы на землю у вас есть? — вскинул брови Публий, с радостью возвращаясь к излюбленной власти — над бумажками.

— Конечно, — отозвался второй проситель, вынимая из-за пазухи свернутый лист пергамента.

Гандерландец поспешил последовать его примеру.

Королевский советник выхватил документы и, отойдя на свое место, по левую руку от короля, взялся изучать их с аппетитом настоящего судьи.

— И что вы хотите от короля? — спросил Просперо, поглядывая на Публия.

— Справедливости, — едва ли не хором ответили просители.

Старик покосился на своего противника и добавил:

— Мы надеемся на милость его величества. Пусть он разделит наши наделы королевским решением, чтобы отбросить все распри между нашими когда-то дружными семьями.

— Возмутительно, — неожиданно спокойно произнес королевский советник, закончив изучать пергаменты. — Границы на документах пересекаются. Это непростительная безалаберность, ваше величество. Надо наказать их сюзерена!

Глаза просителей засветились скрытым ужасом. Они хорошо знали своего графа. Как и то, что он с ними сделает, если у него будут неприятности.

— Решать буду здесь я! — строго сказал король, хлопнув по подлокотнику. Несильно, но и этого хватило, чтобы Публий испугано вытянулся в струнку. — Документы мне!

Просперо хотел наклониться к уху Конана, помочь советническим шепотом. Но поднятая рука короля остановила его на полпути.

Киммериец взглянул на два корявых рисунка, очерчивающих границы наделов. Фыркнул.

— Эти участки застроены? — спросил он.

— Нет-нет, ваше величество, — отозвался старик. — У нас там только огороды.

— Земля одинаковая?

— Да, ваше величество.

— Тогда — слушайте. — Он бросил пергаменты просителям. Крестьяне поймали, слегка прижав. Каждый безошибочно схватил свой документ. — Один из вас возьмет пергамент другого и проведет по спорной меже правильную, по его мнению, границу. Потом эту же линию повторит на втором документе. Другой же спорщик получит право выбора документа и, соответственно, надела. Чтобы не затягивать рас-

пря, приказываю: пусть делит старец! Гандерландец получит право выбора земли. Теперь вам некого будет винить, кроме самих себя. Публий, проследи!

— Хорошо, ваше величество! — поклонился советник.

— Свободны!

Просители поспешили удалиться.

Конан постарался скрыть удовлетворение от своего решения, с наслаждением вбирая в себя удивленные взгляды напыщенных аристократов.

— У меня нет слов, — шепнул ему на ухо Просперо.

— Такое с тобой впервые.

Всадники стремительно ворвались в поселок, черной тучей надвинувшись на крестьян. Лучники расступились, давая дорогу.

— Разве это обязательно? — спросил молодой стрелок, печально глядя на резню, учиненную всадниками. Они беспощадно добивали всех жителей поселка, выживших в кровавом недоразумении.

— Это не нам решать. — Командир мельком взглянул на крестьян, испугано сбившихся в кучу. Вокруг них кружили сверкающие сабли, каждым взмахом разрезая строй. — Есть приказ, который они обязаны выполнить!

— Я не стал бы выполнять такой приказ.

— Тогда мне пришлось бы тебя убить.

Молодой воин с трудом сглотнул горькую слюну. Позорно убить, или быть позорно убитым. Не хотел бы он оказаться перед таким выбором.

— А забавно получилось, — улыбнулся другой лучник, обнажая ряд кривых зубов. — Я самого голосистого застрелил, а эти крестьяне, как накинута друг на друга...

— Да, весьма забавно, — мрачно сказал командир и склонил голову. Он не привык к такой войне.

Надвигающийся гул заставил стрелков обернуться. В поселок входили колонны воинов, торжественно шествующих по пустынной дороге. Лучники знали, что основная часть армии обтекала узкое поселение, разбившись на два широких рукава одной реки.

Впереди строя вышагивал черный конь. Ветер в неуместном веселье играл длинной блестящей гривой. Его всадник скрывался под мощными доспехами, слепящими чистейшей белизной.

— Что-то мы застоялись, — сухо сказал командир лучников, ощупывая тетиву. — Разведчики мы или нет?

— Передовой отряд, — кивнул молодой стрелок.

— Тогда, клянусь Митрой, мы зря теряем время!

Разведчик оглянулся на белого рыцаря. Приподняв забрало, тот с улыбкой наблюдал за расправой, учиненной всадниками над крестьянами.

— Не нравятся они мне, — прошептал Конан на ухо Просперо, почтительно наклонившемуся к киммерийцу. — Клянусь Митрой, в них аквилонской крови меньше, чем во мне.

Помощник короля спокойно посмотрел на двух спорщиков, представших перед тронном. Раскосые глаза и смуглая кожа обоих выдавали в них чужаков, пришедших на земли Аквилонии из Гиркании или даже еще дальше с востока.

— Думаю, они гирканцы, — заключил Конан.

— Да, скорее всего, — едва заметно кивнул Просперо. — Хотя и гирканское происхождение сомнительно. Сейчас в мире все так перемешалось. Мало кто жаждет чистоты крови. Они могут быть даже шемитами.

— Можно подумать, ты сам без греха. Да и я не послужу продолжателем аквилонской династии.

— Не спорю. Но все же...

Внезапно вперед вышел верховный жрец, взмахнув полкой великолепного халата, спитого из тонкого шелка лучшими мастерами Вендии.

— Перед тем как король выслушает вас, ответьте мне на один вопрос. — Глаза жреца загорелись яростным огнем. Конан не хотел бы оказаться на месте ответчиков. — Какой вы веры?

— Для меня есть только один бог, — быстро сказал первый спорщик, вытирая грязным рукавом лоб. — Митра, Владыка Света, Податель Жизни, Хранитель Горнего Очага.

Второй чужак кивнул, присоединяясь к словам противника. Этот был еще совсем юным. Даже не верилось, что он может осмелиться на встречу с королем. Только глаза заставили киммерийца задержать взгляд на едва ли не детском лице. Во взгляде юнца читалась смелость, граничащая с дерзостью.

Жрец еще некоторое время буравил чужаков взглядом, затем удовлетворенно хмыкнул и отошел к трону, став за спиной советника.

— Что бы вы хотели узнать? — спросил Просперо. — Говорите, не тратьте время короля попусту.

Спорщики переглянулись.

— Я долгое время работал на этого купца, — юнец махнул рукой на противника. Конан улыбнулся, его забавляла дерзость тона молодого аквилонца. — Мне понравилась его дочка. Я понравился ей. Мы поженились. Правда, мой дорогой тесть был категорически против. Говорил, что я еще слишком молод. — Юноша презрительно хохотнул. — Шестнадцать лет — это уже старость. Но мы все равно поженились. Тайно.

— Моей дочке двадцать один год, — проворчал купец.

— Ну и что? — юнец подбоченился. — В постели она еще достаточно хороша. Но не в этом дело. Мне она надоела, и я решил разорвать наш брак.

Просперо посмотрел на несчастливое тестя, краснеющего то ли от злости, то ли от стыда.

— Этот мошенник во время женитьбы заставил мою дочь оформить все документы...

— Никого я не заставлял. Она сама.

— ...И провозгласил себя моим наследником. А посему, теперь, когда моя дочь ему больше не нужна, он хочет уйти из семьи и прихватить с собой половину моего имущества.

— Это правда? — Король поймал взгляд юного мошенника.

— Не вполне. Мой дорогой тесть просто хочет меня выставить в плохом свете. Очернить. Но в целом — все верно: я хочу уйти и забрать свою долю семейного богатства.

— Шустрый малый! Плут! — донеслось со стороны придворных. — Мошенник! Негодяй! Вор!

— Проверьте документы! — приказал Конан. — Публий, Просперо!

— Все в порядке, — вскоре сообщил советник, внимательно изучив пергаменты. Помощник кивнул, соглашаясь.

— Из-за чего ты женился на дочке купца? — Король снова сосредоточил внимание на заносчивом юнце. — Из-за любви? Или денег? И не ври мне, я почувствую и покараю за ложь! Митра свидетель!

Молодой мошенник замялся, затем сделал шаг к киммерийцу и тихо сказал:

— Истинную причину я могу сказать только вам лично, ваше величество.

Конан задумчиво посмотрел на дерзкого юношу.

— Хорошо, подойди.

Паллангид напряженно наблюдал за восхождением молодого жениха, который неторопливо

преодолевал широкие ступеньки, ведущие к трону.

— Причина проста, — услышал Конан торопливый шепот склонившегося к нему юноши. — Я должен был добраться до вас. И убить!.. Привет из Хаурана!

Блеснуло лезвие кинжала.

...И вонзилось в спинку трона. Киммериец, не успев даже удивиться, отвел голову за мгновение до предательского удара. Нож лишь срезал локоны его черных, как безлунная ночь, волос. Не дожидаясь повторной атаки, Конан резко, без замаха выбросил руку. Юный убийца отлетел от короля, словно камень, выпущенный из пращи. Отчаянно размахивая руками и громко ругаясь, он пролетел двадцать шагов, шумно приземлился и мгновенно затих, ударившись головой об пол.

Воцарилась изумленная тишина. Придворные не слышали слов юноши. Как и не заметили его стремительный удар.

Просперо удивленно смотрел на дыру в обивке трона. Он все еще не мог поверить, что человек способен на реакцию, которую показал киммериец, увернувшись от острого лезвия. Вокруг головы несостоявшегося убийцы быстро растекался кровавый ореол. Придворные наконец заметили в его руке нож и, разобравшись, оживленно обсуждали случившееся.

— Вот как? Привет из Хаурана? — пробормотал король Аквилонии и задумчиво посмотрел на юношу.

* * *

— Это самое настоящее покушение на монаршую власть! — воскликнул Публий, когда киммериец пересказал слова убийцы. — Заговор!

— Не спешите, советник, — спокойно сказал Просперо, непроизвольно оглянувшись в поисках слишком любопытных аристократов. Но его опасения разгорелись напрасно. Придворные уже исполнили приказ Конана и покинули зал. Тело юноши убрали. Пол помыли. Ничто не напоминало о минувших событиях.

— Мне кажется, все не так просто, — продолжил помощник короля. — При чем здесь «привет из Хаурана»?

— Очень похоже на то, что кто-то сводит с вами личные счеты, ваше величество. — Верховный жрец погладил острый подбородок.

— Хауран... — Король напряженно копался в заупрямившейся памяти. — Хауран...

— Ваше величество, — неожиданно произнес Публий, — осмелюсь напомнить, что состязание лучников, которые вы организовали вот-вот начнется. Вас ждут возле стрельбища. Они не смеют начать соревнование без вашего благословения.

— Правильно делают, что ждут, — усмехнулся король. — Ведь я тоже принимаю участие.

— Разве после такого дерзкого покушения ваше величество в состоянии состязаться с лучниками Аквилонии?

— Его величество и не на такое способен, — сухо сказал Конан, стирая с лица улыбку. — Не

меня убили, а я убил. Душевные травмы, почтенный советник, оставьте покойному Нумедесу.

9

Зеленеющее свежей травой поле, пропитанное яркими лучами солнца, окружили десятки разноцветных шатров, в которых разместились известнейшие лучники страны. Слуги сутились возле многочисленных щитов, отдаленных от рубежа для стрельбы на разные дистанции. Сейчас стрелки имели возможность размяться. Самый удаленный щит расстояние превратило в крошечную жемчужину, смешав цвета мишени. Несколько лучников отбыли еще до начала соревнований. При всей точности, их выстрелы просто не могли долететь до некоторых мишеней.

Конан, окруженный пестрой свитой суетливых придворных, первым из участников состязания ступил на королевское стрельбище. Зрители, к которым посчастливилось присоединиться и многим простым жителям Тарантии, встретили короля, возвестившего об открытии соревнований, торжествующими криками. Даже те, кто недолюбливал монарха, откликнулись на его появление улыбкой.

Просперо усмехнулся. Идея состязания принадлежала ему.

Тем временем королю вручили лук. Не надо было снискать славу настоящего лучника, чтобы

понять силу королевского оружия, выгнувшегося изящной волной.

Киммериец легко растянул тугую тетиву, прижав сверкающее оперение стрелы к виску. Легко повел плечами, приподнимая левую руку. Выстрел распорол тишину приглушенным шипением. Не каждый зритель смог заметить молниеносный полет. Стрела пролетела едва ли не по прямой, намертво влипшись в мишень.

Трибуны встретили попадание одобрительным гулом.

— В яблочко, — кивнул впечатленный Публий, который ни разу в жизни не брал в руки лук. Он никогда не мечтал стать воином, оживив силу и власть в словах, — искусство, которым главный королевский советник владел в совершенстве.

— Превосходно, ваше величество, — воскликнул кто-то.

Конан отдал лук Просперо, обернулся.

— Граф, — слегка кивнул киммериец на приветственный поклон. — Всего лишь сто шагов. Это не показатель меткости. Это открытие соревнований. Решили поучаствовать?

— Нет, ваше величество, воспользовался вашим любезным приглашением, как гость. Спасибо, что не забываете обо мне!

— Всегда вам рад.

Король подошел к главному советнику, мало беседующему с каким-то придворным. Улыбка удава мгновенно сползла с лица Публия, уступив место покорности. Его собеседник поклонил-

ся монарху и поспешил скрыться среди стрелков, готовящих свое оружие к состязаниям.

— С кем я только что говорил? Помню только, что он граф.

— Граф Фиорд, графство Монара. — Внезапно Публий приблизил губы к уху короля и прошептал: — Я думаю, стрельбище не лучшее для вас место после столь дерзкого покушения. Среди лучников много простолюдинов, которые могут пустить стрелу не в предписанную мишень.

— Если я откажусь от участия, то прослышу трусом. Не в моих правилах отступать перед лицом опасности. Так можно прятаться всю жизнь и умереть, до смерти испугавшись собственной тени.

— Это слишком опасно, ваше величество.

Конан замер, задумавшись. Ему нужен был совет. Осмотрелся в поисках Просперо. Бесполезно. В глазах рябило от обилия дорогих костюмов. Многие лучники решили пожертвовать удобством при стрельбе ради красоты нарядов. Конан впервые почувствовал себя неуютно. Его простая одежда слишком резко выделялась на общем фоне. Но киммериец быстро успокоился. С чего это королю подражать вассалам?

Взгляд на миг задержался на двоих молодых придворных. На лице Конана заиграла торжествующая улыбка. В подражание королю, они также были одеты очень просто.

— Что прикажете делать, ваше величество? — спросил Публий, вновь привлекая внимание короля.

— Прикажи Паллантиду собрать сотню лучших лучников.

— Но Паллантиду подчиняются только драгуны.

— Я временно вверяю Черный Легион в его руки.

— Хорошо, ваше величество.

Конан задумался: «Не слишком ли он осторожничает?» Но тут же брезгливо отбросил сомнения.

— Пусть Паллантид расставит их так, чтобы каждый участник соревнования был под прицелом хотя бы одного воина. Если вдруг кто-то решит оттачивать свое мастерство на мне, его будет ждать стрела.

— Но лучники могут не успеть. Стрела летит достаточно долго. Мы же не будем их ставить сразу за стрельбищем!

— Даже самому ловкому убийце нужно успеть прицелиться, — ухмыльнулся Конан.

— Воину Легиона тоже нужно будет это время.

— Но его не задержит сознание того, что времени на второй выстрел может и не остаться.

Отборочные туры соревнования Конан решил пропустить.

Слуги выстроили шеренгу щитов на первой дистанции. Согласно правилам соревнований, каждый лучник должен выстрелить три серии

по шесть стрел. Всех участников состязания разделили на четыре группы: западную, восточную, южную и северную, согласно представительству.

Первыми стреляли представители западных провинций. Численно преобладали лучники Западной Марки. Но всеобщее внимание пересеклось на жителе других земель. Худощавый боссонец учинил невероятное представление, выстреливая первую серию. Расстояние в сто шагов его совсем не пугало. Сначала единственный представитель Боссонии выстрелил, растягивая тетиву правой рукой. Затем стрелу прижала к виску его левая рука. Зрители ахнули, когда вторая стрела лучника пристроилась в центре мишени бок о бок с первой. Остальные выстрелы были не менее точными. Под конец боссонец продемонстрировал невероятную ловкость, выпустив последнюю стрелу не от уха. Он легко нарушил вековое правило, мудрое правило, ибо так было удобнее продлевать свой взор по стреле до цели. Лучник выстрелил от бедра.

— Впечатляет, — улыбнулся король. Он давно занял место в королевской ложе, которую воздвигли на центральной трибуне стрельбища. Мастера, не мудрствуя лукаво, соорудили все по подобию рыцарского турнира.

— Спасибо, ваше величество, — склонил голову лучник. — С такого расстояния я могу попасть даже стрелой в стрелу.

— С чего же ты не воспользовался своей меткостью?

— Без одного очка, — прокричал от щита судья, посмотрев на боссонца.

— Вот видишь, — сказал Конан, — ты лишился одного очка, которое может решить судьбу трофея не в твою пользу.

Просперо улыбнулся. Его уроки риторики приносили плоды.

— Да, я потерял важное очко, ваше величество. Но сберег стрелы. — Внезапно на хмуром лице лучника заиграла хитрая улыбка. — Посмотрим, что будет в следующих турах, когда я сойду с одним из соперников на одной мишени!

— Не правиться он мне, ваше величество, — прошептал Публий, когда лучник, испросив позволения, отошел прочь.

— Почему? — удивился Конан, изучая резкие и точные движения боссонца. — Я не сомневаюсь, что он отличный стрелок и прекрасный воин. Боссония всегда славилась своими лучниками.

— Отношение между Аквилонией и Боссонией всегда были, мягко говоря, непростыми. С тех пор, как мы оставили их наедине с этими дикарями пиктами, напряжение на западной границе накалилось. Варвары постоянно атакуют боссонские крепости. Несут огромные потери, отступают, чтобы потом собрать новую армию и вернуться. Боссонцы обеспечивают нашу безопасность ценой своих жизней. А королевская милость их обходит стороной. Только в редких случаях гонцы из Тарантии объявляются в Боссонии: когда королю нужны воины.

— Боссонцы защищают, прежде всего, свою безопасность, — заметил Просперо. — Мы не навязываем им свои порядки, и уже за это они должны быть благодарны.

— Не могу с этим не согласиться. Но человеческая природа способствует озлоблению на власть, если та забывает о справедливой милости и благодарности для своего народа. К тому же злость очень усиливает то обстоятельство, что власть исходит не от родных рук.

— Изъясняясь проще, — недовольно покачал головой Конан.

— Боссонцы злятся на нас, потому что ими правят аквилонцы, чужаки для них, — а не сами боссонцы.

— Но я никак их не притесняю. Наоборот, боссонская знать пользуется большим почетом при дворе.

— Я это прекрасно понимаю, ваше величество. Но человеку не свойственно замечать хорошее. Плохое же видится ясно и четко.

— Что ты предлагаешь?

— Ничего невозможного, ваше величество. Просто не помешает усилить наблюдение за боссонским лучником.

— Разве это проблема? — усмехнулся киммериец. — Приставьте к нему еще одного воина Легиона.

— Не думаю, что этого будет достаточно, — пробормотал Просперо. — Там, где не успеет выстрелить один легионер, не успеют и двое.

— Поэтому, — подхватил Публий, — я реко-

мендовал бы приставить к стрелку более близкую опеку. Меч разит порой быстрее стрелы.

Конан задумчиво провел рукой по волосам, слегка зацепив изящную корону, которую еще Нумедидес одевал во время частых королевских турниров и состязаний.

— Не вижу причины, — сказал он наконец, — по которой я должен противиться вашей осторожности.

Публий кивнул и исчез.

— Я согласен с достопочтенным советником, ваше величество, — внезапно ожил верховный жрец. — Над боссонцем летает какой-то недобрый дух.

— Мылся он давно, — проворчал Конан, которому уже надоели подобные высказывания служителя Митры.

— А? Простите, что вы сказали?

— Спасибо за предостережение, говорю, — отозвался киммериец, пытаясь сдержать свой могучий смех. Благо, это ему удалось. Не пристало королю портить отношения с верховным жрецом.

Тем временем все лучники продемонстрировали свое мастерство на самой короткой дистанции. Слуги засуетились, перетаскивая щиты еще на пятьдесят шагов.

Боссонец, отвечая улыбкой на возросшее внимание публики, снова взял лук и прошел к дистанции. Размеренный шаг не сулил его противникам ничего хорошего.

На этот раз он не показывал чудеса, а спо-

койно отправлял в мишень одну стрелу за другой. В первой серии он не потерял ни одного очка, кланяясь ликующим трибунам. Во время второй — над стрельбищем сорвался сильный ветер, и две стрелы слегка отклонились от центра щита. Но это, казалось, ничуть не расстроило лучника. Может, он знал, что опережает ближайшего соперника на пять очков. А может, намеренно не выказывал эмоций, давя противников спокойствием.

— Надо любой ценой переманить его из Боссонии, — тихо сказал Конан, взглянув на Просперо. — В Тарантии он с большей пользой послужит Аквилонии.

— Это будет непросто, — покачал головой Публий.

Внезапно боссонец, готовящийся к заключительной серии, резко развернулся и поднял лук. Трибуны разом издали изумленный вздох. Мелькнула тень. Сверкнул металл. Но боссонец извернулся от удара воина элитной охраны короля. Затем вновь вскинул лук и выстрелил.

Воцарилась угрюмая тишина. Конан почувствовал дуновение стремительного ветра и запоздало отпрянул. Чуть выше головы в трон вонзилась стрела. Киммериец, широко раскрыв глаза, несколько мгновений ее изучал. Затем медленно повернулся к лучникам.

Боссонец стоял на коленях, держась за рану. В его левую руку воткнулась стрела с черным оперением — воин Легиона с опозданием, но все-таки поразил цель. Внимание короля при-

влек колчан лучника, который лежал на земле рядом с луком. Конан отчетливо увидел, что оперение стрел боссонца белое. Поднял глаза. Стрела, вонзившаяся в трон, красовалась красными перышками.

— Кто-нибудь объяснит мне, что здесь происходит?! — пророкотал киммериец и опустил тяжелый кулак на подлокотник.

* * *

— Значит, граф Фиорд хотел меня убить, — сказал Конан. — Боссонец увидел это и выстрелил в графа. А раненый Фиорд успел-таки выпустить стрелу, но вместо моего сердца она поразила трон.

— Совершенно верно, ваше величество, — кивнул Публий.

— Что с боссонцем?

— Через неделю будет здоров. С ним сейчас лучшие лекари Тарантии.

— Это хорошо. — Конан раскинул руки, удобнее устраиваясь на королевском ложе. Трудный день, норовивший дважды загнать в могилу, раньше обычного привел его в опочивальню.

— С ним все будет в порядке, ваше величество...

— Слушайте все меня. — Король прикрыл рукой глаза. Просперо, Публий и верховный жрец замерли. — Стрелка, который подстрелил боссонца, повесить в звании. Воина, приставленного к лучнику, выгнать из элитной охраны. Са-

мого боссонца я назначаю новым графом Монара. Я ведь имею такое право?

— Безусловно, ваше величество! — быстро сказал советник. — После гибели Фиорда только вы можете решать, кто займет его место в графстве.

— Это все. Свободны.

Внезапно дверь отворилась, и в комнату влетел, едва не сбив Просперо с ног, Паллантид.

— Что случилось? — киммериец нехотя открыл глаза.

Командир Черных Драгун остановился в двух шагах от ложа, безуспешно пытаясь успокоить разбушевавшееся дыхание. Затем тяжело сглотнул и выпалил:

— Ваше величество, Зингара идет на нас войной!

11

— Завтра же я выступаю на юг, — сказал Конан, скользнув взглядом по мрачным лицам. Присутствующие начали оживленно перешептываться.

На этот раз тронный зал была заполнена не только придворными. Офицеры Черных Драгун и Черного Легиона, отчетливо выделялись строгостью одежды на фоне пестрой аристократии. Паллантид решил не выступать в роли посредника, добившись присутствия своих воинов.

Киммериец встал, обсуждение сразу же прекратилось, и быстрым шагом покинул зал.

— Ваше величество, хочу обратить ваше внимание на то, — раздался за спиной голос едва поспевающего за королем советника, — что последнее покушение совершил граф. А это значит, что любой из окружающих вас аристократов может оказаться предателем.

Конан промолчал. Он прекрасно чувствовал витающую вокруг опасность. Поэтому и покинул зал в спешке. Да и неспроста в его длинных волосах теперь прятались два метательных пожа.

— Вы должны усилить охрану, — продолжал Публий. — Прошу меня простить за такие слова, но только так можно иметь хоть какие-то гарантии, что вы дойдете живым до армии противника.

Конан вспомнил окровавленного голубя, который принес вести о нападении Зингары. Этот образ надолго останется в его памяти. Уставшая птица покорно сложила крылья, ссохшиеся от чужой крови, крови хозяина, и умерла на руках короля. Ее крохотное сердечко не выдержало бешеной гонки с ястребами противников.

Вскоре после почтового голубя взмыленный конь, едва перебирая копытами, довез до ворот замка измученного гонца. Он привез печальные вести.

Захватчики быстро продвигаются вглубь Аквилонии, уничтожая малейшее сопротивление жителей страны. Они грабят, насилуют, убивают и жгут. Делают это походя, без долгих остановок. Насытившись же людскими кровью и муками, возобновляют свое быстрое продвижение. Но

страдают только малые аквилонские поселения, которые встречаются на пути врага. Вокруг крупных, невзирая на многочисленность воинства, зингарцы прокладывают широкие обходные пути.

— Нужно усилить охрану, — твердил советник.

— Я уже принял кое-какие меры, — бросил Конан и ускорил шаг.

* * *

Небольшая мрачная комната, которую не могли украсить даже яркие гобелены, скрывающие стены, собрала очень необычных гостей.

— Паллантид, ты привел воинов? — Король измерял шагами кабинет своего советника.

Зная страх Публия перед шпионами, Конан решил провести тайное заседание в его кабинете. Здесь даже в воздухе ощущалась уверенность: до чужих ушей не доберется ни один звук.

— Так точно, ваше величество! — выпрямился командир Черных Драгун. Десятки свечей, расставленных по периметру комнаты, придавали собранию особенную таинственность. Их света хватало, поэтому никто не обращал внимания на отсутствие окон. — Все воины подобраны согласно вашим требованиям! Но они все равно очень непохожи...

— Это не так важно. Приведи их!

Паллантид отворил тяжелые двери, которым позавидовала бы даже дверь королевской опочи-

вальни, и впустил в кабинет советника воинов. Легионеры, завидев короля, преклонили колени.

— Девять, — кивнул киммериец. Присмотрелся к могучим воинам. — Великолепно, Паллантид. Даже лучше, чем я мог надеяться. Встаньте!

Легионеры поднялись, выстроившись строгой шеренгой. Все одинаково высокие, стройные, с резко очерченными буграми бронзовых мышц. Лишь некоторые черты лица и волосы заставляли отвергнуть мысль о братьях-близнецах.

Внезапно Просперо посетила догадка. Он изумленно посмотрел на воинов. Затем взглянул на Конана.

— Но... — только и смог сказать он.

— Да, мы очень похожи, — усмехнулся король.

— Теперь я понимаю, — пробормотал советник, — почему воины одеты точно так же, как и вы, ваше величество. Я чувствую, что у вас есть какой-то план. Не хотите ли поделиться хотя бы со своим главным советником?

Конан ответил улыбкой. Он понимал, каково сейчас Публию, привыкшему быть в центре всех событий королевства. Но не собирался вдаваться в объяснения.

— Марионо уже прибыл? — Конан вновь обращался к Паллантиду.

— Чародей? — вскинул брови Просперо.

— Он ждет за дверью, ваше вели...

— Ну так впусти! Не будем заставлять его ждать!

Дверь отворилась во второй раз. Легионеры расступились, давая дорогу сухощавому человечку, скрывающемуся под длинным черным халатом. Голову чародея украшал странный головной убор в виде шара, закрывающий уши и лоб. На угловатом плече висела небольшая сумка, от которой по комнате разливалось головокружительное благоухание.

— Приветствую вас, ваше величество! — поклонился Марионо. — Не верится, что я вам зачем-то понадобился! Король Нумедидес редко тревожил мое скромное горное жилище...

— Времена Нумедидеса прошли! — строго сказал Конан. — Я хочу предложить тебе должность королевского чародея.

Лицо верховного жреца светилось праведным гневом. Он презирал чародеев и плохо умел это скрывать. Встретив удивленный взгляд Просперо, канцлер тут же постарался загнать эмоции вглубь сознания. Он недолюбливал короля, но много больше — боялся его.

— Мне отрадно слышать столь лестно предложение, но я вынужден отказаться, — снова поклонился чародей. — Ничто не заменит мне моих гор, ваше величество.

— Я так и думал, — кивнул Конан. — Тогда — у меня есть просьба. Ты поможешь мне?

— Все что в моих силах!

— Видишь этих воинов?

Марионо на мгновение обернулся.

— Весьма похожи на вас, ваше величество.

— Весьма, но не в точности. Ты мог бы пре-

вратить их в моих братьев-близнецов? Не кровных, разумеется.

— Это нетрудно. Тем более — с таким изначальным сходством. — Чародей заглянул в свою сумку. Легионеры удивленно переглянулись. — У меня есть все необходимое. Вот только заклинание продержится всего семь дней.

— Этого более чем достаточно, — торжественно улыбнулся король.

— Но я гарантирую полное сходство. Лицо. Голос. Даже борода будет расти с одинаковой скоростью.

— Великолепно. Когда ты начнешь? У нас мало времени!

— А я уже начал, — улыбнулся Марионо, мысленно перебирая могущественные руны. Затем достал тонкий мелок и, примерившись к размеру комнаты, нарисовал в центре кабинета небольшой круг, в котором мог свободно стоять один человек. Потом, потеснив удивленных легионеров, вывел на полу еще один, много больший. Между кругами мелом равномерно проставил девять крестов.

— Господа воины, каждый станьте на один из этих девяти крестов! — сказал чародей, спрятав мелок. Легионеры неуверенно подчинились. Марионо повернулся к Конану. — Ваше величество, станьте в центральном круге!

— А что если это еще одно покушение? — прошептал верховный жрец на ухо Публия. — Чернокнижник сейчас убьет или заколдует короля и исчезнет. Что тогда?

Сердце советника от подобных мыслей застучало быстрее.

— Смеем заверить, — Марионо взглянул на жреца, — что, в отличие от вас, достопочтенный служитель Митры, никакого подвоха в своих действиях я не скрываю.

Киммериец едва заметно улыбнулся, догадавшись о причине этих слов. Верховный жрец заметно побледнел. Он боялся узнать, что скрывается за улыбкой короля.

Чародей застыл. Его невидящий взор был направлен на короля Аквилонии. Побелевшие губы шевелились, но Марионо не издавал ни звука, поглощенный воцарившейся тишиной.

Публий тихо чихнул, испуганно прикрыв рот ладонью. Верховный жрец устало рассматривал гобелены, запечатлевшие самые опасные мгновения охоты на медведя. Просперо сосредоточенно наблюдал за киммерийцем, готовый в любой миг прийти на помощь.

Напряжение росло.

Паллантид внимательно всматривался в лица своих воинов, не желая пропустить магические метаморфозы.

Внезапно свечи разом погасли. Комната погрузилась во тьму, чтобы в следующее мгновение ослепить людей. Свечи снова лизали густой воздух огненными языками.

Публий выпятил прикушенную губу.

Паллантид опустил меч.

Просперо отошел от чародея, опуская занесенную для удара руку.

Служитель Митры оторвал ладони от побелевшего лица.

— Ваше величество? — неуверенно сказал Публий, поочередно всматриваясь в лица десяти королей Аквилонии. — Ваше величество, где вы?

— Великолепно! — кивнул Конан, стоящий в центральном круге. Посмотрел на Марионо, который уже вышел из забытья и с победной улыбкой оценивал плоды своей работы. — Как я могу тебя отблагодарить? Золото? Драгоценные камни?

— Нет-нет, все это меня давно уже не интересует.

— Что же тогда? — нахмурился киммериец. — Говори! Я не привык оставаться в долгу!

— Ваше величество, лучшей для меня наградой будет прогулка по вашему саду. Дайте мне в сопровождение лучшего королевского садовника, который сможет указать мне нужные растения, и вы оплатите сполна.

— Мне трудно понять этот выбор, но пусть будет по-твоему. Публий, проводи гостя!

Советник кивнул и поспешил следом за чародем, выскользнувшим в приоткрывшуюся дверь. Девять воинов, превратившихся в копии короля Аквилонии, снова выстроились в шеренгу.

— Вы все, — киммериец скользил взглядом по строю своих близнецов, — отправитесь в опасное путешествие. Каждый, в том числе и я, получит свой собственный маршрут. Задание простое и, одновременно, сложное: выжить! Любой ценой! А теперь все, кроме Проспера и этого

воина, — король указал на одного из двойников, — покиньте кабинет!

Комната опустела. Киммериец устроился в любимом кресле советника. Нашел в ящике небольшого стола карту Аквилонии и взглянул на легионера.

— Сейчас мы обсудим твой маршрут к Мертвой Долине.

— К Мертвой Долине? — удивился Просперо.

— Вчера я видел сон, — тихо сказал Конан, внимательно рассматривая карту. — Ко мне вновь приходил Элимитреус. Он долго молчал, а потом сказал: «Враг близко! Мертвая Долина ждет тебя!»

— Это знак.

— Уверен, армии встретятся в Мертвой Долине! И именно ты, Просперо, поведешь туда аквилонские войска! — Киммериец обратил взгляд к близнецу. — Ты, как и все мои двойники, получишь в сопровождение троих спутников. Пойдешь пешим ходом, всадников слишком легко выследить. И запомни, теперь ты — Конан из Киммерии, король Аквилонии!

— Я — Конан из Киммерии, король Аквилонии, — повторил легионер, удивленно прислушиваясь к своему новому голосу.

В то время как зингарцы беспрепятственно и безнаказанно продвигались внутрь Аквилонии, Конан, как и его девять королей-близнецов, с небольшим отрядом следовал тайным маршрутом к Мертвой Долине, у которой, по словам чародеев, и должны были встретиться многочисленные армии Конана и таинственного полководца из Зингары. Но путь им выдался непростой, ибо неизведанные земли можно было встретить даже в могущественной Аквилонии. Не успел отряд добраться до вод легендарного Хорота, как судьба привела Конана к тихому лесу, который не был отмечен ни на одной карте Аквилонии.

Глава 2

Священная Земля

Конан в очередной раз посмотрел на плетеную корзину, в которой возмущенно трепыхались многочисленные хвосты улова молодого кванти. Сегодня у него был на редкость удачный день.

Он не просто отыскал новое озеро, он нашел латит — трещину в горе, заполненную вековыми

потоками горных водоемов и сотнями дождей, ниспосланными милосердной Валике. Чистые воды озера, которое Тирам наделил названием Тирама, проявив юношескую несдержанность, несли в своих глубинах огромные круговороты всевозможных рыб, не имеющих названия ни на одном языке Хайбории.

Юный кванти всмотрелся в водную гладь, пытаясь рассмотреть дно водоема, но глаза не нашли ответ на этот внутренний вопрос молодого рыбака. Латиты, как уверяли его взрослые, не имели глубин, насквозь пронзая камень, плодородную землю и вечную пустоту, на которой стоит Мир Кванти. Старцы иногда проговаривались о том, что где-то в недрах горных озер спит Агыр, огромное крылатое чудовище с рыбьим хвостом. В чреве Агыра покоятся души умерших. Раз в сотню поколений чудовище покидает мирные глубины латита и устремляется в долгий путь к Царству Мертвых. Там он выпускает истомившиеся души и возвращается, чтобы снова залечь в беспросветные глубины бездонного озера. Предки наставляли Тирама, чтобы держался подальше от латита, пугая гневом Агыра, но молодой кванти был всецело поглощен азартом настоящего рыбака, наследуя любовь к этому занятию у отцов рода, заслуживших своим мастерством уважение старейшин и любовь менее удачливых сородичей, которых улов отца Тирама не раз спасал от голодной смерти.

В пяти локтях под водой сверкнула спина рыбы кабу. Тирам тут же выстрелил, инстинк-

тивно сделав поправку на скорость движения рыбы и время полета гарпуна. Наконечник основного орудия ловли у кванти, сделанный из рыбьей кости, венчал длинную палицу, выточенную юным рыбаком из ветви нари, высокого дерева, чьи вечнозеленые листья возносятся к солнцу на идеально ровных ветвях. Несколько нари росли прямо возле дома Тирама, поэтому он не боялся промахнуться мимо вертких горных рыб. К тому же юный кванти усовершенствовал свой гарпун. Теперь ему не надо было нырять вслед за пораженной рыбой, дабы отправить ее в глубокую корзину. Молодой рыбак привязал к противоположному от наконечника концу палки длинную жилу саблезубого гвакри. Другой конец этой прочной веревки он обмотал вокруг кисти правой руки. Сразу же после выстрела Тирам смотал жилу на локоть, натянул тетиву, толкающую гарпун, и, не теряя даром времени на бесполезные поиски гарпуна, был снова готов к действию. А его корзина пополнилась толстой, в локоть длиной зеленобокой рыбой, отчаянно распушающей высокие плавники, сотканые природой из острых шипов.

Вдруг Тирам замер, пораженный внезапной мыслью. Он должен уже давно быть дома. Ведь именно сегодня старый Нурим поведает свою Историю Жизни. Сегодня ночью он празднует свое семисотое Полнолуние. Кванти, достигший этого возраста, обязан рассказать о своей жизни, дабы очиститься от горестных мыслей, обитающих в его голове, и таким образом подготовить

душу для отбытия к Суришу, Богу Смерти. История Нурима будет очень интересной. Тирам знал это по некоторым отрывкам, в которые старец охотно посвящал молодых кванти после кувшина бучи. Юный кванти частенько таскал из отцовского погреба этот крепкий напиток, чтобы в очередной раз услышать приключения старого Нурима. Теперь Тираму не надо рисковать и лезть в глубокую темную пещеру, в которой отец хранил мясо, фрукты и напитки.

Быстро прикрепив гарпун на спине двумя ремнями, обхватывающими худощавое тело юного кванти на груди и талии, Тирам попытался поднять корзину, переполненную рыбой. Под белой кожей отчетливо выделились крепкие мышцы, но улов не сдвинулся даже на палец. Трепыхания и конвульсивное подрагивание рыббин усложняли юному кванти и без того непростую задачу. Время бежало, перед мысленным взором возник старик Нурим, принимающий ритуальное подношение — кувшин бучи и тушеный хмельной корень. Вот-вот начнется рассказ, в котором старый кванти не упустит ни малейшей подробности своей жизни. Даже постыдные поступки станут достоянием племени. Этому помогут буча и хмельной корень.

Тирам вскочил и побежал в сторону поселка. Он решил вернуться к латиту за уловом сразу же после рассказа Нурима. Юный кванти возьмет с собой великана Гарима и крепыша Сурила. Но это будет только после Полнолуния.

Спустившись с горы, петляя по одному ему

известным тропам, Тирам спешил домой. Его путь становился все более ровным, пролегая через редкий лес. Поселок приближался. Солнце уже давно скрылось за горой, с которой и спустился молодой рыбак, но небо все еще сохраняло дневную яркость, пробиваясь серыми облачными островками через густые кроны деревьев.

На пути Тирама возникла стена, резко ограничивающая лесные владения. Юный кванти узнал бревенчатый забор, окружающий кладбище, которое примыкало к поселку с северной стороны. Здесь хоронили очищенные от горестных мыслей тела старцев. Ежели кванти умирал до своего семисотого Полнолуния, его тело предавалось огню, дабы не отягощать могущественного Агыра бесполезной и неприятной ношей. Кладбище испокон веков считалось местом священным. Священная Земля, как называли ее кванти. Лишь Чистые Мыслями могли рассчитывать на место среди ухоженных могил.

Будь Тирам на несколько десятков Полнолуний старше, он ни за что бы не сделал того, что сделал сейчас. Он спешил, поэтому дорогу вокруг кладбища посчитал страшной потерей времени. Легко оттолкнувшись от податливой почвы, упругое тело кванти взметнулось к заостренным вершинам бревен забора. Частокол был введен не для защиты от неведомого противника, а дабы оградить тела умерших кванти от надругательства лесной нечисти, которая не могла ни сломать, ни перелезть, ни перелететь забор, ибо материалом ему послужили стволы молодых ос-

нин, смертельные ночным жителям леса даже при приближении.

Молодой рыбак, забыв и про латит, и про богатый улов, ухватился за заостренный пик, подтянулся и сел между двух бревен, перекинув левую ногу на другую сторону забора. Затем, ловко приподнявшись на руках, спрыгнул на Священную Землю. Слышно было, как Тирам бежит по кладбищу. Внезапно он остановился и попятился, о чем свидетельствовали его приближающиеся шаги.

Но так продолжалось недолго. Звук шагов стих, Тирам остановился. Было хорошо слышно его учащенное дыхание. Казалось, дышит загнанный волк, а не человек. Внезапно возник еще один звук. Кто-то легко, едва касаясь хрустящей травы ратули, шел в сторону юного кванти.

Дыхание Тирана неимоверно участилось. Сердце вырывалось из груди. А он стоял и ждал, не в силах исторгнуть даже стон.

Чужие шаги прекратились, и сразу шагнул Тирам. Он шел медленно, что так не походило на него, спешащего к старому Нуриму.

Внезапно тишину разрубил пронзительный крик. Через мгновение Тирам умолк, захлебнувшись кровью. Он медленно повалился на спину. Гарпун процарапал широкие борозды на спине юного кванти, глубоко впиваясь в молодое тело. Но Тирам этого не чувствовал. Его стекленеющие глаза на миг отразили силуэт какого-то существа и тут же закрылись.

Неподалеку у костра умолк старый Нурим, настороженно осматривая слушателей. Крик прервал его повествование.

— Где Тирам? — спросил он, сдвинув седые брови. Пламя костра вдруг уменьшилось вдвое, словно окаченное водой. Через мгновение все погрузилось во мрак.

— Почему я ничего не знаю об этом лесе? — спросил Конан, настороженно вглядываясь в темноту перед собой.

Факел давал довольно много света, но частые стволы аквилонских дубов сводили на нет все попытки короля Аквилонии рассмотреть вертикальную тропу.

— Думаю, потому что здесь не ступали ноги наших людей, — задумчиво сказал Вапти, поглаживая длинную бороду. В свете факела золотая борода асира утратила блеск, сроднив воина со своими извечными врагами ванирами.

— Тогда откуда здесь взяться тропе? — заметил Даург. Гандерландец обычно шел молча, но сейчас решил вмешаться в разговор.

— Звери? — отозвался Хапри, замыкающий четверку путников. Несмотря на молодость, этот воин успел уже не раз отметиться на поле брани.

— Не думаю, что такие тропы могут проложить звери, — покачал головой Конан. — Лесным тварям не нужны дороги. Но мы теряем

время! Вперед! Обнажите мечи, у меня плохое предчувствие.

Предостережение короля Аквилонии было напрасным. Его немногочисленный отряд уже успел ошестиниться острыми саблями, отбрасывающими голодные блики.

Меч Конана грациозно качнулся в могучей руке, и отряд возобновил продвижение к месту будущего сражения.

Опасность пришла не от зверей и не от птиц. Что-то обрушилось из темного неба на путников. Сверкнули угли глаз, захлопали мощные крылья, и, ломая ветви, на людей спикировали огромные летучие мыши.

— Вампиры! — воскликнул Вашти, уклонившись от острых когтей, и рубанул вслепую, рассекая тварь пополам. В его горло тут же вцепился совсем крошечный вампир. Но шею асира прокусить было непросто. Вашти перекинул саблю в левую руку, правой схватил вампиреньшу и сильно сжал. Что-то хрустнуло, в последний раз дернулись молодые крылья, и асир безглаголиво отбросил мертвого кровопийцу в сторону.

Конан сосредоточенно махал мечом, забрасывая своих людей, спиной к спине держащих оборону, кровавыми опметками лесных вампиров. На фоне ночного неба, озаренного полной луной, мелькнуло три силуэта. Конан крутанул мечом над головой, пригнулся. На землю упали три разрубленных твари, обгадив сандалии Конана новой кровью. В свете гаснущего факела, лежащего у ног Даурга, кровь превратилась в смолу.

А вампиры все прибывали и прибывали.

Не переставая орудовать мечом, король Аквилонии взглянул на своих воинов. Вашти постоянно вытирал с лица кровь, заливающую глаза. Одна из смертельно раненых тварей напоследок полоснула его когтем по лбу, оставив длинную рваную борозду. Борода асира слиплась от крови. Но руки по-прежнему сохраняли твердость. Вашти спокойно душил, рубил, разрывал отчаянных тварей.

Конан свободной рукой схватил пролетавшего мимо вампира за крыло, воткнул меч в землю и от души врезал огромным кулаком по приплюснутой морде. Глаза твари встретились на переносице, окончательно стерев с уродливой морды человеческие черты.

Внезапно упал Даург, прижимая окровавленные ладони к груди. Хапри тут же встал над ним, отражая нападки осмелевших вампиров. Молодой воин сражался только левой рукой. Правая безжизненно повисла, мешая Хапри уворачиваться от быстрых вампирских когтей.

Факел бросил прощальную искру и потух, захлебнувшись кровью. Все новые и новые твари пикировали с мрачного неба.

— Отступаем вглубь леса! — скомандовал Конан. Он подскочил к лежащему Даургу, разрубив на ходу вампира, примеривавшегося к спине Вашти. Перекинув гандерландца через плечо, словно тот ничего не весил, король увернулся от очередной твари и, подтолкнув шатающегося Хапри в сторону чащобы, помчался в лес.

Вашти не надо было повторять дважды. Отступая в аррьергарде отряда спиной вперед, он продолжал отражать атаки вампиров до тех пор, пока его не прикрыла густая крона.

Конан остановился и обернулся.

— Они не оставят нас в покое, — спокойно сказал он. — Если не смогут достать с воздуха, то обязательно найдут на земле. Теперь я знаю, почему никто ничего не слышал об этом лесе.

3

Вопреки тревогам Конана, вампиры больше не тревожили путников, спокойно пропустив их вглубь леса. Но войны не тешили себя мыслью о том, что затишье продлится долго. Всю ночь отряд сопровождали раскаленные угли глаз, вспыхивающие то тут, то там. Об остановке на ночлег или отдых никто даже не заикался.

— А не идем ли мы прямо в пасть врага? — тихо спросил Вашти у пустоты перед собой, отодвигая с дороги ветку.

Никто ему не ответил. Только громче застонал Даург на плече у Конана, мучаясь в бреду. Хапри угрюмо взглянул на гандерландца, лоб которого густо покрыла болезненная испарина. Затем покосился на куст по правую руку, где краем глаза заметил вспышку двух красных точек. Вампиры не отставали.

— Будем надеяться, что твари как следует усвоили наш урок, — сказал Конан, повернувшись к асиру. — Думаю, им хватит ума подсчитать ко-

личество погибших с их стороны и с нашей — и отступить.

— Пусть только сунутся! — выкрикнул Вашти, потрясая мечом. — Клянусь бородой Имира, они вдоволь напьются собственной крови!

Путь продолжали при свете луны, с трудом пробивающем кроны аквилонских дубов. Факел делал отряд слишком хорошей мишенью. К тому же свет мешал видеть силуэты противника, мелькающие вокруг.

— Куда делись эти твари? — спросил Хапри спустя час быстрой ходьбы. — Уже давно я не вижу их кровожадных глаз.

— Не знаю, — отозвался Конан, аккуратно перекладывая Даурга на другое плечо, — но нам это только на руку.

— Стойте! — внезапно воскликнул Хапри, присев. Меч Конана, словно заколдованный, тут же возник в руке хозяина. Король внимательно осмотрелся, подозрительно ощупывая взглядом каждый куст. Опасности он не заметил.

— Что случилось? — строго спросил он, недовольный ложной тревогой. — Что ты увидел?

Хапри выпрямился, держа в руке светящийся изумрудом цветок.

— Это саприжник, — пояснил он, сминая растение в кулаке. — Его целебные свойства используют лекари Шема для заживления самых страшных ран.

На измученном лице молодого воина заиграла улыбка, но ее скрыла тьма. Хапри был рад своей находке.

— Нам очень повезло, — добавил он, растирая растение между пальцами. — Если бы цветы саприжника не светились в темноте, я их никогда бы не увидел.

Приложив липкую лечебную массу к ране Даурга, молодой воин обильно смазал свою правую руку, которая была, по всей видимости, сломана. Затем Хапри протянул саприжник Конану и Вашти, но те отказались. На киммерийце не оказалось ни единой царапины после боя с вампирами. А рана асира быстро затягивалась, как и у всех уроженцев Астарда.

Путники двинулись дальше, каждое мгновение ожидая подвоха со стороны вампиров. Но твари не спешили нанести предательский удар.

Объяснение исчезновению вампиров нашлось быстро. Взошло солнце, и ночные жители леса попрятались от убийственных лучей.

А еще через час пути отряд вышел к высокому бревенчатому забору. Недолго думая, решили перебраться через преграду. С Даургом пришлось немного повозиться, но вскоре перед глазами воинов возникло огромное кладбище, усеянное серыми каменными плитами с надписями, сделанными на каком-то странном языке. Утопанные тропки, соединяющие могилы, свидетельствовали о том, что покойных навещают довольно часто. А значит, неподалеку должно быть селение.

— Смотрите! — воскликнул Хапри, указывая пальцем в сторону ворот, которыми оканчивалось кладбище.

За воротами в небо ударил широкий столб красного дыма.

4

— Он сможет продолжить путь? — спросил Конан, нахмурившись.

Лекарь прервал перевязку и задумчиво посмотрел на короля Аквилонии, видимо, что-то прикидывая в уме.

— Конечно, — кивнул он наконец. И тут же добавил: — Обязательно сможет. К следующему Полнолунию.

— Мы не можем столько ждать, — покачал головой Вашти, мрачно глядя на Даурга. Гандерландец лежал в центре комнаты. Постелью воину служили три слоя толстых шкур неизвестных Конану и его спутникам животных. Даург буквально утопал в их пышном мехе.

Дом, который путникам уступил старейшина племени кванти, состоял из четырех одинаковых комнат. В каждой стояли лишь кровать из шкур и небольшой стол, сплетенный из ветвей дуба. Сам же дом был сложен из толстых бревен, связанных друг с другом прочными веревками. Такой конструкции Конан еще не встречал, поэтому и приказал Хапри зарисовать и записать метод построения такого дома, что никогда бы не сделал еще десяток лет тому назад.

В полной тишине лекарь закончил свой таинственный танец над Даургом и поспешил удалиться, бросив напоследок:

— Если бы не саприжник, ваш друг был бы уже давно в руках Суриша.

Вашти непонимающе уставился на закрывшуюся дверь.

— Он хотел сказать, что Хапри спас Даургу жизнь, — пояснил Конан.

Асир еще выше вскинул брови.

— Никогда не думал, что услышу такие слова, — сказал он, поглаживая опрятно подбритую и вымытую бороду. — В начале нашего пути мне показалось, что они перегрызут друг другу глотки еще задолго до Мертвой Долины.

— Чистокровный воин хайборийской крови всегда будет презирать полукровок, вроде Хапри. И наоборот, — усмехнулся Конан. — Всегда, но только не в бою.

Хлопнула дверь, отмечая приход молодого воина. Хапри протянул Конану деревянный цилиндр.

— Старейшина подарил нам секреты построения их жилищ, — торжественно сказал он. — Тут внутри свернуты четыре листа дуба с подробным описанием. Кванти перевели все надписи на наш язык. Нам повезло, что мы не первые путники, встретившиеся им. Иначе пришлось бы общаться жестами, словно дикие племена Дальнего Юга.

— Я знаю только один жест, — грозно проворчал Вашти, резко вскинув руку. Малыш-кванти, прильнувший к узкому окну и наблюдавший за чужаками, отпрыгнул, словно ужаленный ядовитым гадом. Огромный кулак асира

мог напугать кого угодно. — Совсем недавно они дружно хотели выпустить из нас кишки, а теперь делают подарки.

— Думаю, они хотят загладить свою вину перед нами, — предположил Хапри, потирая правую руку, сжатую между двумя тонкими щепами. — А убить они нас хотели по справедливому подозрению. Как бы ты, Вашти, поступил, если бы нашел на кладбище убитого малыша-асира, а затем, во время ритуального сожжения тела, с огороженного, словно крепость, кладбища к тебе вышли бы четыре воина.

— Я бы их убил, — задумчиво заключил асир. — Сначала — за осквернение могил моих предков, а потом...

— Хватит! — рявкнул Конан. — Довольно пустословья!

— Я как раз хотел обратить ваше внимание на очень занятный факт, — спокойно сказал Хапри голосом замбулийского разносчика новостей. — Посмотрите на бревна, из которых сложен этот дом. Вы знаете, что это за дерево?

— Говори! — приказал киммериец, изучая ребристую поверхность стены.

— Старейшина сказал мне, что и частокол вокруг кладбища, и все дома в этом поселении сделаны из осины. Как я понял, местная разновидность осины. Только намного более действенная. Из осины не надо делать колья и копья, чтобы охотиться на лесную мразь. Она убивает даже того вампира, который пролетает над ней за облаками!

— Так вот почему исчезли эти твари, когда мы подходили к поселению кванти, — Вашти хотел почесать лоб, но наткнулся на повязку, закрывающую рану. — Ведь не стало их задолго до рассвета.

— К чему ты вспомнил оснину? — спросил Конан. — Кванти очень повезло, что у них такая защита от нечисти. Как мы убедились, в лесу предостаточно отродья.

— Просто меня удивили эти слова старейшины, — сказал Хапри, внезапно смутившись.

— Почему?

— Малыша Тирама, тело которого сжигали на костре, когда мы появились, нашли на кладбище.

— Ну и что? — вмешался Вашти. — Нам-то какое до этого дело?

— Подожди, Вашти! Хапри, продолжай!

— Кладбище окружено осниной.

— Я понял тебя. Там и близко не должно быть вампиров, — кивнул Конан. Несколько мгновений он размышлял. — Но с чего ты взял, что Тирам погиб от рук нечисти? Может, в этом селении есть души, проклятые Кромом. Убийцей мог оказаться и человек.

— Я видел рваную рану, прочерченную на горле юного кванти. Только раз довелось мне созерцать подобную, — палец Хапри указал на высоко вздымающуюся грудь гандерландца. — Даурга ранил вампир. Значит — Тирама убил вампир!

— Или вампирский коготь, — добавил Конан.

— Старейшина сказал, что никто из кванти не сделал бы этого. Слишком мало их осталось. Очень тесна их жизнь. В ней нет места вражде.

— Пусть ты прав, — сказал Конан после короткой паузы. — Чего ты ждешь от нас?

— Мы можем им помочь, — прошептал молодой воин, понимая, что сам не верит в эти слова.

— Хорошо, — кивнул Конан, — оставайся. А мы должны идти к Мертвой Долине.

— Должны. Если только... вы не двойник короля Аквилонии, — внезапно заключил Вашти. — Я видел вас в сражении с вампирами. Так может сражаться лишь Конан.

Долгие мгновения в комнате было слышно только тяжелое дыхание Даурга.

— Король подбирал себе двойников достойных, — сказал один из десяти Конанов. — Все мы сильны в бою!

— Но как же внешность? — не унимался ас.

— Над нами возводил чары лучший чародей Аквилонии! Всё! Хватит об этом! Конан приказал всем своим близнецам явиться к Мертвой Долине, куда прибудет и он сам. Я не намерен нарушать приказ короля! А вы? Хапри? Вашти?

— Прошу прощения за несдержанность, — молодой воин склонил голову. — Я никогда не осмелился бы нарушить приказ, данный королем!

Асир промолчал.

— Значит, ничего не мешает нам продолжить путь, — заключил киммериец.

Внезапно в комнату ворвался пронзительный

крик, порожденный в жерновах страха и ужаса. Через чью-то глотку из тела вырывалась душа.

5

Когда отряд Конана, уменьшившийся на одного воина, выскочил из дома, то узрел перед собой картину, ошеломляющую неожиданностью. Посреди поселка, на бревенчатой центральной площади лежал здоровяк-кванти. Его ноги конвульсивно подрагивали, а из распоротой от уха до уха шеи хлестала кровь.

Вокруг жертвы неизвестного убийцы уже столпился десяток кванти. Среди них был и старейшина. Конан аккуратно отстранил двух седовласых мужчин и положил руку на плечо главы племени.

— Ты видел, кто это сделал, старик? — спросил киммериец.

Старейшина кивнул, не отрывая взгляда от отрока, окутанного кровавой вуалью.

— Теперь ты убедился, что это не мы убили Тирама? — Снова кивок, и мрачное молчание. — Я видел, как ты хотел поверить моему рассказу, когда наша встреча едва не переросла в кровавое побоище. Ты не поверил мне, но разум подсказал тебе, что мы можем убить очень много кванти перед несправедливой смертью от ваших рук. Мне жаль тебя, старик. Если бы я располагал собой, то обязательно помог бы в этом горе. Но мы должны идти, иначе погибнут люди. Очень много людей погибнет напрасно!

74

— Мне тоже жаль, Конан, — сказал старейшина, печально взглянув на киммерийца. — Я видел убийцу Гарима. Нам будет очень тяжело самим справиться, — старик закашлялся, — с ним. Вернее — с нею. Мы не воинственное племя. Кровавый Лес редко пропускает к нам путников. И даже если они шли со злыми намерениями, то к нам они попадают в таком состоянии, что хотят только одного — выжить. Не знаю, удастся ли им выбраться из Кровавого Леса, но нас это никак не тревожит. Мы живем здесь уже много тысяч Полнолуний. Наши предки освоились в этих местах еще до появления вампиров...

— Если мы хотим идти, то лучше отправиться как можно скорее, — прервал старика Вашти, тревожно поглядывая на небо. Солнце уже начало бег к ночи, описав половину своей небесной дуги.

— Прощай, старик, — кивнул Конан и поспешил в дом старейшины.

В их отсутствие кто-то принес в комнату Дургга три корзины с провизией. Вашти откинул грубую ткань, покрывающую еду.

— Рыба, — сказал он, вынув из корзины небольшую сушеную тушку.

— Уходите? — Все взгляды обратились к гандерландцу, который, открыв воспаленные глаза, спокойно наблюдал за бывшими спутниками.

— Кванти позаботятся о тебе, — тихо сказал Конан, неотрывно глядя в глаза воина. — Когда рука твоя будет снова крепко держать саблю,

75

приходи. Если война с Зингарой затянется, для тебя всегда найдется место в строю.

— Я приду, — пообещал Даург и обмяк, вернувшись в мир грез и кошмаров.

Быстро миновав вырубку, отделяющую поселение от леса и защищающую кванти от внезапности нападения вампиров, три воина вновь вернулись под раскидистые кроны дубов.

— Интересно, откуда кванти взяли столько оснины на свое поселение? — нарушил молчание Хапри, доставая саблю из кожаных ножен.

— В дубовом-то лесу, — подхватил Вашти.

Конан промолчал, не желая тратить время на бесполезные разговоры. Впереди был долгий и опасный путь. К тому же ему очень не понравилось, как заколыхались ветви кустарника в двадцати шагах дальше по тропе. Может, это зверь шалит, а может, и...

Но не суждено было мыслям киммерийца обрести завершенность. Вампиры напали так же стремительно, как и при первой встрече с путниками, только в этот раз им не мешали крылья, задевающие за ветви дубов. На воинов напали люди. Так казалось на первый взгляд, но дикие, горящие огнем вечной ненависти, глаза и выпирающие клыки не оставили у Конана никаких сомнений о природе врагов.

Первого нападавшего киммериец не раздумывая проткнул мечом, провернул рукоять и резко выдернул лезвие, оставив в теле твари огромную рану. Но вампир и не думал умирать. Рана затягивалась на глазах. Тогда Конан, не позволяя се-

бе хоть на миг удивиться и отвлечься от боя, рубанул скалящееся отродье сверху наискось, разрубив его от плеча к бедру на две части. Вампир упал, щедро оросив землю ярко-красной кровью.

Конан осмотрелся и заметил тварь, стоящую в десяти шагах. В руке вампир крепко держал рукоять растянутого лука. Стрела вот-вот должна была поразить сердце киммерийца. Но громко завибрировал воздух, пропуская быстро летящий меч. Король варвар метнул оружие прямо во врага. Меч несколько раз перевернулся и воткнулся по рукоять в грудь вампира, сбив того с ног и прибив к основанию дуба. Стрела все-таки успела покинуть тетиву. Дрогнувшая рука лучника направила ее в своего соплеменника, подкрадывающегося к королю Аквилонии со спины. Конан, не теряя ни единого мгновения, бросился за своим мечом.

Громко ругался Вашти, не забывая и ругательства, позаимствованные из других языков Хайбории. Его сабля без устали рубила головы, кулак наносил сокрушительные удары, вдребезги круша зловеще изогнутые клыки вампиров.

Хапри старался изо всех сил, но твари, почувствовав в нем слабое звено сплоченного отряда, наседали на молодого воина много больше, чем на его опытных спутников. Бездействующая рука еще больше усложняла его положение. Вампиры накнулись на Хапри сразу с трех сторон. Четвертый стоял в стороне и пытался совместить стрелу, наложенную на растянутую тетиву, с головой подвижного воина. Одного врага Ха-

при зарубил быстро. Но второй успел ранить его в предплечье, размахивая коротким мечом со странным обоюдоострым волнистым лезвием. Третий же, атаковавший слева, едва не проткнул ногу воина, присев и прыгнув. Но Хапри отбил его меч и, пригвоздив врага к земле, рванул саблю на себя, словно рычаг, чтобы увеличить рану. Второго вампира молодой воин обманул ложным замахом и рубанул по ногам. Зазвенела тетива и рядом с ухом Хапри пронеслась стрела, на которой лучник-вампир давно мысленно написал имя своего врага. Конан пришел на выручку Хапри, в последнее мгновение перед выстрелом успев проткнуть вампира и рывком поднять того на лезвии меча.

Твари наседали не меньше, чем кровавой ночью. Но сейчас они уже были готовы к ожесточенному сопротивлению противников. В это раз вампиры действовали намного организованней. Все время старались разъединить отряд, чтобы оголить спины воинов. Вместо когтей они дрались намного более опасными кривыми мечами, а некоторые пускали в ход мощные резные луки. Конан понял, что ему не выиграть этот бой. Знай он хоть примерное количество врагов, возможно, попытался бы оценить шансы и продумать дальнейшие действия. Но король не мог так рисковать, что часто себе позволял, будучи просто Конаном, варваром из Киммерии.

Среди нападавших все чаще замелькали лучники. Путникам повезло, что бой проходил в лесу, а не на открытой местности. Иначе, стрелы

противника превратили бы воинов в туранских ежей. Здесь же деревья давали укрытие и возможность подобраться к стрелкам, чтобы нанести сокрушительный удар.

— Назад, в поселение кванти! — крикнул Конан, резко развернувшись, чтобы легким взмахом тяжелого меча снести с плеч скалящуюся голову вампира.

Из леса выбирались без ожидаемых проблем. Вампиры, словно только и добиваясь отступления воинов, даже не думали преследовать отряд короля Аквилонии.

Лишь несколько стрел воткнулись в землю у ног спокойно отступающих людей. Они никогда не показывали врагу спину. Конан, Вапши и Хапри отступали с высоко поднятыми головами и оружием. Они шли спиной вперед.

— Ничего, мы наберем в поселке оснины! — выкрикнул Хапри, не отрывая взгляд от леса. — И тогда попробуйте только сунуться!

— У них есть луки, — спокойно сказал киммериец.

К большому удивлению Конана и его спутников, поселок кванти встретил их пустотой. Дома обезлюдели, исчез даже Даург. Улицы дышали ветром одиночества. Протяжно выла голодная собака.

— Думаю, они предают огню тело Гарима, — предположил Хапри, поглядывая на кровавое

пятню, частично впитавшееся в деревянный настил центральной площади.

— Уверен, так оно и есть, — согласился Конан, указывая на тонкую струйку погребального дыма, вгрызающегося в небо раскаленным металлом.

Картина, открывшаяся взору воинов, когда они подошли к воротам кладбища, заставила даже киммерийца замедлить шаг. Повсюду лежали разодранные в клочья тела кванти. Земля, часток, курящиеся бревна погребального костра, на которых лежал Гарим, все было обильно окроплено кровью.

— Кто-то напал на них во время церемонии, — мрачно сказал Хапри, чувствуя, как предательски бунтует желудок.

— Вампиры, — пробормотал Вашти, обнажая саблю.

— Нет, это не вампиры, — отозвался Конан, спокойно закончив осматривать место — нет, не боя — побоища. — Старейшина говорил про женщину. Это сделала она. И я знаю, где ее искать.

Его взгляд устремился в сторону приоткрытых ворот, ведущих на кладбище кванти.

— Женщина? — пробормотал Хапри, с ужасом глядя на кванти, в котором он признал главу рода Тирама. У него были оторваны ноги и одна рука. — Этого не могла сделать женщина!

— Не все женщины рождены лишь для борделя или гарема, — усмехнулся Вашти. Конану знакомо было выражение лица асира. Именно с

этой усмешкой, не сулящей ничего хорошего для врага, люди севера шли на самые безрассудные поступки, совершая подвиги, достойные только героев.

— С чего такое пренебрежение к женщинам? — строго спросил Хапри. — Ты свою мать тоже считаешь наложницей или гетерой?

— Я не хотел тебя обидеть, — сухо сказал Вашти, удивленно глядя на собрата по оружию. — Если бы я не видел тебя в бою, то обязательно назвал бы...

— А где женщины и дети кванти? — громко спросил Конан, прерывая перепалку.

— Может, он скажет? — Хапри указал на худощавую фигуру, бредущую к ним со стороны поселка. Конан узнал длинные седые волосы и отличительную повязку, покрывающую лоб.

Старейшина, едва перебирая заплетающимися ногам, подошел к воинам и, не в силах устоять, сел прямо на окровавленную землю.

— Я просил их не ходить сюда, — забормотал он, покачиваясь из стороны в сторону, словно не в состоянии сопротивляться ветру. — Я приказывал им! Она убила их. Всех. Мне удалось только уговорить мужчин отвести детей и женщин на Серую гору. Там есть осниновая роща. Ваш друг — тоже там.

Старик закашлялся, прикрыл рот рукой. Когда он оторвал ладонь от губ, то увидел на ней крупные пятна крови.

— Я уже не способен сражаться, — продолжил он. — Болезнь и старость разбили мое тело.

В горном пути я был бы обузой. Поэтому — остался. Лекарь Нарим вместе с Сурилом повели женщин и детей на Серую гору. Даург с ними.

— Ты это уже говорил, старик, — тихо сказал Конан. — Расскажи нам, что здесь произошло. Нас ведь не было совсем недолго.

— Почему вы вернулись? — спросил старейшина.

— Вампиры, — отозвался Хапри.

— Я так и думал. Она никого не оставит в живых. — Внезапно глаза старика загорелись яростью. — Убейте ее! Если она будет мертва, вас не тронет ни один вампир Кровавого Леса. Она — их богиня во плоти! Твари будут опасаться вас пуще дневного света, который она сделала для них безобидным, поделившись своим колдовством. Только будьте осторожны. Ей не страшна оснина!

Голова старейшины умирающего племени начала клониться на плечо. Глаза закрылись. Конан подскочил к нему, сжал худые плечи.

— Подожди, старик, — быстро сказал он. — О ком ты говоришь?

— Ведьма, — пробормотал Вапти.

— Ведьма-вампир, — прошептал старейшина, не открывая глаз.

— Как так могло случиться, что здесь появилась ведьма? — спросил Хапри, задумчиво глядя на старика.

— Я привел ее в племя много Полнолуний назад, — сказал глава племени, открыв глаза. Его взгляд утратил осмысленность, устремив-

шись куда-то вдаль, за спины воинов. — Как мне казалось, я спас ее от вампиров в лесу. Мы жили вместе до ее семисотого Полнолуния. Затем она внезапно скончалась от одному Суришу известной болезни. Мы похоронили ее на кладбище. Прошло десять Полнолуний, и она явилась ко мне во сне. Старость покинула ее тело в моих грезах, ослепив прежней жгучей красотой. Но как изменилось ее лицо! Глаза горели вампирским огнем. Рот исказила кровожадная улыбка. Ее рыжие волосы колыхались в порывах невидимого ветра. Я не мог проронить ни слова. Только слушал ее странно погрубевший голос.

— Спасибо, старик! — пророкотал низкий женский голос со стороны кладбища. — Ты привел меня к тому могуществу, которое я могла обрести лишь в грезах!

— Именно это и сказала мне Апира, — удивленно пробормотал старейшина, и душа покинула его тело.

Воины стали в линию напротив кладбищенских ворот и обнажили клинки, еще не остывшие от крови вампиров. Конан шел по центру. Ногой толкнув ворота, он первым ступил на землю мертвых.

Апира стояла на одной из каменных плит.

— Зачем вы пришли? — спросила она. Старик не соврал про красоту ведьмы. Прекрасное лицо, окутанное золотистым ореолом. Блестящее в лу-

чах вечернего солнца черное одеяние, обтягивающее тело с головы до пят, не могло скрыть идеальных форм.

— Колдовство, — мрачно сказал Конан.

Вашти кивнул, поняв, о чем говорит киммериец.

— Зачем вы пришли? — спокойно повторила вопрос Апира.

— Убить тебя, — пожал плечами Вашти и тут же схватился за собственное горло.

— Сначала научись защищать себя, — хищно улыбнулась ведьма. — Видели бы вы, как кванти резали себе глотки своими же ножами, вырывали руки и ноги, проявляя нечеловеческое старание и силу. Ты умрешь, рыжебородый! И погубит тебя твоя же сила!

Конан схватил непослушную руку Вашти, душающую хозяина, и с трудом отвел ее от горла асира.

— Ты убила Тирама и Гарима, — проскрежетал Конан, продолжая борьбу с рукой Вашти.

— Ах, это! — вампирша разыграла смущение. — Бывает. Не сдержалась. Жажда мучает...

— Они же дети, — крикнул Хапри.

— Какая разница. Сейчас они дети, через шестьсот Полнолуний — какое нелепое времяисчисление у этих кванти! — станут такими же старыми, как этот тупой старик, лежащий за воротами среди тел своих соплеменников, которых сам и погубил.

Конану надоела бесполезная борьба с колдовством. Размахнувшись, он в полсилы врезал аси-

ру между глаз. Вашти обмяк. Киммериец подхватил его и аккуратно положил на землю.

— Интересное решение, здоровяк, — ухмыльнулась ведьма. — А как тебе это?

Сломанная правая рука Хапри неожиданно схватила левую за раненное в последнем бою с вампирами предплечье и принялась резко дергать. Молодой воин не смог удержаться от крика боли. Конан не колебался. Тяжелый удар поверг Хапри в беспамятство.

Киммериец остался один.

— Вот теперь поиграем честно, здоровяк. А то — три воина на одну беззащитную девушку — это уже групповое соитие, а никак не сражение.

Над кладбищем разнесся громкий смех Апиры. Лес отозвался многочисленными криками ликования. Вампиры были неподалеку, прислушиваясь к своей предводительнице.

— Слышишь? — спросила она. — Это меня приветствует моя армия, которую я поведу в мир людей. И люди поймут, что даже не подозревали о настоящей силе страха!

Конан пошел в наступление. Перехватив меч обеими руками, он медленно двинулся к Апире. Лезвие оружия угрожающе покачивалось из стороны в сторону.

— Хочешь узнать, почему я из обычной ведьмы превратилась в могущественную колдунью? — спокойно спросила вампирша, рассматривая свои длинные ногти. Казалось, она не замечает приближения киммерийца. — Все очень просто. Кладбище находится на Священной Земле. Эти

кванти когда-то были сильными и пользовались снисходительностью своих богов. Извини, в историю племени я не очень-то углублялась. Я знала только одно — ведьма, захороненная на Священной Земле, осквернит ее, и земля перестанет быть священной, превратившись в свою полную противоположность. Так и случилось. Я осквернила эту землю, и теперь мое, как ты говоришь, колдовство усилилось этим неисчерпаемым источником Зла. Я доходчиво объясняю? Ох, какой ты непоседливый!..

Конан был уже в двух десятках шагов от ведьмы, когда почувствовал, как ноги сами собой идут назад. Он попытался воспротивиться, но не смог.

— А хочешь узнать, что я собираюсь делать дальше? — продолжала Апира, словно ничего и не произошло. — Как раз сейчас я плету очень полезное заклинание. После его инициации моим кровожадным подопечным станет глубоко наплевать на осину, осину и прочие людские премудрости, защищающие их нежные шейки от острых клыков. К тому же вампиры будут летать не только в ночь Полнолуния, а когда им захочется.

Киммериец предпринял еще одну отчаянную попытку избавиться от чар. К его большому удивлению, резкий рывок в сторону освободил ноги от власти чужой воли. Ведьма почувствовала неладное. Взглянула на Конана и едва успела увернуться от ножа, метко пущенного киммерийцем в ее безжалостное сердце.

— Ты не так прост, как кажешься, здоровяк, — одобрительно покачала головой вампирша.

— Мне всегда говорили обратное, — бросил Конан, чувствуя, что ноги снова перестают его слушаться.

— Мышцы — это ерунда. Для моих чар они не имеют значения. Я прямо сейчас могу заставить тебя вырвать себе сердце и принести его мне. Ха, хорошая идея! Что ж, здоровяк, ты мне нравишься, но время дороже. Даже мое длительное существование не вечно, а я еще столько хочу сделать!

Киммериец снова рванул в сторону, сбрасывая чары. Не дожидаясь, пока вампирша перенацелит заклинание, Конан, видя в своей свободе слабину ведьмы, побежал, описывая вокруг нее небольшой круг.

— Остановись! — гроыхнула Апира.

Киммериец упал, зацепившись за невидимую преграду, но, перекатившись через плечо, тут же вскочил и возобновил бег. Еще несколько раз ведьма ставила ему препятствия, но Конан сразу поднимался и, не сбавляя темп, продолжал движение.

С каждым кругом киммериец приближался к вампирше.

Когда до Апиры осталось всего несколько таких кругов, она поняла, что еще немного — и ей не миновать меча. Переплетения заклинания закрутились в ее голове с еще большим рвением. Ведьма перестала отвлекаться на Конана, всецело сосредоточившись на древней формуле.

Киммериец уже был в пяти шагах от вампириши, когда та победно вскинула руки.

— Ты не успел, здоровяк, — торжественно сказала она, мысленно высвобождая свое заклинание.

Тысячи крыльев захлопали одновременно.

— Ты был близок, как никто, и поэтому мне тебя жаль. Хотя это никак не уменьшает моего желания испить твоей крови.

Внезапно киммериец понял, что проиграл. Если обычные вампиры смогли раскрыть крылья, значит...

Словно проникнув в мысли Конана, ведьма развернула за спиной пару угловатых крыльев, светящихся янтарем, и резкими взмахами ушла от меча киммерийца. Над кладбищем в который раз разнесся ее злорадный смех. Тысячи глоток вторили своей предводительнице.

Конан с мрачным спокойствием наблюдал, как от огромной вампирской стаи отделились полсотни тварей и устремились прямо на него. Широко расставив ноги, киммериец перехватил меч двумя руками и принялся ждать. Он не собирался бежать. Слишком часто он смотрел в бездонные глаза Смерти, чтобы так просто отдать свое тело и дух в руки страха.

Вампиры сделали круг над головой жертвы, присматриваясь. Затем описали круг поменьше, дружно спикировали на киммерийца и...

И начали умирать. Меч бил без промаха, перерубая по несколько тварей за взмах. С первыми пятью десятками вампиров Конан справился

быстро. Тогда на него надела уже сотня оскалившихся тварей.

Глаза заливал пот, густо перемешавшийся с кровью бесстрашных созданий Тьмы. На земле, у ног воина, подрагивали, поскуливали и повизгивали десятки изрубленных вампиров. Некоторые, даже лишившись туловища, пытались дотянуться до Конана, но их киммериец яростно втаптывал в землю, не отвлекаясь от боя.

— Ты — не человек! — услышал он восхищенный возглас Апиры. — Стойте!

Атаки вампиров мгновенно прекратились. Конан медленно опустил окровавленный меч. Его грудь тяжело вздымалась и резко опадала, выдавая усталость.

Ведьма летела высоко в небе, описывая широкие круги над головой киммерийца. Голос ее звучал также громко, как и на земле.

— Я решила найти тебе лучшее применение. Ты станешь вампиром! У меня есть для этого заклинание. Теперь есть и желание. Ты будешь моим полководцем и спутником!

— Я так не думаю, — мрачно усмехнулся Конан. Его взгляд устремился куда-то вдаль, за спину Апире. Ведьма резко развернулась. Кончики ее крыльев испуганно затрепетали.

Вампиры беспорядочно заматались по небу, превращенные расстоянием в облако ночной молнии. Апира зависла в воздухе, не в силах побо-

ротъ страх. К кладбищу со стороны Серой горы летело огромное чудовище. Размахивая невероятной длины крыльями, оно размеренно покачивало рыбьим хвостом. Плавные взмахи, легкие движения... Чудовище плыло по воздуху. Крокодилью пасть венчали два подвижных отростка глаз, горящих зеленым пламенем. Из зубастой пасти время от времени вырывался длинный змеиный язык. Все тело диковинного существа покрывала темно-зеленая чешуя, играющая разноцветными бликами в лучах вечернего солнца.

Чудовище пролетело сквозь стаю вампиров, сбив на землю не меньше двух сотен тварей, и, резко махая крыльями, приземлилось в тридцати шагах от Конана. Мощные порывы ветра сбили киммерийца с ног, но он тут же встал, опершись на меч.

— Агыр разгневан! — пророкотало чудовище неожиданно знакомым голосом.

— Старик? — вскинул брови Конан, ловя на себе взгляд огромных глаз.

— Встань на мое крыло! — приказало чудовище, распластавшись перед киммерийцем.

Конан подчинился и тут же взлетел в воздух. Описал высокую дугу и опустился на упругую шею Агыра. Здесь его ждал лекарь Нарим, хлопотущий над Даургом, вместе с остатками племени кванти.

— Что произошло? — спросил киммериец, оклемавшись после приземления. Недоверчиво он посмотрел на людей, прячущихся в чешуе чудовища.

— Вампиры, внезапно перестав бояться оснины и обретя крылья, прижали нас к латиту, — отозвался Нарим. — Но из воды выбрался старей... Выбрался Агыр и принес нас сюда.

Визгливо заорал грудной ребенок.

— Ну и что дальше? — спросил Конан. Обернулся и невольно шагнул назад. Прямо на него был направлен немигающий взгляд огромных глаз чудовища, покачивающихся на гибких отростках.

Убей ее! — вспыхнуло в голове киммерийца. — *Агыр дал мне это право перед долгой дорогой в Царство Мертвых.*

Конан едва успел ухватиться за чешую, когда чудовище несколькими взмахами поднялось в воздух и ринулось на Апиру. Лицо ведьмы искал ужас. Тысячи вампиров бросились на защиту своей предводительницы. Но Агыр словно их и не замечал. Громко хлопали мощные крылья, разбрасывая мертвых и оглушенных тварей в разные стороны. Визжали раненные, скулили ушибленные.

Агыр поднырнул под ведьму, низко опустив голову. Конан понял, что настал его час. Когда ведьма, растерянно мотающая головой, оказалась всего в нескольких взмахх крыла от киммерийца, он прыгнул.

Взмах.

Удар.

Тысячи глоток наполнились криками боли. А в следующее мгновение небо запылало тысячами холодных факелов. Вампиры, лишившись защи-

ты своей богини, нашли смерть в лучах заходящего солнца.

* * *

Вашти медленно открыл глаза. Все болело, словно после недельного празднования одной из побед над ванирами. Поднял голову. Взгляд асипра уперся в широкую спину Конана.

— Что случилось? — спросил он.

— Нам пора в путь, — сказал киммериец, рассматривая исчезающую точку, в которую превратился Агыр, уносящий с собой души сотен поколений.

Для племени кванти наступали новые времена.

Выбравшись из Кровавого Леса, Конан и его спутники вышли на равнину, простирающуюся до самого горизонта. Здесь не было вампиров и поселений затерянных племен, но путники все равно шли с опаской, постоянно оборачиваясь и хватаясь за оружие при малейшем шорохе, ибо они прекрасно знали, как называются эти земли.

Глава 3

Смерть и пепел

той, Фатих, — прошептал Талиф, настороженно щупая песок носком сандалии. — Ты уверен, что так мы дойдем до Хорота?

— Абсолютно, — громко заверил его спутник.

Оба они были еще моложе двадцати весен. Фатих, сын паромщика, выглядел типичным выходцем из Гиркании, хотя и божился, что наполовину хайбориец. Высокий, широкоплечий парень легко бы убедил в этом своих сверстников, если б только не раскосые глаза. Некоторые да-

же звали его «кхитайцем», но осторожно, ибо Фатих был очень обидчивым и вспыльчивым молодым человеком. Талиф же был уроженцем Аквилонии, смешав в себе с десяток разных кровей колоритных предков. Низкий рост позволил развить неимоверную ловкость, несмотря на явный лишний вес. Глаза Талифа, глядящие на мир из-под густых бровей, всегда светились озорством и жаждой приключений. Кроме последних нескольких часов, когда Фатих завел его в эти безлюдные земли.

— Мы уже несколько часов идем по этой пустыне, а конца ей я и близко не вижу, — раздраженно пробормотал Талиф и поглядел на заходящее солнце. — Еще немного, и будем идти в темноте.

— Тем лучше. Не так жарко.

— Тебе-то что? Худющий. Это я должен на жару жаловаться. Ты лучше скажи мне, сколько нам еще идти до реки?

Фатих остановился, обернулся, прикидывая пройденную часть пустыни. Затем посмотрел вперед.

— Часов двадцать, не больше, — сказал он наконец.

— Сколько? Ты же сказал, она маленькая.

— Ну да. Не месячный переход.

Некоторое время шли молча.

— Надо было лошадей парочку украсть, — проворчал Талиф.

— Я этим больше не занимаюсь, — покачал головой Фатих.

— Ой, какие мы честные! А теперь надо париться в пять раз дольше.

— Перестань ныть! — внезапно рявкнул Фатих.

Талиф испуганно вздрогнул, удивленно глядя на закипающего спутника.

— Ладно, молчу, — пробормотал он.

Но тишина длилась недолго.

— Фатих, а у нас воды хватит? — спросил Талиф, прикладываясь к бурдюку.

— Если будешь так много пить, то не хватит.

Солнце коснулось горизонта, окутывая край неба ярко-красной вуалью.

— Но лошадь бы нам не помешала, — проворчал Талиф.

— В этих песках лошади не пройдут. Даже туранские широко стопы. Стой! — Фатих резко остановился, придерживая напарника за плечо.

— Ты — чего?

— Видишь песок перед нами? — спросил Фатих.

— Ну?

— Ничего необычного не замечаешь?

— Да что такое, Фатих? Песок как песок. Если только не считать, что он серый, а не желтый.

— Не видишь, значит. — Сын паромщика недовольно сплюнул. — А следовало бы. Перед нами песок более светлый, чем везде.

— Ну и что?

— Зыбучие пески. Слышал про такие?

— Зыбучие? — вскинул брови Талиф. — Это как? Чего они зыбуч-то?

— Как был ты тупым вором, так таким и помрешь! — покачал головой Фатих. И, видя, что глаза спутника наливаются кровью, спокойно добавил: — Отец рассказывал мне про эти пески. В пустынях Хайбории их можно встретить довольно часто. Но если быть внимательным, то все будет в порядке. Распознать легко — по светлomu мху, который покрывает крошечные песчинки. И лучше заметить спасительную примету вовремя! Если же удача покинула тебя, тогда — погибнешь.

— Почему это?

— На болотах был когда-нибудь?

Талиф кивнул.

— Затягивало хоть раз?

Конокрад нервно сглотнул, вспоминая, и снова кивнул.

— Вот зыбучие пески то же самое, только намного хуже, — сказал Фатих и двинулся в обход светлого участка, выдавшего смертоносный оазис. — Кстати, обычно в таких ямах живут разные твари, так что лучше близко не подходи.

— Хорошо, — кивнул Талиф, быстро делая шаг в сторону. — И ты здесь часто ходишь?

— Ни разу еще до этого не ходил.

— Как это — ни разу?

— Да места уж больно опасные. Лучше обойти. Но ты же спешишь.

— Это верно, — согласился Талиф. Он не заметил, как позади него заволновался песок. — Если меня поймает стража Шикаса, то рудниками я не отделаюсь.

— Сюда они не сунутся, — усмехнулся сын паромщика. Взглянул на напарника, обходящего зыбучие пески.

Глаза Фатиха округлились.

— Что случилось? — быстро спросил Талиф, заметив перемену в спутнике.

— Берегись!

Но было поздно.

Тело Талифа мгновенно опутали змееподобные щупальца, берущие начало у края смертоносной ямы. Конокрад сдавленно охнул, задыхаясь. Захрустели кости, на землю потекла кровь вперемешку с водой из лопнувшего бурдюка. Песок жадно впитывал живительную влагу. В лучах заходящего солнца, кровь стала багровой. Фатих замер, опутанный сетями страха. А щупальца жили своей жизнью, все сильнее сжимая хрупкое человеческое тело. Сын паромщика не помнил, когда прервался предсмертный хрип напарника. Одно из щупальцев сильнее сдавило мертвое тело, и легко переломило его в поясе, разделив на две части. Чудище, скрытое песками, победно повертело в воздухе тем, что осталось от Талифа, и затянуло добычу в песок. Через несколько мгновений исчезли малейшие следы кровавой трапезы пустынного животного.

Фатих боялся даже дышать.

— Что они здесь делают? — спросил Хапри, всматриваясь в даль.

День был в самом разгаре, когда путники увидели далеко перед собой караван, медленно бредущий тем же курсом, что и отряд.

— Я думал, купцы никогда не ходят этими землями, — почесал бороду Вашти.

— Если они здесь, значит — у них есть на то чрезвычайно веские причины, — заключил Конан. — Не каждый отважится на путешествие через Пустыню Смерти.

Никто из летописцев не помнил, когда возникла эта опасная и безжалостная пустыня. Одни говорили, что еще предки пиктов и атлантов превратили эти земли в вечный пепел, когда их могущество превращало мелкие распри в опустошающие войны. Другие утверждали, что эти земли были пустынными испокон веков. Третьи испуганно молчали, стараясь о них вообще не вспоминать, как о месте, проклятом всеми богами. Но история мало интересовала купцов и путников, старающихся не только не пересекать владения серого песка, но даже и не приближаться к ним.

Пустыня Неизбежной Смерти. Так называли эти легендарные земли жители Офира и Кофа.

Пустыня Мучительной Смерти — вторили купцы Аргоса и Шема.

Пустыня Смерти — откликались жители Аквилонии.

У смерти много имен.

Зловещим предостережением взгляду служил серый, словно пепел, песок, укрывавший пустыню от краев до краев. К тому же случайного

путника должно было насторожить поведение птиц. Долетая до границы, где начинались пустынные земли, они, словно ударяясь в невидимую стену, старались как можно быстрее покинуть их. Птицы чувствовали опасность намного лучше людей.

Достоянием летописей стали несколько случаев глупого, неоправданного героизма, когда молодые смельчаки оправлялись в пустынные земли, дабы доказать свою храбрость и решимость. Больше их никто не видел.

Известны были и более масштабные трагедии. К примеру, когда без вести пропал караван одного из богатейших купцов Асгалуна, разум которого затуманила прибыль, которую сулила выгодная сделка. Верблюды, брошенные обезумевшими от неведомого страха людьми, погибли, скошенные загадочным недугом. Почтовый голубь, издохший прямо на руках купца, принес весточку о его караване. Корявые буквы, начертанные тупым кусочком угля, сложились в такие слова одного из слуг: «Все погибли. Моя участь предрешена. Уже начинается!..»

— Верблюды? — удивился Вашти, когда воины приблизились к каравану. — Где они их взяли?

— Купили в Иранистане, — усмехнулся Хапри.

— Они идут очень уверенно, — тихо сказал Конан. — Даже слишком уверенно. Думаю, они либо не знают о Пустыне Смерти ничего, либо намного больше нас. В любом случае, нам нужно с ними поговорить.

До вереницы верблюдов оставалось не больше двухсот шагов, когда внезапно караванщики дружно соскочили с нагруженных товарами животных и, выстроившись в ряд, залегли.

— Они приняли нас за врагов. — Конан остановился. — Вашти, ты видел, чем они вооружены?

— Пятеро достали длинные стигийские ножи, четверо — туранские сабли, двое — кофские короткие мечи, — быстро сказал асир.

— Ты ничего не забыл? — покосился на него киммериец.

— Разве? А, ну да. У каждого есть шикасский лук.

— Замечательно, — мрачно подытожил Хапри. — Ну и как мы теперь с ними поговорим?

— Что-нибудь придумаем. — Конан картинно обнажил меч, поднял его высоко над головой, перехватив левой рукой за лезвие, и бросил перед собой. Меч зарылся в песок. Хапри поддел его носком, не давая оружию киммерийца утонуть в песке.

Король Аквилонии, высоко подняв руки, медленно пошел к притихшему каравану. Верблюды терпеливо ждали, присев в ожидании седоков. Их наездники, наполовину зарывшись в песок, что-то громко обсуждали на неизвестном Конану языке.

Когда киммериец приблизился на расстояние в пятьдесят шагов, перебранка разом прекратилась, и через мгновение к Конану уже шагал шемит-коротышка, кутающийся в толстый халат.

Его маленькую голову покрывала высокая белая чалма, забавно покачивающаяся на ходу.

— Чего изволит столь внушительный господин? — подобострастно поклонился шемит.

— Я хочу договориться! — пророкотал Конан. — Кто ты такой?

— Я — Амаль, купец, — чалма едва не слетела с головы от очередного поклона. — А это мой скромный караван. Мне очень приятно, что вы предложили переговоры. Мы приняли вас за разбойников. Здесь очень опасные места. Приходится всего опасаться. Но бандиты никогда не идут на переговоры. Поэтому — мы рады, что вы не разбойники. Вы ведь не разбойники, правда?..

— Мы — воины, — сказал киммериец. — Идем к реке Хорот. Непредвиденные трудности заставили нас потерять время и не позволили выбрать обходной путь вокруг Пустыни Смерти. Мы спешим, поэтому идем на риск. Ведь нет тайны в том, насколько опасны эти дикие земли. Нас удивляет эта встреча. Вы разве не знаете, что из этой пустыни живым хода нет?

— Знаем. И тем не менее мы, как и вы, взялись за столь рискованное дело, — улыбнулся Амаль, спрятав пальцы в широких рукавах халата. — Через Пустыню Смерти я иду с караваном в третий раз и, смею вас заверить, пока всегда выходил из этих безрадостных земель живым. Мне посчастливилось найти безопасную дорогу.

— Тогда мы присоединимся к вам. Думаю, три воина не помешают в этой опасной дороге.

Купец слегка прикрыл глаза, раздумывая. Но долго он не молчал.

— Почту за честь принять вас в наши скромные ряды.

3

— Почему вы избрали именно этот путь? — спросил Хапри, переваливаясь всем телом в такт ленивым движениям верблюда. Для воинов Амаль смог выделить только одно животное. Вашти наотрез отказался ехать на этом, по его словам, горбатом, слюнцвом, волосатом, уродливом чучеле. Верблюд тогда обиделся и грустно заплел асиру ноги, упрочив «дружбу». Конану же больше нравилось чувствовать под ногами, хоть и зыбкую, но все же землю.

— Почему этим путем? — повторил вопрос Хапри.

Киммериец понял, что молодой воин обращается к нему.

— Потому что мы слишком много времени потеряли на кванти, — отозвался он. — И сделали слишком долгий привал перед пустыней.

— Нет-нет, я имею в виду другое. Почему вы изначально, от самой Тарантии выбрали такой сложный путь?

— Опять берешься за старое, Хапри? — Конан мрачно посмотрел на молодого воина. — Я уже говорил, что иду по этому маршруту, выполняя, как и ты, приказ короля Аквилонии. Он выбирал, а я иду. И прекрати эти словесные игры!

Хапри ухмыльнулся, медленно поворачивая правой рукой. Судя по его уверенным движениям, от перелома не осталось и следа. С трудом верилось, что какой-то саприжник способен срастить кости за сутки. А это значит, что Даург тоже скоро поправится и отправится по следам отряда.

— Я слышал, вы говорили про Аквилонию. — Верблюд Амаль поравнялся с Конаном. — Да, недоброе нынче время.

— Война, — мрачно кивнул Хапри.

— Вы называете это войной? — удивился купец. — Я бы так это не называл.

— А как еще? — спросил Вашти.

— Не знаю названия такой войне, — пожал плечами Амаль. — Но когда одна армия нападает, другая должна ей противостоять. Что-то я такого не слышал. Зингарцы наступают, и никто им не мешает.

— Пока не мешает, — сухо сказал Конан.

— Хотелось бы верить. Ведь нет тайны, что от войны больше всего страдает мирный люд, к которому мне не повезло принадлежать в такое опасное время.

Хапри хмыкнул. Вашти сплунул, выражая несогласие.

— Я бы этого не делал, почтенный асир, — покачал головой купец.

— Не делал чего? — скривился бородач.

— Не плевал.

— Это еще почему?

— По двум причинам. Во-первых, — Амаль

загнул указательный палец, — вам будет грозить обезвоживание. Неопасное из-за столь малого расстояния, но оно отберет у вас несколько месяцев жизни в старости.

— До старости я не доживу, — мрачно усмехнулся Вашти и снова сплюнул.

— А во-вторых, — конец загнул средний палец, — вы можете навлечь на себя и на нас маульпу.

— Что это еще за тварь? — удивленно отозвался Хапри.

— Она чувствует запах человека за тысячу шагов. Затем абсолютно бесшумно подбирается к жертве и нападает. Двигается под землей. Нападает стремительно и без единого шанса на спасение. Запах слюны, испарившейся на горячем песке, разойдется на многие тысячи шагов отсюда. И лучше нам быть подальше от места вашего презрительного плевка.

Асир хотел было сплюнуть вновь, но, услышав слова кунца, нервно сглотнул слюну.

— Так вот зачем вы заставили нас обмазаться этой пахучей дрянью, — сказал Конан и поморщился, вспоминая.

— Эта, как вы выразились, дрянь спасла мне жизнь, — спокойно отозвался Амаль, поправляя чалму. — В первое мое путешествие на караван напала маульпа, изорвала в клочья слуг и верблюдов. Когда она атаковала меня, то ударила по мешку с благовониями, обильно окропив меня пахучей жидкостью. Я упал в песок, каждое мгновение ожидая удара в открытую спину. Но

маульпа только покрутила надо мной своей уродливой головой, я даже слышал на затылке ее свистящее дыхание, и ушла.

— Нам повезло, что мы вас встретили, — сказал Конан, осмыслив услышанное.

Купец кивнул и поторопил верблюда, уходя вперед.

— На твоём месте я бы не вертел головой, Хапри, — бросил киммериец. — У тебя осталось не больше пяти часов сна.

— Боюсь, я не понимаю, — пробормотал молодой воин.

— У нас не будет другого времени на отдых и сон. Мы третьи сутки в пути. К концу четвертых суток нашего путешествия мы должны быть у Мертвой Долины. Ты видишь время на отдых? Я — нет. Спи, через пять часов твоё место займет Вашти.

— Я никогда не... — начал было ас, но Конан остановил его взглядом.

— Это приказ, Вашти! — сказал он. — Не забывай, что по землям Аквилонии уже четвертые сутки безнаказанно шагают зингарцы! И я буду в Мертвой Долине, чтобы сполна омыть меч их трусливой кровью. С вами или без вас, но я прибуду вовремя. Мне тоже не нравится мысль ехать на этом создании, но и я оседлаю его для сна. Спи, Хапри, твоё время пошло!

Киммериец задумчиво осмотрел безмятежный горизонт, где со всех сторон сталкивались безоблачное небо и серая пустошь, изгибающаяся ленивыми волнами. Ветерок ласково потрепал по

щеке, прокатил несколько песчинок под ногами и тут же стих.

Идти стало легче.

Вечерело.

4

Крик боли вырвал Хапри из сладостного сна, в котором он сражался сразу с сотней отчаянных рубак, легко повергая нескольких врагов одним ударом. И делал все это на глазах сотен млеющих женщин всех когда-либо виденных молодым воином народностей.

Крик повторился, сгоняя остатки грез. Хапри выровнялся и понял, что он явно не доспал отведенное ему время. Солнце ненамного приблизилось к своему ночному укрытию. Все тело молодого воина ныло, возмущаясь краткостью отдыха.

Но Хапри этого не замечал. Его взгляд был направлен на могучую спину Конана, взявшего меч наизготовку. Выхватив саблю, молодой воин неуклюже соскочил с верблюда, едва не наступив на лежащего в песке Вашти.

— На морду не наступи, — процедил асир, сплевывая песок.

— Что случилось? — спросил Хапри, осматриваясь. Верблюды стояли небольшой дугой, у ног каждого животного лежал караванщик, держащий горизонтально лук с наложенной на тетиву стрелой. Амаля видно не было.

— Тихо! — сдавленно отозвался Конан, слегка

повернув голову к молодому воину, обнажающему саблю.

— Где купец? Кто кричал? — не унимался Хапри.

— Вон он. — Вашти ткнул пальцем в сторону, куда были направлены все взгляды. — Он и кричал.

В пятидесяти шагах от каравана лежал окровавленный купец. Кровь на его лице смешалась с песком, потеряв яркость. Ниже пояса Амаля укрывал песок. Его чалма развернулась, превратившись в полоску ткани. Теперь голову купца украшала только примятая феска из красного фетра.

Киммериец сделал шаг.

— Не ходи, господин, — тихо сказал ближайший слуга. — Лепуги хотят заманить нас.

— Разве твари могут быть настолько умны? — недоверчиво покачал головой Конан, делая еще шаг.

— Могут, господин. Эти — могут.

— Помоги мне подняться, — пробормотал Вашти, протягивая Хапри руку. Встал, отряхиваясь. — Проклятые твари! Даже саблю не дали вытащить. Я им еще покажу.

— Что за твари? — раздраженно спросил Хапри. — Маульпы?

— Лепуги какие-то.

Конан уже отошел от каравана на десять шагов.

— Не ходи, господин, — едва ли не хором советовали слуги. — Хозяина не спасешь и сам пропадешь!

— Чего мы здесь стоим? Мы же не эти трусливые свиньи, неспособные защитить собственного хозяина, — быстро сказал Вашти, мельком взглянув на караванщиков, и подбежал к киммерийцу, пристроившись от него по правую руку.

Хапри не нужно было особого приглашения. Его сабля заблестела по левую руку от короля Аквилонии.

А следующий шаг заставил Хапри изумленно замереть.словно стрелы, пущенные из мощного лука, рядом с купцом вылетели из песка несколько десятков остроклювых птиц.

— Лепуги! — дико заорал кто-то их слуг.

— Преклоните колени! — приказал Конан, становясь на одно колено.

Вашти не колебался. Хапри удивленно повиновался.

— Иначе они собьют вас с ног, — пояснил киммериец, не отрывая взгляда от быстрых птиц, мечущихся в вышине. — Не обманитесь их небольшими размерами: Амаля утащила всего одна тварь.

Позади троицы зазвенела тетива: караванщики не выдержали пытки ожиданием, которое устроили диковинные птицы. Ни одна стрела не попала в цель. словно издеваясь над лучниками, одна из птиц в стремительном рывке догнала стрелу и перекусила пополам. По спине Хапри заструился холодный пот. Вашти растрепал сплывшую бороду. Только Конан гордо стоял на одном колене, выставив перед собой длинный меч.

Тетивы продолжали нервно звенеть за спиной, отправляя стрелы в бесполезный полет.

— Не стрелять! — рывкнул Конан так, что у кого-то из вздрогнувших слуг началась икота. — Вы все равно не попадете в них!

Твари еще некоторое время покружили, затем ловко выстроили узкий клин и ринулись на воинов. Выставленные в стороны кончики крыльев, плотно прижатых к блестящим бокам, со свистом рассекали воздух. В рядах караванщиков зародилась паника.

— Мы все погибнем! — заорал один из слуг и побежал прочь от каравана.

Конан встал с колена, развернулся и сорвал с плеча Хапри лук, подарок купца. Наложил стрелу на тетиву. Поднял, растягивая. Слуга бежал, страх полностью завладел его сознанием. Остальные караванщики были на грани наники. Короткий свист оборвал позорное бегство. Слуга упал, проехав животом по песку. Между его лопатками блестело оперение стрелы.

— Никому не позволено бежать с поля боя без команды! — выкрикнул киммериец, наводя новую стрелу на приближающуюся стаю. — Без моей команды! Ибо сейчас вы воины! Приготовить луки! Стрелять на опережение! Только по моей команде!

Караванщики загудели, немного оправившись от шока.

— Не слышу! — прокричал Конан, пустив стрелу. Одна из птиц дернулась и по узкой спирали устремилась к земле. — Не слышу!

— Хорошо, господин, — отозвался тот самый слуга, который первым остерегал киммерийца.

— Не слышу! — пророкотал Конан, бросая лук и подхватывая меч, который наполовину воткнул в песок.

— Хорошо, господин! — дружно закричали караванщики.

И твари упали на них смертельным дождем.

— Стрелы в воздух! — закричал киммериец и прыгнул навстречу первой птице, выставя перед собой меч.

Лепуга встретила с металлом, падая позади Конана двумя обгаренными серой кровью половинами. Киммериец ловко увернулся от другой твари. Чтобы избежать клюва третьей ему пришлось упасть, зарывшись в песок. Внезапная боль заставила Конана крепко сцепить зубы. Одна из пролетающих лепуг полоснула его клювом по спине.

Киммериец рывком перевернулся, пятная песок своей кровью, и махнул мечом слева направо, перерубая пролетающую птицу. Затем перекатился, уходя от острого клюва, и встал на одно колено, готовый в тот же миг поразить врага поднятым над плечом мечом. Но стая пролетела, заходя на второй круг.

Конан обернулся. Несколько верблюдов лежали на боку, не подавая признаков жизни, один все еще дрыгал ногами. Караванщики не пострадали, кроме одного, придавленного верблюжьей тушей. Но его уже вытаскивали из-под мертвого животного. Слуга громко ругался и стонал, но

делал это скорее от испуга, а не от боли. Песок спас его от переломов.

Киммериец насчитал девять мертвых лепуг. Двух убил он сам, по одной — Вапти, ищущий в песке выбитую птицей саблю, и Хапри, вновь держащийся за правую руку. Еще пять тварей свалили стрелы караванщиков.

— Развернуться! — проревел Конан. — Луки к бою! Они возвращаются!

Киммериец вскочил и помчался навстречу пикирующим птицам.

— Вы, трое, — ткнул он на бегу пальцем в группу слуг. — Помогите Амалю!

Король Аквилонии снова занял позицию впереди каравана. Его спутники-воины не отставали.

Бой продолжался.

Конан поднял меч.

Но лепуги внезапно остановились. Одна из них облетела стаю, словно подсчитывая потери. Зависла в воздухе, быстро махая крыльями, и завертела головой, осматривая поле боя. Затем что-то пропищала и, сложив крылья, устремилась к земле. Все птицы последовали за ней.

Хапри заворожено наблюдал, как твари одна за другой исчезли в песке, пробивая его, словно пену.

— Я же говорил, что это умные птицы! — выкрикнул один из слуг.

— Похоже, подсчеты закончились в нашу пользу, — устало пробормотал киммериец и сел на песок.

— Спасибо тебе, воин! — прошептал Амаль пересохшими губами. Слуга намочил платок и промокнул лицо купца. — Эти проклятые птицы уже нападали на мой караван, но тогда их было не больше пяти, поэтому мы легко отбивали атаки.

Амаль лежал на широких носилках, прикрепленных к бокам двух верблюдов. Животные, похоже, хорошо понимая важность своей миссии, шли абсолютно одинаково, словно одно служило отражением другому. Многие слуги лишились своих верблюдов и шагали, протигбаясь под тяжестью товаров.

— Да, этот поход должен был меня обогатить, — тихо сказал купец, поерзав по шкурам лысой головой.

— Не думаю, что ты остался в накладе, — отозвался Конан. — Я видел, как твои люди забрали мертвые туши лепуг. За них ты получишь много больше, чем потерял от смерти верблюдов.

Амаль улыбнулся. Промолчал.

— Ты убил моего слугу, почтенный воин, — заговорил он вскоре.

— Да, я должен был погасить панику, — кивнул киммериец. — Надо вырезать опухоль в зародыше, пока она не распространилась на все тело.

— Мне удивительно слышать подобное из уст воина... Я ни в коей мере не обвиняю тебя. Са-

лим всегда был трусом, негодяем и глупцом. Я держал его только потому, что не каждый согласится идти через Пустыню Смерти. Ох, сейчас так тяжело найти толковых слуг!

— Купец, — нарушил недолгое молчание Конан, — скажи мне, почему песок в этих краях серый, как кровь лепуг?

Амаль вскинул брови. Поднял руку, чтобы почесать лоб, но слуга опередил его.

— Мне приятно, что столь тяжелый вопрос обращен ко мне, но, к сожалению, я не могу удовлетворить твоего любопытства.

— Пока я не оказался в Пустыне Смерти, мне и в голову не приходило задаться этим вопросом. — Киммериец повернул голову к Вашти. — А ты что думаешь?

— Проклято это место. — Вашти хотел сплунуть, но в который раз вспомнил слова Амаля и сдержался.

— Ну, а ты, Хапри?

Молодой воин, осматривавший царапину на правой руке, оставленную клювом лепуги, удивленно взглянул на Конана.

— Мне кажется, что здесь не обошлось без колдовства, — сказал он, подумав.

— Вот и мне так кажется, — кивнул киммериец. — И мне это очень не нравится! Если за всем этим, — взмах в сторону торб с мертвыми лепугами, — стоит чья-то сила — могущественная сила, раз способна создать такую пустошь невдалеке от торных путей и буйных лесов! — то еще непонятно, кого должна больше бояться Ак-

вилония: зингарцев или неведомого чернокнижника. А может, колдун, создавший пустыню, не один?

— Но ведь пустыня расстелилась здесь с незапамятных времен и никак не беспокоит жителей Аквилонии, — возразил Хапри. — Если только они не нарушают ее границ.

— И то верно, — подхватил асир.

— Рано или поздно стрела сорвется с натянутой тетивы, — задумчиво пробормотал киммериец. И добавил уже громче: — Враг может затаиться и ждать подходящего момента. Но не стоит гадать. Вашти, Хапри, напомните мне про Пустыню Смерти, когда наша миссия завершится! Надо будет заняться ею. Позже.

— Вы ничего не слышите? — настороженно пробормотал Вашти. Асир остановился и теперь медленно вращался вокруг своей оси.

— Нет, — признался Хапри, вслушиваясь.

Киммериец настороженно завертел головой.

— Заткнитесь все! — внезапно закричал Амаль на слуг, все еще обсуждающих встречу с лепугами. Над караваном повисла тишина, изредка нарушаемая шорохом непоседливых верблюдов.

И тогда Конан отчетливо услышал монотонное шуршание. Звук приближался.

— Боги сегодня к нам немилостивы, — спокойно сказал вмиг побледневший купец. Сел на носилках и заорал: — Немедленно обливайтесь благовониями, товары и верблюдов не забудьте! Не жалеть!

— Маульпа, — догадался Хапри, когда пробе-

гающий мимо слуга сунул ему в руку желтый флакончик.

— Это все из-за моей раны, — испуганно бормотал Амаль, кутаясь в шкуры, несмотря на то, что жара быстро спадала, — Если бы меня не ранили лепуги, я никогда бы не сделал такую глупость. Как я мог потерять бдительность? Забыть о крови, пролитой в битве с птицами. Да еще и тащить мертвые тела лепуг, не зашив раны и не окропив их благовониями. Это непростительно! Все из-за моей раны... Куда пропала моя удача?

На этот раз Конану намного труднее далось навести порядок в рядах слуг, не полностью еще оправившихся после атаки остроклювых птиц. Киммериец давал последние указания, тревожно вслушиваясь в приближающийся шорох. Купец тщательно описал ему животное, давая возможность осмыслить предстоящее сражение.

— По одному не нападать! — наставлял киммериец. Зычный голос с трудом продирался к дремлющему благоразумию слуг. — Иначе по одному перешелкает. Держаться подальше от щупальцев, клешней и жвал! Заходить на противника всем вместе и только по моей команде. Если кто-то рядом с вами погиб, вы должны сражаться за двоих. За троих. Но вы должны сражаться! В противном случае, получите удар в спину. И я не гарантирую, что вашу спину не

поразит моя стрела. Не хочу, чтобы из-за одного недоумка погибли все! Понятно?!

— Понятно, — закивали караванщики. Киммериец подозрительно осмотрел свое войско. Десять запуганных караванщиков. Пятеро дрожащими руками сжимали длинные ножи. Четверо — сабли. И только двое держали в руках мечи из Кофа, короткие, но легкие и острые.

— Кто умеет действительно хорошо стрелять из лука? — спросил Конан. — Поднимите руки! Нет, одной руки достаточно. Я вижу.

Три руки неуверенно поднялось в воздух.

— Все остальным — быстро отдать им стрелы! Будете сражаться мечами, саблями и ножами! Лучникам — стрелять только по глазам маульпы или между жвал. И всегда держаться за спиной атакующих. Повторяю, ваша задача — ослепить чудовище. Если первое кольцо будет провано, бросайте лук и хватайтесь за ножи! Ясно?!

Лучники часто закивали.

— Вашти, проследи!

— У одного из лучников не нож, а кофийский меч, — заметил асир.

— Поменять на нож! — приказал киммериец. — Остальным — попытайтесь ударить в места сгиба лап, под панцирь или отрубить щупальце! Хапри, ты нападаешь на левую клешню, я — на правую.

Конан задумался, что еще сказать. Но времени у него уже не осталось. Там, где слуги, по приказу киммерийца, положили изрубленного верблюда, обильно окропив песок кровью, вспух

огромный бугор. Песок ссыпался длинными ручьями с бронированной спины чудовища.

Амаль не ошибся, перед Конаном предстал огромный краб. Только природа добавила к двум смертоносным клешням пару длинных щупальцев, которые сейчас жадно схватили верблюда и быстро отправили в огромную пасть чудовища. Четыре глаза, смотрящие во все четыре стороны, в зародыше сводили на нет все попытки противников зайти со спины.

Караванщики старались не дышать, сильнее вжимаясь в песок.

— Может, маульпа, пожрет и уйдет? — тихо предположил Вашти, вытряхивая из бороды песок.

Но надеждам асира не суждено было сбыться. Чудовище если и могло насытиться, то только не жалкой тушей верблюда.

В огромных красных глазах маульпы вращались овальные черные зрачки, выискивая очередную жертву. Казалось, чудовище вот-вот уберется назад в свою дыру. Но в следующее мгновение его глаза запылали ярче, и лапы, глубоко утопая в песке, размеренно понесли безжалостное животное к каравану. Тихо бормотал молитвы Амаль, которого слуги прикрыли песком, оставив на поверхности только лицо. Поблуднели пальцы караванщиков, сжимающие рукояти дорогого, но почти бесполезного сейчас оружия.

— Может, оно нас не заметит? — спросил Хапри.

— Молчи! — прошипел Конан. — Клянусь гневом Крома, еще слово — и ты нас погубишь!

Но маульпа уже выбрала цель. Два верблюда, которым киммериец приказал завязать ноги, широко открыв глаза, обреченно смотрели на приближающееся чудовище. Одно из животных жалобно загудело. Верблюды попятились, но веревки прочно держали ноги. Маульпа приближалась, не вынимая лап из песка. Один из верблюдов дернулся, в отчаянной попытке убежать, но только сбил обоих на бок. И тут же чудовище набросилось на беззащитных жертв. С хрустом сомкнулись клешни, и щупальца отправили в пасть верблюжьей головы.

— Вперед! — тихо скомандовал киммериец, на всякий случай взмахнув рукой.

Тринадцать воинов поднялись с земли и медленно двинулись на маульпу. Окружить таким числом было тяжело, но у них не осталось другого выхода. Три лучника держались немного в стороне, придерживая стрелы, наложенные на тетиву. Два глаза, расположенных на черной спине чудовища, настороженно наблюдали за приближением врагов, но само животное ни на миг не оторвалось от трапезы.

— Оно не принимает нас всерьез! — зарычал Вашти.

— Тем лучше для нас, — сухо сказал Конан, наблюдая, как караванчики замыкают за спиной чудовища широкий круг. — И тем хуже для этой твари.

Киммериец махнул рукой. Слуги начали медленно идти к маульпе, сужая круг. Лучники остались на месте, растянули луки и застыли. Ко-

нан же обошел животное справа и впился глазами в правую клешню монстра. Хапри встал рядом.

Киммериец поднял левую руку, задержал на миг, осмотревшись, и резко взмахнул. Три стрелы пронзили воздух. Две яркие вспышки на миг ослепили воинов. Две из трех стрел нашли свою цель.

— Вперед! — закричал Конан, перекрикивая яростный рев чудовища.

Маульпа заметалась на месте, растерянно рассматривая наступающих людей оставшимися двумя передними глазами. Никогда ей еще не приходилось оказаться в роле жертвы. Один слуга не выдержал, атаковав мохнатую лапу чудовища раньше времени. И тут же поплатился за это. Рука с саблей прошла мимо лапы, высоко взметнувшейся из песка. Эта же лапа резка опустилась, пробив грудь караванчика.

— Возьми его саблю! — заорал Вашти в сторону ближайшего к убитому слуги.

— Все вместе! — скомандовал Конан и ринулся на правую клешню маульпы, на ходу обрубая щупальце. Караванчики наскочили на чудовище. Острые лезвия ударились в толстый панцирь, скользнули по бронированным лапам. Но два кофийских меча все-таки достигли цели. Маульпа лишилась одной из восьми лап и получила чувствительную рану под панцирь. Животное резко метнулось в сторону, подальше от боли, сбивая с ног троих караванчиков.

— Встать! — закричал киммериец, прыгая на

клешню. — Если мы выпустим эту тварь на простор, нам конец. Сомкнуть ряды!

Двое сбитых слуг быстро вскочили, перекатами уходя от ног затравленного животного. Третий же замешкался на мгновение. Острая лапа тут же отделила его голову от туловища. Конан оседлал клешню и принялся изо всех сил бить по ней мечом. На пятом ударе прочное покрытие дало трещину. Маульпа дернула клешней, пытаясь сбросить врага, но ноги киммерийца не зря вздулись огромными узлами мышц. Тогда чудовище попробовало открыть клешню. И Конан тут же этим воспользовался. Меч рубанул в открывшуюся прорезь сустава. Чудовище лишилось подвижной части клешни.

Короткий свист над ухом киммерийца заставил его пригнуться. Одна стрела попала прямо в правый глаз чудовищу. Две другие исчезли в пасти. Движения маульпы принимали все более беспорядочный характер. Но она и не думала сдаваться. Последний глаз безошибочно нашел лучников, и маульпа, собрав все силы, двинулась на стрелков.

— Ослепите ее! — орал Конан, примериваясь к суставу, крепящему клешню к туловищу. — Ослепите или погибнете!

Но лучники уже неспособны были причинить чудовищу вред. Их трясущиеся руки не могли даже наложить стрелы на тетиву.

— Бегите, кол вам в задницу! — закричал Вашти, выскакивая перед тварью. Но маульпа легко отбросила асира левой клешней, на кото-

рой уже висел Хапри, тщетно пытающийся добраться до незащищенных мест чудовища.

Киммериец ударил, вложив в этот порыв всю силу. Он немного не попал, но броня все равно поддалась, пропуская лезвие. Конан вместе с клешней, отрубленной у основания, упал под ноги противнику. И тут же откатился с пути маульпы. Чудовище на миг замерло, удивленно осознавая потерю. Киммериец тем временем схватил у ближайшего караванщика нож и, примерившись к балансу оружия стигийских мастеров, метнул. Короткая вспышка возвестила о падении. Ослепленная маульпа замотала всем телом.

Два сноровистых слуги, обладатели кофийских мечей, воспользовались паникой твари и отрубили ей еще две лапы. Чудовище просело на левый бок, где осталась всего одна опора. Похрабревшие лучники вновь натянули луки и пустили стрелы в пасть чудовища.

Киммериец прокатился под щупальцем, яростно хлещущим песок, и вонзил меч прямо между огромных жвал. Прокрутил оружие. Маульпа жалобно завизжала, словно пришибленный пес. Левая клешня уже готова была раскроить Конану голову, когда Хапри таки добрался до сустава и, вставив в него саблю, подпрыгнул на ней. Песок обагрился кровью чудовища, такой же серой, как и у лепуг.

Удар кофийского меча, и маульпа лишилась последней левой лапы, осев на землю. Теперь она могла лишь вращаться на месте. Подскочил

Вашти и отрубил второе щупальце маульпы, успевшее оставить на плече одного из лучников кровавый рубец.

— Всем отойти! — скомандовал киммериец, откатываясь от маульпы на безопасное расстояние.

Отплевываясь от песка, Конан внимательно следил за радостным отступлением караванщиков.

Маульпа забилась в агонии, дрожа всем телом на дергающихся лапах, до которых не добрались острые клинки караванщиков.

— Я еще жив? — услышал киммериец позади. Быстро обернулся.

Из земли на него смотрели округлившиеся глаза Амаля.

7

Фатих шел все медленнее. Солнце беспощадно разъедало кожу, угрожая превратить ее в пепел. Он не помнил, когда потерял платок, который обвязывал вокруг бритой головы. Последними каплями смочил бурдюк и накинул на макушку. Но и это мало помогало. Вода быстро испарилась, бурдюк нагрелся. Сын паромщика не раз бывал на подобной жаре. Но это не длилось больше дня. Фатих топтал ногами серый песок уже двое суток. Он думал, что сбился с пути, солнце же упорно настаивало на обратном. Да и звезды — словно сговорились. Все указывало сыну паромщика, что ноги ведут его в правильном

направлении. Но время шло, а конца пути все не было видно. Иногда он видел воду. Много воды. И деревья. Красивые деревья с длинными разлапистыми листьями, дающими бесценную тень. Тогда Фатих забывал про усталость, про жажду. Он бежал, спотыкался, падал без сил подняться. Но вода манила его. Манила, чтобы обмануть. Мираж исчезал так же внезапно, как и появлялся. Затуманенный разум Фатиха еще долго заставлял руки разгребать песок, просеивать песчинки между пальцами. Но вода пропадала без следа, продолжая жить лишь в опустошенном сознании.

Фатих не знал, чем заслужил такую немилость судьбы, но где-то в душе он связывал свои невзгоды со смертью Талифа. Глупой, бессмысленной смертью. Ведь сын паромщика мог повести друга и бывшего поделщика обходным путем. Пусть это заняло бы на два дня больше. Пусть над Талифом бы нависала опасность быть пойманным стражей шикасского рудника, с которого он украл немного серебра. Но все же обходной путь давал много больше шансов на удачный побег. А кони бы значительно увеличили эти шансы. Но прошлого не вернуть, а настоящего не избежать.

Фатих упал, чувствуя, как испаряются остатки воли. Силы покинули его разбитое тело, высушенное солнцем и иссеченное песком. Ветер размеренно колыхал изорванную рубаху, не принося прохлады, а лишь открывая палящим лучам беззащитную кожу. Песок медленно, но уве-

ренно засыпал путника, возводя очередной бархан-однодневку. Песчинки лезли Фатиху в нос, забивали рот и выедали глаза, а он лежал без движения, не в силах даже отмахнуться.

...Сын паромщика не понял, когда зародился этот странный звук. Словно целая стая грифонов одновременно хлопала крыльями, повторяя одно и то же движение в каждой птице. Затуманенное сознание Фатиха прислушалось к этому дивному звуку, зародив любопытство, но измученное тело осталось неподвижно лежать в жгу-чем песке.

Хлопки крыльев огромной птицы приближались. Теперь уже не осталось сомнений, что уши слышат не стаю дружных птиц, слитно машущих крыльями, а только одну. Но тут же хлопанье раздвоилось, выдавая вторую пару крыльев.

«Птица с четырьмя крыльями», — мысленно улыбнулся Фатих, толком не понимая причины своей радости.

Но он ошибся.

— Он уже умер или нет? — проскрипел кто-то неподалеку.

— Не знаю, дедушка, — отозвался другой голос. Более высокие интонации выдавали в говорившем юношу. — Сдох, похоже.

— По запаху не поймешь. Вроде — не воняет.

— Значит, успели вовремя, — довольно фыркнул молодой.

Фатих, несмотря на жару, покрылся холодным потом. Так не мог фыркнуть человек. Лишь огромное животное. Да и голоса звучали слиш-

ком громко. Такие звуки вряд ли способна произвести человеческая глотка. Сын паромщика попытался открыть глаза, забыв, что лицо упирается в песок. В правый глаз тут же попали песчинки, заставляя Фатиха инстинктивно дернуться назад и быстро заморгать.

— Гляди-ка, очухался! — проскрипел старый голос, смешав в себе разочарование, уважение и сочувствие.

— Ну и что? — спросил молодой, приближаясь. Фатих слышал, как под огромными ногами расступается песок. — Человек, ты меня слышишь? Дедушка, он меня вообще понимает?

— Понимает, если только его не занесло сюда из каких-то далеких земель. Человек, ты понимаешь, что мы говорим?

Сын паромщика, неспособный перевернуться на спину, слегка приподнял голову и снова зарылся носом в песок.

— Он понимает, дедушка, — громом врезалось в уши. Существо подошло очень близко.

— И что нам теперь с ним делать? — спросил молодой после небольшого паузы.

— Не думаю, что наши первоначальные планы относительно этого несовершенного создания должны в какой-то мере измениться.

— Дедушка, ты снова начинаешь говорить сложно! Скажи проще, жрать нам его или нет?

— Если не мы съедим его, так это сделает крабик. Человек все равно уже не жилец, так что его можно считать падалью.

— Кем? — удивился молодой.

— Падалью. Ну-у, тем, что мы едим.

— Значит, будем его жрать. Ничего не знаю, мне больше нравятся ляжки. Голову оставим на похлебку, или ты съешь?

— Положи его пока под язык, в гнезде разберемся. Может, еще парочку людей найдем, тогда уже можно говорить о полноценной похлебке. Иначе — не будет такой наваристой.

8

— Восемь слуг, шесть верблюдов и двадцать четыре тюка с товаром, — подытожил Амаль, осмотрев поле недавнего сражения. — Еще лепуги и маульпа.

— Ты хочешь все это унести? — спросил Конан, снова надев на лицо маску спокойствия.

— Конечно!

Купец, которого слуги нехотя извлекли из песка, снова почувствовал себя хозяином, разом забыв про все несчастья, обрушившиеся на путников.

— Зачем тебе лепуги, когда у тебя есть маульпа? — недоумевал киммериец, поглядывая на труп огромного краба.

— Ничего ты не понимаешь в торговле, воин!

И тут же поспешно добавил, увидев, как сдвинулись брови Конана:

— По крайней мере, я понимаю в этом лучше. Поэтому — скорее брошу весь свой товар, чем откажусь от лепуг и маульпы. То, что я везу в Пуантен, туда поставляют еще пятеро купцов.

А вот лепуги и чудовище — особенно, чудовище! — вне конкуренции. И продам я их за ту цену, за которую захочу продать. Так что лепуги и маульпа отправятся с нами.

Киммериец задумчиво повел пальцем по песку, не пытаясь нарисовать что-то конкретное.

— Откуда ты взял такие странные названия? — неожиданно спросил он, когда Амаль уже хотел отойти.

— Какие названия?

— Лепуга, маульпа. Ты сам дал этим тварям имена?

— Нет, — признался купец, мгновение поколебавшись. — Я прочитал эти названия в древнем пергаменте, который писал еще отец отца моего отца. Он был великим человеком. Никогда не шел проторенными тропами. Всегда искал свои пути. Именно он открыл для меня в своих записках дорогу через Пустыню Смерти. Он и дал названия местным тварям. Не знаю, что они означают. Видимо, прадед знал много языков.

— Твой предок был очень смелым человеком, — сказал Конан. — А что еще он написал про эти земли?

— Господин, смотрите!

Киммериец обернулся. К купцу бежал один из слуг. Конан его запомнил по кофийскому мечу. Именно он первым нанес рану маульпе, отрубив той лапу.

— Смотрите! — Палец слуги указывал на место, где лежало чудовище. — Смотрите!

Слуга упал, зарывшись в песок. Его чаама

свалилась с головы, а полы халата загнулись к поясу.

Конан взглянул на труп маульпы и обомлел. На месте обрубленных клешней появились две маленькие, растущие прямо на глазах у изумленных людей. Вместо расстрелянных стрелами глаз росли новые, постепенно заполняющие глазницы.

Чудовище покачнулось, на миг приподнявшись на лапах. Вместо отрубленных появились тонкие короткие жгутики.

— Да оно восстанавливается! — воскликнул Амаль, заворожено наблюдая за животным. — И так быстро. Невероятно!

— Главное, что оно не мертво! — сухо сказал киммериец, сбросив оковы удивления. — Мы не убили его!

— Теперь оно убьет нас, — отозвался Хапри, сидящий недалеко от Конана.

— Попробуется, — поправил Вашти, прекращая натирать лезвие сабли песком.

— Ну, так чего мы ждем? — спросил киммериец, вставая. Его правая рука уже крепко сжимала меч.

На этот раз Конан не стал раздавать приказы караванщикам. Он быстро, насколько позволял песок, ускользающий из-под ног, побежал к маульпе.

Щупальце появилось неожиданно, высоким фонтаном вспоров песок у ног киммерийца. Конан инстинктивно дернулся вправо.

Это его и спасло. Вместо того, чтобы опутать

обе ноги воина прочными кольцами, щупальце чудовища обвило только одну.

Рывок. Маульпа потянула Конана к своей уродливой пасти. Но киммериец спокойно балансировал на свободной ноге, подпрыгивая или наклоняясь вперед. Если бы чудовище хоть на миг задумалось над тем, почему рука врага так далеко отведена назад за спину, то наверняка слабые молодые глаза напряглись бы и увидели яркий отблеск вскинутаго для удара меча. Но то ли маульпа была ослеплена жадой мести, то ли ее зрение еще не восстановилось, но щупальце подтащило Конана прямо к огромной пасти.

И тогда киммериец ударил. Четко, резко, прицельно. Отрубленное щупальце тут же отпустило ногу. Меч заметался, отражая небольшие, но опасные клешни. Конан словно сражался сразу с двумя противниками. Маульпа наскочила на него, но атака вышла слишком неуклюжей, чтобы застать киммерийца врасплох. Четыре левых ноги все еще были очень короткими, не позволяя маульпе двигаться с прежним проворством.

Конан сделал ложный выпад справа, поднырнул под правой клешней чудовища и на ходу, развернувшись, отрубил одну правую лапу. Маульпа, попытавшаяся резко развернуться, только зарылась мордой в песок. Этот шанс киммериец упускать не собирался. Прыгнув назад, он перекатился через голову и, как только оказался на ногах, рубанул шарящую в песке правую

клепню. Шаг вправо. Удар. Лезвие вспороло песок, доставая вторую клепню.

Развсрот. Конан обошел чудовище, перехватив меч двумя руками. Мимолетно отбив второе щупальце, он размахнулся и одним ударом от левого плеча срубил все четыре новых лапы маульпы. Чудовище взвыло, внезапно обретя голос. Засеменило тремя правыми лапами, но только закружилось на месте, волной разгоняя песок. Серая кровь медленно текла из многочисленных ран.

Конан вскочил на панцирь и, недолго думая, пригвоздил маульпу к земле. Меч с хрустом пробил броню, тварь затихла.

— Оно мёртво? — настороженно спросил Амаль, когда киммериец присел возле чудовища, очищая меч от густой крови.

— Не знаю, — отозвался Конан. — Ты все еще собираешься везти эту тварь в Пуантен?

Купец задумался, теребя полу халата.

— Но ведь ты будешь с нами. И если что, снова отрубишь чудовищу конечности. Я заплачу, — сказал он наконец. — Такая гадина может принести огромные деньги!

— Огромные деньги?

— Конечно, воин. Имея всего одну маульпу, я уже могу открывать харчевню. Фирменное блюдо — вареные клепни и лапы маульпы, самого большого ракообразного мира.

— Насчет «самого большого», я бы не был так категоричен, — отозвался Вапшти. — Бывают твари и побольше.

— Не важно, — отмахнулся Амаль, мечтательно поднимая глаза к небу. — Главное, чтобы посетители шли валом...

— Харчевня, говоришь? — спросил кто-то.

— Харчевня, — кивнул Амаль, повертел головой в поисках говорившего. — Самая лучшая. А кто это говорит?

— Голову подними! — посоветовал тот же голос.

Киммериец первым взглянул вверх.

— Кром сегодня к нам немилостив, — спокойно сказал он, поднимая меч. — Впрочем, как всегда.

— Смотри, как много людей! — радостно прохрипела первая птица.

— Угу, — отозвалась вторая, не открывая рта.

На караван плавно пикировали, широко расставив крылья-полукруги, два огромных крокодила. Лишь маленькие передние лапы да гигантский размер отличали их от наземных сородичей. Разумеется, не беря во внимание крылья.

— Зачем над крабиком издеваетесь? — спросила первая птица. Хрипотца в голосе, морщинистая кожа и большие темные пятна вековых пролежней выдавали немалый возраст.

— М-м, — кивнул второй крокодил. Этот был явно помоложе — гладкая кожа переливалась всеми цветами радуги, купаясь в лучах заходящего солнца.

Молодой почему-то не хотел открывать огромную пасть. Конан решил, что диковинное животное что-то в ней прячет — это было просто, ведь в такой пасти мог запросто уместиться верблюд вместе с седоком.

— Жалко крабика, — не унимался старый крокодил. — Вот ведь странные существа эти люди. И ничего не поделаешь: дикари — они и в пустыне дикари.

— Это он нас дикарями назвал? — гневно вскинул брови Вашти.

— Думаю, вопрос риторический, — отозвался Хапри, обнажая саблю.

— Какой вопрос? — покосился на него асир.

— Не важно.

— Смотри-ка! — прохрипел старый крокодил. — Они хотят с нами драться!

— Нет, мы этого не хотим, — спокойно сказал киммериец, демонстративно опуская меч.

— Жаль, тогда нам придется начать самим. Ох, не люблю я нападать первым! А что делать? Больно подраться хочется. Совсем уже мышцы отлежал...

— Драконы, — подал наконец голос Амаль. Он так и застыл с открытым ртом, как только увидел новых гостей. Старый крокодил высокомерно взглянул на купца.

— Ну, хоть один признал.

— Какие-то они... — замялся Хапри. — Какие-то они не такие!

Конан мрачно посмотрел на не в меру веселого дракона.

— Я видел не одного дракона, — сухо сказал он. — Но ни один из них не был шутком. Вы — не драконы! Вы — крокодилы-переростки!

— А это уже оскорбление! — нахмурился старик-дракон. Повернул голову к своему напарнику. — Помнишь того человека, который напал на нас на южной окраине? Он еще в металлической ракушке был, которая потом у тебя в зубах застряла.

Молодой кивнул.

— Так тот, по-моему, нас меньше оскорблял, чем эти невежды. Давай их поджарим!

Вашти и Хапри обреченно переглянулись.

— Они еще и огнедышащие, — пробормотал Амаль. И непонятно было, восхищается он или ужасается.

— Нет, человек, мы не огнедышащие. Хуже. Гораздо хуже. Для вас. Ну, начнем-ка, пожалуй, с самого дерзкого. — Два глаза-блюда отразили сосредоточенную фигуру Конана, вновь поднимающего меч.

— Нет, человек. Твоя железка тебе не поможет! Мы — не беспомощные крабики, которых можно спокойно рубить на части. Хочешь удивиться, человек? Смотри!

Внезапно старый дракон замахал крыльями, прекращая планирование и зависая на месте. Затем, довольно оскалившись, приложил крылья к бокам и... так и повис в воздухе, нарушая все законы природы.

— Как он это делает? — тихо спросил Хапри.

— Колдовство, — спокойно ответил асир. Это

слово уже не раз спасало его от глупых и бесполезных, на его взгляд, размышлений, приводящих только к головной боли.

— А теперь — самое интересное, — прохрипел дракон.

10

Крылья дракона оторвались от боков и сомкнулись за его ребристой спиной, образуя идеальный круг. Внезапно по ним пробежала рябь, краски поблекли. А в следующее мгновение крылья стали прозрачными.

Киммериец, не веря своим глазам, удивленно посмотрел на крохотную тучку, которая, попав в драконий круг, показалась во много раз больше. Крылья не просто сделались прозрачными, они стали все увеличивать.

— Что это? Линза? — удивленно пробормотал Амаль.

Дракон махнул хвостом, разворачиваясь на месте. Лучи вечернего солнца упали на крылья животного, преломились и сошлись на одном из слуг. Халат ничего не подозревавшего караванщика тут же вспыхнул, окутывая того пламенем. Через несколько мгновений крик боли оборвался, и человек упал на песок. Ветер услужливо наполнил ноздри людей тошнотворным смрадом жженных волос и обуглившейся кожи.

Несколько ударов сердца Конан боролся с ужасом перед колдовством драконов Пустыни

Смерти. Теперь он понял, что не лепуги и не маульпы были причиной такому названию этих пустынных земель, где боялись расти даже равнодушные кактусы.

Взгляд голодных глаз твари снова сошелся на киммерийце.

— Жаль, солнце садится. Днем от этого человека не осталось бы и следа. Даже пепел был бы унесен ветром.

Тем временем второй дракон повторил трансформацию первого, воздвигнув над своим хребтом еще одну линзу.

— Теперь — будет тебе и похлебка, и ляжки, и мясо на ребрышках, — оскалился старый, посмотрев на молодого. — Ну, люди, поиграем?

— Может, договоримся? — спросил Амаль севшим голосом.

Старый дракон, презрительно махнув хвостом, посмотрел на купца.

— Нет, человек, — голос животного посерьезнел, — не договоримся. По очень простой причине — тебе нечего предложить, а мы голодны. Мы облетаем границы пустыни с самого утра. И пока не съели ни одной твари.

— Но все-таки?.. — пробормотал Амаль и осекся, до крови прикусив губу. Он не заметил, когда его одежда запылала. Только жар выдал разгорающееся пламя. Молодой дракон управлялся со своим оружием не менее ловко, чем его старший собрат.

Конан не собирался становиться легкой мишенью. Сорвавшись с места, он побежал к маульпе, со-

провожаемым отчаянными криками купца, сгорающего заживо.

— Куда же ты? — удивился старый дракон, пытаясь поймать киммерийца смертоносным лучом.

Чем дальше убегал Конан, тем шире становился круг, образуемый крыльями дракона. Хвост помогал летающему монстру прицелиться. Но человек все время ускользал, пока не скрылся за поверженной маульпой.

— Ну, так не честно! Я ведь не прячусь!

— Вашти, Хапри, сюда! — закричал киммериец. Даже панические крики караванщиков не смогли заглушить его голос.

Асир и молодой воин побежали к Конану, на всякий случай хаотично прыгая то влево, то вправо, чтобы не быть поверженными невидимым лучом.

— Хапри, возьми веревку! — выкрикнул киммериец. Молодой воин, не останавливаясь ни на мгновение, подхватил с земли моток добротной веревки, упавшей с одного из верблюдов во время суматошных приготовлений ко встрече маульпы.

Вашти вскрикнул и упал. Но тут же вскочил и добежал до близкого укрытия. На его правой икре растекалось красное пятно ожога.

— Пройдет! — отмахнулся асир, заметив настороженным взгляд Хапри. — Не так меня еще шпарили! Наши бабы и то поопаснее будут!

Конан принял веревку из рук молодого воина. Сделал шаг назад, выходя из-за укрытия.

— Вот это по-мужски, — одобрительно кивнул старый дракон, заканчивая сжигать очередного караванщика. Только сейчас киммериец понял, что караван уничтожен. Полностью. Молодой как раз заканчивал издеваться над подрагивающим в судорогах верблюдом. Летающие твари убили всех, кроме крохотного отряда короля Аквилонии.

Стоны умирающих начали стихать. Через мгновение — стихли совсем.

Воздух был насквозь пропитан смертью, все еще помня крики, мольбы и стоны караванщиков. Два чудовища возвышались над этим песчаным кладбищем, как беспощадные обитатели Валгаллы.

Их вытянутые морды светились откровенным весельем, которое они изливали в каркающем смехе и ярких вспышках глаз.

Киммериец понял, что теперь ему придется сразиться сразу с двумя гигантскими тварями. Он крепче сжал меч и двинулся навстречу могучим противникам.

— Нет, так неинтересно! — возмутился старый дракон. — Двое — на одного. Человек, ты насмехаешься над нами? Где твои друзья? Зови их, хоть как-то уравнием шансы!

— Может, так будет немного интереснее? — спокойно спросил Конан, втыкая меч в песок. Поднял с земли кофийский клинок, лишившийся хозяина. Затем уверенно размахнулся и бросил его в старого монстра.

За мгновение до броска дракон понял про-

стой замысел киммерийца, но было слишком поздно.

Быстро вращаясь, меч погибшего караванщика вмиг преодолел расстояние до чудовища и, словно острая бритва, срезал оба крыла.

Старый дракон пронзительно заверещал, отчаянно махая жалкими обрубками, потерявшими прозрачность.

— Какая все-таки странная у вас кровь, — задумчиво сказал Конан, провожая взглядом падение крыльев, истекающих зловонной мутно-серой жижей.

Молодой дракон растерянно водил головой от своего напарника к киммерийцу, и обратно. Старый истошно вопил, все еще не оправившись от шока.

— Теперь тебе сложнее будет летать, — усмехнулся Конан. — Если только ты не научился у маульпы отращивать все подряд.

Киммериец понял, что в ближайшее время старик ему не опасен, поэтому переключил внимание на второго противника. Молодой дракон был настолько поражен бесславым проигрышем своего наставника, что совсем забыл про линзу.

Теперь его крылья потеряли прозрачность. И когда он заметил приближение Конана, то не сразу смог нанести удар.

Тем временем в руках киммерийца замелькала веревка. Она оканчивалась широкой петлей, которую воин, раскрутив над головой, метнул по крутой дуге.

Петля повисла на шее дракона. Конан резко потянул веревку на себя, затягивая узел. Чудовище резко задержало крыльями, петля сильно сдавила толстую шею.

Ноги киммерийца оторвались от земли. В них тут же вцепился Вашти. Когда асир почувствовал, что и его ноги покидают теплый песок, на помощь пришел Хапри. Но и он вскоре оказался в воздухе. Драконьи крылья обладали огромной силой.

Крокодилоподобная голова дико извивалась на короткой шее, пытаясь дотянуться до веревки острыми зубами. Петля от этого затягивалась еще сильнее. Ослепленный страхом и болью, дракон быстро заработал крыльями, унося своих врагов на юго-запад.

— Хорошо летим! — крикнул Хапри, одной рукой держась за ногу асира, а другой удерживая меч Конана, который подхватил за мгновение до стремительно взлета.

Скоро, уже порядком устав от сумасшедшего полета, киммериец увидел вдали деревья, резко ограничивающие пустынные просторы.

— Прилетели, — прокричал Вашти, чувствуя, как слабеют пальцы.

Границу Пустыню Смерти пролетели на огромной скорости, а следующий взмах дракон сделать не успел, рассыпавшись облаком серого песка. Отряд Конана врезался в крону дерева и, пересчитав едва ли не все ветви, оказался на земле.

— Колдовство, — громко сказал киммериец,

ощупывая тело в поисках переломов. Вашти цедил сквозь зубы проклятия. Хапри, держась за голову, бродил в зарослях огромного кустарника с треугольными листьями, куда он обронил в полете меч Конана.

— Нам пора в путь, — сказал киммериец, вставая. Он все еще крепко сжимал веревку.

Обсудив переход через пустыню, окончившийся головокружительным полетом на необычном драконе, король Аквилонии решил не спешить углубляться в неведомые земли под покровом ночи, ибо опыт Кровавого Леса все еще не давал им покоя. К тому же усталость брала свое. Конану все труднее становилось отказываться от сна. Ведь за весь длительный переход от Тарантии он, как и его спутники, отдыхал не больше четверти суток.

Глава 4 Тайна Хорота

дается мне, вам стоит на это взглянуть! — сказал Вашти, входя в круг света, отбрасываемый пышным костром.

— Куда взглянуть? — отозвался Хапри.

Асир махнул рукой куда-то за спину.

— Что там? — сухо спросил киммериец, изучая зазубрину на мече, оставшуюся на память о маульпе.

— Человек какой-то лежит.

— Живой? — Конан встал.

— Бормочет что-то непонятное. Так что — живой. Пока. Уж больно его бормотание сродни предсмертному бреду.

— И чего бормочет? — Хапри тоже встал. Взялся было за рукоять сабли, но передумал беспокоить оружие.

— Веди! — приказал киммериец, всматриваясь в темноту. Вашти в который раз бросил восхищенный взгляд на блики, играющие на могучих мышцах Конана. Игры пламени выгодно подчеркивали мускулатуру короля Аквилонии, порождая в сознании асира мимолетную зависть.

Отряд погрузился во тьму. Через несколько шагов Конан уперся в спину Вашти. Отстранил его в сторону и присел над дрожащим комком тьмы.

— Надо перенести его ближе к огню, — заключил киммериец, прислушиваясь к бессвязному бормотанию.

Хапри подхватил незнакомца под руки, Вашти взялся за ноги.

В свете костра Конан смог рассмотреть находку асира. Перед ним лежал парнишка. Худой, но высокий и плечистый. Раскосые глаза были плотно прикрыты дрожащими веками. Плечи незнакомца покрывали крупные волдыри, оставленные сильными ожогами.

— Да он, похоже, тоже недавно из Пустыни Смерти выбрался, — заметил Хапри, изучая его кожу, измученную ярким солнцем.

Незнакомец открыл глаза и посмотрел на киммерийца. Его зрачки забегали, пытаясь вернуть зрению четкость.

— Воды, — прошептал он наконец потрескавшимися от жары губами.

Хапри зачерпнул огромным листом местного дерева мутной жидкости из старого пня, хранящего затхлую воду давнего дождя. Путникам выбирать не приходилось. Все запасы живой влаги остались в пустыне вместе с погибшим караваном.

Незнакомец жадно пил, потом взял лист в руки и сел. Он оживал на глазах.

— Как твоё имя?! — спросил киммериец, не отрывно глядя в болезненно желтые глаза юноши.

— Фатих, — сипло пробормотал тот, недоверчиво прислушиваясь к собственному голосу. — Меня зовут Фатих.

— Кто ты и что здесь делаешь?

— Я сын паромщика. Помогал другу дойти до Хорота. Мы шли коротким путем — через пустыню.

— И где твой друг? — Вашти покосился в сторону, где он нашел Фатиха.

— Талиф погиб. Его схватило чудовище, прятавшееся в зыбучих песках.

— Зачем ты повел своего друга через Пустыню Смерти? — спросил Конан.

— Он спасался от погони. Украл немного серебра с одного из шикаских рудников. — Незнакомец закрыл глаза, не в состоянии выдержать

тяжелый взгляд киммерийца. — Это самый короткий путь.

— Как ты здесь оказался?

— Прилетел. — Фатих закашлялся.

Вашти и Хапри переглянулись. Асир pokrутил пальцем у виска.

— Что значит — прилетел? — нахмурился Конан.

— На драконе. Он долго держал меня в своей омерзительной пасти. Под языком. Потом внезапно дракон исчез, и я начал падать. Помню яркую вспышку. Что-то больно оцарапало руки и ноги. Все.

— Ты что забыл, мы сюда тоже не пешком пришли, — прошептал Хапри на ухо Вашти, реагируя на его жест.

Асир на миг задумался, виновато улыбнулся и опустил руку.

— Ну, и что нам с тобой делать, Фатих? — сухо спросил Конан.

— Помогите добраться до реки. Отец отблагодарит!

— А кто твой отец? — поинтересовался Хапри.

— Он держит переправу через Хорот.

— Паромщик? — Вашти удивленно покосился на юношу.

Фатих кивнул, зачерпнул еще воды и припал к листу.

Отряд киммерийца оживился.

— На рассвете ты поведешь нас к своему отцу! — заключил Конан.

Утро встретило путников крупными каплями зеркально чистой росы. Светало. Солнечные лучи уже давно резвились между длинными перистыми облаками, но самого солнца еще видно не было.

Конан открыл глаза. На ресницу упала капля росы, скатившаяся с древесного листа. Киммериец инстинктивно моргнул, но больше ничем не выдал своего пробуждения. Вместо того, чтобы резко подняться, как он делал каждое мирное утро, и идти будить свою немногочисленную команду, Конан оставался неподвижным, стараясь держать дыхание ровным.

Звук, который и заставил киммерийца насторожиться, повторился. Кто-то медленно крался к месту ночлега отряда короля Аквилонии. Кто-то большой, ибо, несмотря на все попытки чужака приблизиться тихо, его выдавало тяжелое дыхание и похрустывание настила из мелких веток, ссохшихся под палящим солнцем на вершине деревьев и сорванных коварным ветром.

Дыхание приблизилось, хруст прекратился. Конан заметил, как медленно сдвинулась рука Вашти, лежащего по другую сторону от потухшего костра.

Асир нащупал саблю и замер. Киммериец был уверен, что и Хапри давно вырвался из предательских объятий сна и застыл в ожидании команды. Только Фатих громко сопел и ворочал-

ся на мягкой постели из травы и листьев. Сын паромщика был далек от реальности, тем более — от опасностей реального мира.

Гость остановился на краю поляны, неуверенно переминаясь с ноги на ногу. Затем пришел к какому-то решению и сделал шаг в сторону путников.

— К бою! — выкрикнул Конан, вскакивая на ноги. По обе стороны от его меча тут же заблестели сабли.

Над воинами возвышался огромным зверь с туловищем медведя и головой тигра.

— Везет нам на уродов, — проскрежетал асир.

Тигромедведь посмотрел на него. Киммериец с удивлением понял, что зверь не собирается на них нападать. Не с таким добродушным взглядом предательски нападают на спящих противников. Не обращая внимания на людей, выставивших перед собой крошечное, по его меркам, оружие, невиданное животное прошло рядом с ними, наступив на все еще дымящиеся угли костра, и склонилось над Фатихом. Огромная волосатая лапа тронула плечо сына паромщика. Тот заворочался, открыл глаза.

— Гриз! — радостно воскликнул Фатих, хватая толстую лапу. Зверь довольно заурчал, словно большая кошка.

— Может, ты нам кое-что пояснишь? — спросил Хапри. Фатих обернулся, поглаживая темно-коричневую шерсть тигромедведя.

— Это Гриз — наш питомец, — сказал он. — Он помогает отцу управляться с хозяйством, ко-

гда меня нет рядом. Заодно — сторожит переправу и дом.

— И что он здесь делает? — спросил Вашти.

— Наверное, меня почуял и пришел.

— Чего ж тогда подкрадывался?

— Не хотел меня будить. Но потом, похоже, не сдержался.

Зверь, настороженно прислушивающийся к разговору, закивал, будто поняв о чем говорят люди. Теперь он вел себя еще миролюбивее, когда почувствовал, что хозяин находится среди друзей.

— Нам нужно идти, — напомнил Конан, пряча меч в кожаных ножнах. — Ты приведешь нас к паромщику?

— Конечно.

Когда, быстро перекусив ягодами, найденными Гризом, отряд короля Аквилонии двинулся в путь, Фатих снова удивил воинов. Он забрался на шею своему питомцу и, словно забыв о гибели друга, всю дорогу до дома распевал песни. Пытка, ибо сын паромщика был далек от певческого искусства, продолжалась недолго. Как раз тогда, когда Вашти обдумывал, каким образом сбить с ног тигромедведя и добраться до горепевца, редкий лес кончился, и ветерок донес до путников сладостный после Пустыни Смерти запах манящих вод Хорота.

Дом паромщика выглядел точно так же, как и дом старейшины, словно возведенный строителями кванти. К парому, курсирующему между двумя берегами, вела бревенчатая пристань, на-

чинающаяся от самого крыльца дома. Сам паром мало чем отличался от обыкновенного плота, разве что добротностью креплений и высокими перилами. Через Хорот была переброшена толстая веревка, вдоль которой паромщик переправлял людей и товар на другой берег.

Река встретила путников густым туманом, берущим начало в двадцати шагах от берега и полностью скрывающим прозрачные воды Хорота.

— В недоброе время пришли мы, — пробормотал Фатих, нахмурившись. Перегнулся через голову Гриза и посмотрел в его огромные глаза. — Как ты мог бросить отца одного во время Тумана Призраков?

Зверь виновато опустил голову. Заскулил, но сын паромщика и не думал его утешать. Видимо, его питомец допустил слишком большую, опасную оплошность.

Киммериец, не дожидаясь предупреждения, обнажил меч. Вашти и Хапри последовали его примеру.

Окна дома были плотно закрыты ставнями, не давая путникам возможности заглянуть внутрь. Мощная дубовая дверь прикрывала вход без единой щели.

Фатих слез с Гриза и тихо постучал. Глухо заклокотала в тумане какая-то птица, пустив злое эхо. Дом молчал.

Фатих постучал еще раз. На этот раз громче. Настороженно вслушался в звуки за дверью. На лице сына паромщика появилось тревожное вы-

ражение. Он бросил на Гриза злой взгляд, хмуро посмотрел на туман, скрывающий половину паррома, и, размахнувшись, забарабанил в двери.

Конан молча наблюдал за Фатихом.

Туман Призраков... Тут было над чем поразмыслить.

Чего так боится сын паромщика, оглядываясь на затуманенную реку? Что может быть настолько опасным, чтобы угрожать этой непреступной крепости, в которую паромщик превратил свой дом? Какое очередное испытание приготовил Кром для воинов? Конан не хотел верить, что чем-то прогневил могущественного бога. С таким противником ему никогда не справиться, ибо судьбу победить — не во власти смертного, не умеющего управлять временем, подвластным лишь богам.

Много вопросов теснились в сознании киммерийца, но король Аквилонии не дал им долго разжедать свой мозг. Резко тряхнув головой, он сбросил пелену мрачных мыслей и прислушался. Где-то в глубине дома зашуршали шаги.

Вскоре путники отчетливо услышали, как кто-то остановился по ту сторону двери. Громко ухнул филин, разбуженный тишиной. Все затаили дыхание.

— Гриз, это ты? — строго спросил кто-то из-за двери.

— Отец, открывай! — обрадовался Фатих.

— Не спеши, сынок. Прости старика за недоверие, но обернись, и ты увидишь его источник. Докажи, что ты мой сын!

Хапри вскинул брови, посмотрел на Вапшти. Но асир, как и Конан, напряженно ждали развязки.

Сын паромщика мрачно посмотрел на Туман Призраков, приблизивший густую пелену еще на шаг, и задумался.

— Я не понимаю, что здесь происходит, но попробуй напомнить ему что-то из вашей жизни. Что знаете только вы, — посоветовал киммериец, прикрыв рукой глаза. Он чувствовал себя очень неуютно возле Хорота, окутанного волнением. Туман дышал опасностью. Это настораживало и держало в постоянном выматывающем напряжении. Конан предпочитал видеть противника, а не биться в стену предположений.

— Ты не один? — насторожился паромщик.

— Да, отец, со мной доблестные воины и Гриз!

Дверь внезапно отворилась.

— Проходите, — радушно сказал отец Фатиха, отступая в сторону.

Киммериец мгновение помедлил, бросил на старика-паромщика оценивающий взгляд и, не пряча меч, вошел вслед за Фатихом. Вапшти и Хапри последовали за ним.

Асир задержался, пристально посмотрел в глаза хозяина дома на реке.

— Почему ты открыл нам дверь?

— Гриз никогда не ошибается. Если он при-

шел с вами, значит — вы друзья моего сына, а приведший вас — мой сын.

Вскоре паромщик уже потчевал гостей настоем из трав, которые росли только на берегах Хорота. Воины маленькими глотками опорожняли высокие кувшины, поглядывая на скудное убранство комнаты: добротный стол, десяток затертых табуретов, длинная скамья вдоль стены да небольшой плетеный ковер, навверняка прикрывающий вход в погреб.

Пламя трех свечей давало достаточно света, чтобы путники рассмотрели отца Фатиха получше. Седина давно скрыла молодость паромщика, но живые, по-восточному раскосые глаза, все еще сверкающие озорством, молодили его. Обветренная, загорелая кожа боролась с морщинами и складками. В движениях сквозила живость и уверенность.

— Что-то ты, сынок, припозднился, — сказал старик укоризненно. — Два дня я провел в тревожном ожидании и неведении.

— Угораздило меня, отец, послушаться твоего напутствия и пойти через Пустыню Смерти.

Лицо паромщика потемнело от возмущения, затем кровь отхлынула от щек, выдавая осознание опасности, которой подверг себя Фатих.

— Зачем ты это сделал?

— В Шикасе я встретил Талифа...

— Этого бездельника и вора! — вскрикнул паромщик и стукнул кулаком по столу. Вспомнил про гостей, притих. — Я говорил тебе, что эта дружба до добра не доведет?!

— Говорил. — Фатих пристыжено склонил голову. — Но теперь он уже не будет будить в тебе гнев. Талиф мертв. Пустыня убила его. Он хотел пойти коротким путем, я повел его через пустошь. Повел к гибели.

— Только не говори, что ты повинен в его смерти. Я тебя знаю, может, лучше, чем ты сам. Пустыня Смерти никогда бы не заманила тебя, если бы не твоя безотказность. Ты хотел помочь Талифу, негодяю, который всего несколько лет тому назад украл нашу кобылу и исчез. Не вини себя, сынок, боги забирают только тех, кто им нужен. Случайностей в таких делах не бывает.

Конац терпеливо дослушал поучения паромщика, затем поставил кувшин на стол, привлекая всеобщее внимание.

— Нам нужно перебраться на другой берег Хорота.

В комнате повисла тишина. Старик испуганно посмотрел на киммерийца.

— Если бы не видел я твоего лица, серьезно-сти твоих глаз, то просто посмеялся бы над твоими словами. Не шутишь ли ты, воин?

— Нет, я далек от этого уже многие годы. Что дает тебе повод для смеха?

— Давай, я расскажу тебе и твоим друзьям про Туман Призраков. После этого я спрошу тебя снова о серьезности твоих намерений.

— Я слушаю тебя, — кивнул Конац.

Паромщик посмотрел на пламя свечи, задержав взгляд, собираясь с мыслями.

— Когда-то давным-давно здесь жили атлан-

ты, испытывавшие едва ли не рассвет своего могущества. Они пришли с запада и расселились по берегу Хорота. В этих местах реку разделял, чтобы потом соединить, огромный остров. Этот прекрасный оазис Хорота облюбовали сановитые атланты. Среди фруктовых садов, подобия которым не найти во всей Хайбории, взметнулись к небу и богам высокие дворцы, украшенные всеми виданными и невиданными драгоценными камнями и металлами. Многочисленные башни протыкали облака. Атланты жили спокойной и богатой жизнью.

Но однажды пришла стихия. Наводнение, которое еще ни разу так рьяно не тревожило Хорот, затопило множество поселений атлантов на побережье реки. А больше всего пострадали сады и дворцы на острове. Плодовые деревья вырывало с корнем и уносило вместе с сотнями погибших атлантов. Вода подмывала дворцы, обрушивая стену за стеной, башню за башней. Казалось, не было этому конца, когда среди грозных волн бушующего Хорота с одной из башен заметили крохотную лодку, в которой стоял человек. Он не боялся упасть. Его хрупкое суденышко словно и не замечало огромных пенящихся волн, бьющихся в борта. Человек сошел с лодки прямо в одно из окон башни, к которому вода подобралась особенно близко. Он встретил перепуганных атлантов спокойными речами и предложил помощь, потребовав взамен привилегии и власть. Атланты согласились без промедления, с недоверием и завистью от-

несясь к словам незнакомца. Потом только они поняли, что их спаситель — могущественный колдун с востока, которому подчиняются самые грозные силы природы.

Не прошло и дня, как Хорот успокоился и обмелел. Радости атлантов не было предела. Они возвели для спасителя красивейший дворец, задаривали его дорогими подарками. Жизнь колдуна стала богатой, роскошной. И тогда он решил упрочнить свою власть, вмешавшись в интриги сановников.

Это было его ошибкой. Не будучи искушенным в этой коварной борьбе, колдун пал жертвой чьей-то опасной авантюры. Ему приписали попытку переворота и захвата власти. Приговорили к смерти. Народная любовь мгновенно испарилась, заслуги были забыты. Его могущество пугало, поэтому приговор был приведен в исполнение на следующее же утро.

Но перед смертью колдун, связанный и скованный по рукам и ногам, держал речь. Атланты не успели закрыть ему рот. Странное проклятие на неведомом языке сошло со старческих губ перед тем, как голова колдуна скатилась в воду.

В то же мгновение остров засиял, словно звезда. Вспыхнул и погас. Атланты, толпившиеся на берегу Хорота, бежали, охваченные ужасом.

Остров исчез.

С тех пор каждый год воды реки в этих местах затуманиваются, чтобы скрыть призрачный остров. Атланты все еще живут на нем, но они

приняли облик огромных волков, раздирающих всякого, кто осмелится приблизиться к ним.

Так гласит легенда...

— Ты веришь в свои слова, паромщик? — спросил Конан, рисуя на столе невидимые узоры.

— Ничего другого не остается, — развел руками старик. — Мне не раз доводилось видеть здесь огромных волков, их пылающие яростью красные глаза.

— Долго длится этот Туман Призраков? — проворчал Хапри, сверля глазами стол.

— Ровно семь дней. Вчера начался.

Вапшти выругался.

— Можно этот туман как-то обойти? — Конан резко провел рукой по длинным волосам.

— Остров довольно узкий, но длинный. День пути. Я это хорошо знаю. В свое время нужно было попасть на другой берег. Пришлось идти... Если же пытаться обойти вверх по течению, то дорога займет намного дольше, там очень густые прибрежные заросли.

— Что же нам тогда делать? — пробормотал Хапри, с надеждой глядя на киммерийца.

— Оставайтесь, — сказал паромщик. — Места у меня на всех хватит.

— Нет, мы не можем ждать шесть дней! — Конан хлопнул ладонью по столу. — У нас нет времени в запасе, старик. Совсем. Мы должны не позже ночи быть на другом берегу!

За дверями внезапно раздался громкий рык, затем еще один. Глухой удар породил жалобное

поскуливание. Киммериец вскочил, опрокидывая табурет.

— Что случилось? — замотал головой разбуженный Фатих, до этого дремавший на лавке.

— Волки! — выпучил глаза паромщик.

— Гриз! — воскликнул Фатих и бросился открывать дверь.

Конан оттолкнул его и, сдвинув в сторону тяжелый засов, первым выбрался из дома. Возле паромы лежал тигромедведь. Вокруг него искривились в неестественных позах огромные волки. Двое были еще живы. Пытаясь добраться до воды, они отчаянно дергали перебитыми лапами. Но силы покинули их разбитые тела. Питомец семьи паромщиков обладал огромной силой, если способен был так изувечить противников. Гриз не подавал признаков жизни. Его шерсть, обильно смоченная кровью врагов и водой Хорота, сбилась в комки.

— Гриз! — закричал Фатих, с ужасом наблюдая, как из шеи тигромедведя вырывается карминовая струя. Острые клыки волков все-таки достали до уязвимого места. Сын паромщика устремился к любимцу.

— Стой! — приказал киммериец, схватив его за плечо. Подозрительный взгляд Конана пытался пронзить толщу тумана, почти скрывшего паром.

— Волки могут только этого и ждать, — добавил он.

Перехватив меч двумя руками, он медленно пошел к Гризу.

Конан двигался практически беззвучно, мягко ступая по бревнам причала. Туман колыхался, закручиваясь в вихри от неосязаемых потоков воздуха. Он словно завлекал воина, подбадривая при каждом движении.

Киммериец был всего в пяти шагах от Гриза, когда заметил в тумане три темных пятна, и резко бросился на землю. Зубы зверя клацнули над головой Конана. Тускло блеснул меч, вспарывающий худое брюхо. Волк заскулил, упал, затрясся и задергал лапами. Конан вскочил. С двух сторон к нему подкрадывались, низко склонив головы, два зверя. Волки двигались бесшумно, лишь глухое рычание выдавало их. Киммериец настороженно водил мечом из стороны в сторону, ожидая атаки в любой миг.

— Саблю! — крикнул он, продолжая внимательно следить за противниками. — Мне нужна сабля! Вашти!

— Бросаю! — отозвался асир. За спиной Конана засвистело острое лезвие, вспарывая густой воздух. Воин резко развернулся, легко подхватывая оружие. И тут же волки напали, решив, что Конан отвлекся.

Два блика сверкнули навстречу атлантам, укрытым проклятием.

Меч столкнулся с острым клыком, отскакивая и выворачивая руку киммерийца. Зверь упал и, издав удивительно человеческий стон, начал тереть лапой челюсть.

Сабля попала точно в пасть второго волка, мгновенно погасив блеск демонических глаз. Не давая себе передышки, Конан взмахнул мечом и отрубил голову стонущего зверя.

Осмотрелся. К четырем убитым Гризом волкам добавилось еще три.

Вложив меч в ножны, киммериец, держа наготове саблю, схватил тигромедведя за лапу и, напрягая мышцы, медленно потащил его к дому.

— Пусть устраивают пир над своими сородичами, — спокойно сказал он, когда подошел к паромщику.

Туман откликнулся слитным воем. Через мгновение Конан понял, что приближается уже целая стая волков.

— Все — в дом! — приказал он, схватил Гриза за густую шерсть и последним забрался в укрытие. В щель закрывающейся двери он увидел многочисленные углы глаз, дрожащих в молочной пелене Тумана Призраков.

— Значит, легенда не врет, — подытожил киммериец, оглядевшись. Его глаза метались от Вашти, прячущего вернувшуюся саблю, к Хапри, настороженно поглядывающему на дверь. Затем взор Конана остановился на побелевшем от пережитого страха лице паромщика.

— И много этих волков на острове? — спросил киммериец после недолгого, но напряженного молчания.

— Сотни, — развел руками старик. — Может, тысячи. Кто их знает? Легенда умалчивает, сколь-

ко атлантов жило на побережье Хорота. Тем более — на острове. Но одно мне известно точно — остров очень длинный, и на нем было много дворцов.

— Похоже, нам придется прорываться через Хорот с оружием в руках, — мрачно сказал король Аквилонии, осмотрев свой отряд.

— Безрассудство, — сказал паромщик, покачивая головой. — Еще никто из осмелившихся разрушить заклинание не вернулся живым. И редко кому удавалось выловить из реки трупы этих безрассудных удальцов, когда Туман Призраков исчезал вместе с проклятым островом.

— О каком заклинании ты говоришь? — вскинул брови Конан.

— Я разве не рассказал? Нет? Тогда слушайте. Существует поверье: если кто-то сможет продержаться на острове от полудня до заката, тогда чары окутывающие атлантов, будут рассеяны. Волки обретут человеческое обличье, чтобы их души заняли достойное место среди предков. Они исчезнут, покорившись времени, и не будут больше страдать от вечного блуждания в Тумане Призраков. Остров снова заживет прежней жизнью, вернув себе утраченную природную девственность. А избавитель в награду получит от атлантов щедрый дар.

— Я не собираюсь торчать на острове до заката! — возмущенно воскликнул Вашти.

— Это невозможно, — откликнулся Хапри на вопросительный взгляд киммерийца.

— Решено! — пророкотал король Аквилонии.

— Мы не имеем права поддаваться власти легенды, какой бы правдивой и благородной она ни была. У нас есть более важная миссия. Будем прорываться!

— Это непросто, — печально сказал старик. — Волки впервые за долгие годы напали на мой дом. А это значит, они почувствовали опасность, нависшую над их существованием. Не теряйте надежды, что волки хотят освобождения от заклятья: Их сознанием управляют демоны, а не атланты. Человеческие желания подавлены полусторонним гневом и жаждой крови.

— Нам только битвы с демонами не хватало, — пробормотал Хапри, поглаживая рукоять сабли.

— Откуда тебе столько известно об этой легенде? — подозрительно спросил Вашти.

— Во-первых, я здесь живу — видел немало. Во-вторых, пять лет назад мне довелось переправлять одного странного человека. Он пришел, как и вы, во время Тумана Призраков. Но проявил больше благоразумия и остался у меня переждать, пока колдовство не рассеется. Этот человек и поведал мне легенду Падших Атлантов.

— Ты дашь нам паром, старик? — спросил киммериец, решительно вскинув голову.

— Разве я могу отказать человеку, спасшему жизнь моему сыну? — грустно ухмыльнулся паромщик. Киммериец успел поведать ему историю похода через Пустыню Смерти. Когда же Фатих рассказал о своем путешествии, все встало на свои места. — Берите. Только не забудьте, что

он не доставит вас на другой берег. Посередине реку перечеркивает остров. Так что, перебравшись через него, вам придется добираться до берега вплавь. А паром я потом подберу, после Тумана.

Внезапно дверь сотряс мощный удар, привлекая всеобщее внимание.

— И чего им неймется?! — покачал головой Хапри.

— Они чувствуют опасность, — напомнил паромщик.

— Мы ведь не собираемся разрушать заклинание! — возмутился Вашти. Он никогда не видел волков, и первая встреча с ними создала в его памяти не лучший образ, заставляя трепетать, казалось, бесстрашное сердце. В соседней комнате кто-то закричал, заставив даже Конана содрогнуться от ужаса.

— Фатих! — Паромщик побледнел. — Волки пробрались через дымоход!

Киммериец бросился вслед за сорвавшимся в места стариком. Краем уха он услышал, как надсадно затрещала дверь под тяжестью нового, более тяжелого удара. Кто-то сосредоточенно царапал прочные ставни, скрывающие окна. Дом паромщика атаковали уже не три волка. Киммериец по глухому рычанию выделил пятерых: двое прыгали на дверь, трое пытались найти слабинку в добротных ставнях.

— Как мне надоела вся эта нечисть! — воскликнул Хапри, выхватывая саблю. Подскочил к двери, сдвинул засов.

— Об угол ударился?! — схватил его за плечо Вапшти. — Хочешь нас всех погубить?!

Но молодой воин только отмахнулся, освобождаясь от руки асира. Толкнув дверь, он врезал по морде первому волку. Второй оказался порасторопнее, увернулся. Но Хапри успел полоснуть его саблей по глазам. И тут же закрыл дверь.

Тем временем киммериец и паромщик ворвались в комнату, из которой донесся крик Фатиха. В воздухе летали облака потревоженной сажки. Конан громко чихнул, привнеся в беспечное кружение серых пылинок еще больший хаос.

Сын паромщика лежал на жестком ковре в центре комнаты. Над ним возвышался оскалившийся волк, презрительно сверкающий голодными глазами. Окровавленные руки Фатиха закрывали заплаканное лицо, полные дикого ужаса глаза. Но зверь, увидев короля Аквилонии, сразу же утратил интерес к первой жертве. Легко спружинив на сильных лапах, он бросился на киммерийца. Паромщик испуганно отшатнулся, враз потеряв всю воинственность.

Несмотря на молниеносную реакцию, Конан немного запоздал, поднимая меч. Когти волка вцепились в его руку, заставив выпустить оружие. Еще прыжок. Огромная пасть замерла совсем близко от горла воина. Киммериец, удерживая голову извивающегося животного за уши, почувствовал на лице разгоряченное дыхание. Ноги Конана натолкнулись на порог, и противники, сплетенные в смертельных объятиях, повалились на пол.

Паромщик заметил, что из огромного камина высунул голову еще один волк. Недолго думая, старик подхватил с пола меч киммерийца и рубанул от плеча. Полетела серая крошка. Меч задел камень, из которого был сложен очаг. Острое лезвие вонзилось в шею зверя и застряло, уперевшись в крепкий хребет. Сила старика не могла соперничать с силой хозяина оружия. Но такого удара оказалось достаточно. Волк дернулся и обмяк, закрыв своим телом лаз для других зверей.

Конан натужно хрипел, с трудом удерживая невероятно сильного противника. Ни один обычный волк не выдержал бы и мгновения в схватке с киммерийцем. Если только зверя не создала Тьма... Острые когти все глубже рыли борозды на теле Конана. Уродливая голова резко дергалась, пытаясь внезапным рывком прорваться к горлу короля Аквилонии. Но крепкие руки не ослабляли хватки.

Два когтя неожиданно впились в могучее бедро. Киммериец стиснул зубы от боли, собрал воедино всю ненависть и мощным рывком сломал зверю шею. С отворачиванием сбросил тварь с себя.

Конан прислушался и удивленно замер.

Наступившая тишина заворачивала.

— Почему волки отступили? — в который раз спросил Хапри.

— Испугались, — довольно усмехнулся Вапти, разлегшийся на скамье.

— Не знаю, ведомо ли им такое чувство как страх, — покачал головой Конан и посмотрел на сына паромщика, обрабатывающего его раны мутной жидкостью с резким запахом.

— Я заметил в их глазах только скрытую ненависть и затаенную хитрость. — Хапри задумчиво оглядел комнату. Его взгляд остановился на короле Аквилонии. — Эти твари намного умнее, чем кажется поначалу. Ими управляют не животные инстинкты.

— Я вам солгал, — неожиданно сказал паромщик, не отрывая взор от пола. — Когда говорил про незнакомца, поведавшего мне легенду атлантов.

Все взгляды скрестились на старике.

— Ну, теперь-то ты готов сказать нам правду? — вскинул бровь киммериец. — Хорошо, мы слушаем.

— Я говорил вам, что мой дом впервые подвергся нападению волков. Это неправда. Первый раз уже был.

— И произошло это тогда, когда ты принимал у себя того самого любителя легенд, — сказал Хапри.

Паромщик кивнул и продолжил:

— Звери обступили дом и протяжно выли. Потом дружно набросились. Еще не было ставень. Дверь я сколотил из тонких досок. К тому же она не запиралась. Поэтому вскоре волки заполнили все комнаты — слава Митре, Фатих то-

гда ушел в Шамар! — и зажали меня и гостя в углу. Но, что странно, они не обращали на меня внимания. Совсем. Взгляды красных немигающих глаз были направлены на незнакомца, который перед этим и поведал мне легенду. Я для них не существовал! Что-то подобное я видел сегодня...

— ...Когда волк напал на меня, — спокойно сказал Конан, — в то время как ты стоял на шаг ближе к нему и выглядел гораздо более привлекательной жертвой.

— Именно!

— И что произошло с твоим гостем? — потопил старика Хапри.

— Ничего. Абсолютно. За мгновение до нападения зверей, он внезапно поднял правую руку и сказал несколько слов на неведомом мне языке. Услышав эти гортанные звуки, волки разом поджали хвосты и, жалобно поскуливая, выбежали из дома.

— Снова — колдун! — возмутился асир. — О Имир, за что ты так не жалуешь наш поход?!

— Здесь владения других богов, Вапти, — заметил Хапри. — Так что не стоит спрашивать со своего. Он далеко на севере.

Асир мрачно покосился на молодого воина. Промолчал.

— А дальше? — Конан терпеливо ждал продолжения рассказа паромщика.

— После того, как всех волков поглотил Туман Призраков, мой гость, не говоря ни слова, вышел на причал, вскочил на паром и уплыл.

— Как это — уплыл? — воскликнул Вашти.

— А вот так. Взял и уплыл. Мой мозг был не настолько сильно подавлен страхом, чтобы я бросился мешать колдуну. А паром я нашел на следующий день после того, как рассеялся туман. Прибило к берегу ниже по течению.

— Странно как-то, — сказал киммериец после недолгого молчания. — Легенды обычно расходятся очень быстро. Они не держатся долго в одних устах, распространяясь подобно лавине или болезни. Но о твоей я слышал впервые. К тому же, по твоим словам, остров просто огромен — больше суток пути в длину. И о нем тоже нет ни одного предания. Можно попробовать объяснить это тем, что баржи начинают ходить дальше по течению из-за многочисленных мелей Хорота, поэтому люди редко бывают в этих местах. Но верится в такое объяснение с трудом.

— Ничем не могу помочь, — развел руками старик. — Твои сомнения можешь развеять только ты сам.

— Или остров, — спокойно добавил Конан.

6

— И все-таки почему они отступили? — Киммериец напряженно всматривался в туман.

— У меня есть предположение, — отозвался паромщик, передавая Вашти корзину с провизией. Встретил взгляд Конана. — Мой таинственный гость упомянул однажды про привязанность волков к туману. Я понял, что долго вне

Тумана Призраков они жить не могут. Как рыбы — без воды.

— Верь в это, — кивнул король Аквилонии. — Похоже, в этом твое единственное спасение!

— Счастливого пути! — махнул старик и толкнул паром. Конан ускорил отплытие, навалившись на багор, которым уперся в причал.

— Вашти, Хапри, не подходите близко к перилам, — тихо сказал он, вслушиваясь в шелест воды, ласкающей просмоленные бревна.

Асир что-то буркнул в ответ об излишестве детских поучений, но тут же вспомнил, к кому обращается, и замолчал.

Молодой воин отошел на середину парома и сел.

— Встань! — нахмурился Конан. — Сидя ты не сможешь в полную силу отреагировать на внезапную атаку.

Хапри молча подчинился.

Вашти взялся единолично управлять переправой. Он медленно и размеренно подходил к носу парома и, крепко сжав веревку, отступал к корме.

— Ты неправильно идешь, — заметил молодой воин, рассматривая скрытые туманом очертания спутника. — Нужно не пятиться, а идти лицом вперед. Так удобнее!

— Удобнее? — усмехнулся асир. — Так удобнее получить когтем в спину и клыками в зад!

Разговоры прекратились. На пароме воцарилась мрачная тишина. Конан настороженно глядел по сторонам, но почти ничего не видел в ту-

мане. Киммериец едва мог рассмотреть своих воинов. Хапри замер. Вашти спокойно вылаживал вдоль перил.

Король Аквилонии поднял голову, в надежде увидеть хоть какие-то признаки солнца, но взгляд вылавливал лишь слабое, беспощадно рассеянное свечение.

Где-то рядом плеснула крупная рыба. Потом еще одна. После третьего всплеска киммериец схватился за меч.

— Внимание, — прошептал он.

Хапри медленно обнажил саблю, вставая спиной к широкой спине Конана.

Вашти продолжал тянуть паром. Лишь пружинящий шаг выдавал его готовность к бою. Левая рука, опустившаяся на рукоять сабли, говорила о решимости и уверенности. Асир выжидал.

Но вместо волков из воды на деревянный настил выползло что-то небольшое, по колено воинам. Вашти бросил веревку и попятился. Он первым рассмотрел новых противников.

— Лучше бы это были волки, — прошептал асир, пристраиваясь спиной к братьям по оружию. Теперь отряд Конана мог отражать атаки сразу с трех сторон.

— Что ты увидел? — спросил Хапри, присматриваясь к неторопливым теням, окружившим паром.

— Вашти, отвечай! — приказал киммериец. Он давно открыл для себя истину: чем меньше враг, тем он опаснее. Природа, даже магическая,

всегда воздавала за навязанные недостатки, вроде небольшого размера. Некоторые насекомые одним лишь укусом могли убить самого крепкого человека. Другие же многократно превосходили в ловкости и скорости.

Асир молчал. Он не любил даже пауков, не говоря уже о тех тварях, что лезли сейчас на воинов.

— Вашти! — прошипел Хапри, ткнув того локтем в бок.

— Скорпионы, — тихо отозвался асир. — Гигантские скорпионы.

Меч киммерийца вздрогнул, покачнулся. Конан сглотнул слюну. Он понял, почему враг так лениво передвигается. Они собирают армию для репающего штурма.

— Скорпионы очень проворны! — сказал он. — Не обманитесь видимой неповоротливостью!

— И что они здесь делают? — сухо спросил Хапри. — Что творится с миром? В пустыне мы встретились с гигантским крабом. На реке из воды вылезают десятки скорпионов.

— Колдовство! — отозвался Вашти. — Ну, мы так долго будем стоять? Или они решили заморить нас голодом?

— Похоже, что нам придется ждать, пока они не соберут приличное воинство и не победят нас количеством, — заметил король Аквилонии. — Кто против такой участи?

— Мне поднимать руку? — кисло улыбнулся Хапри.

— Я — против! — кивнул асир. — Эти про-

клятые маги даже героически погибнуть не дают! Будь здесь зритель, который рассказал бы моим потомкам о подвигах предка, я бы не беспокоился. Но чтобы меня бесследно сожрали какие-то гигантские тараканы!.. Ни за что!

— Тогда — вперед, — прошептал Конан. — Атакуем первым. По команде.

Очередная тень уцепилась в борт паромы и, отчаянно работая скрытыми туманом клешнями, медленно влезла на дощатый настил, пристраиваясь бок о бок с другими скорпионами.

— Вперед! — проревел Конан, и троица рассыпалась, устремившись к замершему от неожиданности врагу.

7

Киммериец взмахнул мечом, в сторону полетели клешни, хвосты и перерубленные куски тел скорпионов, смешавшихся с щепками, в которые превращались перила после могучих ударов. Конан безостановочно размахивал тяжелым оружием, не давая врагу приблизиться. Короткие выпады поднимали в воздух тучи щепок и сраженных скорпионов. Иногда меч касался пола, оставляя глубокие рубцы. Но враг и не думал отступать. Пустующее место тут же заполняли новые противники, суетливо влетающие на паром.

Вашти крутил перед собой мельницу, поворачиваясь из стороны в сторону. Острое лезвие, на бешеной скорости превратившееся в блестящий круг, крошило крепкие латы скорпионов на ты-

сячи мелких кусочков. Враги отступали под защиту перил и каната, который асир боялся перерубить.

Но вскоре им стало тесно, и скорпионы посыпались на своих сородичей, только собравшихся влезть на паром.

Хапри убивал скорпионов по одному. Выманивал врага на себя, затем он ловко наступал на толстую спину и тремя стремительными взмахами сабли отсекал острые клешни и смертоносный хвост. Но и молодой воин вскоре последовал примеру Конана. Скорпионы перестали атаковать по одиночке.

— Этих тварей никогда не убудет! — прокричал Конан, расчищая очередную площадку от прибывающих врагов. — Это колдовство! Кто-то управляет ими, и будет создавать этих тварей, пока последний из нас не поляжет от смертельного яда.

— Ох, и доберусь же я до этого колдуна! — взревел Вашти, резко взмахнув мечом над полом. С десятков тесно сбившихся скорпионов лишились лап.

— Надо что-то делать! — отозвался Хапри, чувствуя накатывающуюся усталость. Темп, навязанный атаками скорпионов, изматывал молодого воина.

— Вашти, мы должны плыть, — громко сказал киммериец. — Тогда этим тварям будет сложнее забраться на паром.

— У каната полно скорпионов! — крикнул асир.

— Так перетаски его на середину парома! Быстрее!

Вашти спрятал саблю, ногой отогнал двух проворных противников, схватил канат и, рывком сорвав его с двух крючьев на перилах, потащил на середину парома.

— А мы прикроем тебя с боков! — подхватил Хапри, сметая в воду назойливых скорпионов.

Вода вновь зашелестела. Асир уже не мерил паром размеренными шагами, а едва ли не бежал, быстро перебирая ногами. Теперь скорпионам было тяжело уцепиться за низкие борта. Вода же смывала тех, кто успел схватиться за доски еще до того, как паром начал движение.

Киммериец смерчем налетел на оживленно копошащихся тварей, сметая их на своем пути вместе с остатками перил. Но стремительность едва не стоила ему жизни. Один из скорпионов, прижав хвост к деревянному настилу, проскользнул под быстрым оружием киммерийца и ударил противника в ногу. Конан тут же смел его, разрубив на две части, и настороженно взглянул на свою широкую ступню. Облегченно вздохнул и снова взмахнул мечом. Жало ударило в кожаный ремешок сандалии.

Вскоре перед королем Аквилонии предстали лишь изрубленные доски парома и неподвижные останки скорпионов.

Хапри с торжествующим криком расчленил последнего врага.

Внезапно громко выругался Вашти.

Через мгновение ему уже вторил Хапри.

Конан, внимательно следящий за своим бортом, обернулся и замер. Лоб киммерийца покрылся испариной.

Асир стоял по середине парома и держал обрубок каната.

— Кто-то перерезал веревку! — сказал он и в очередной раз выругался.

— Или перегрыз, — добавил Конан, чувствуя, как по телу растекается коварная скованность. — Или перегрыз... — Ему не нравилась эта мысль. Ведь то, что он собирался предпринять, теперь становилось смертельно опасным.

— Что будем делать? — сотряс туман Хапри.

Друзья устремили взор на киммерийца. Король Аквилонии тяжело вздохнул, с грустью посмотрел на воинов и тихо спросил:

— Плавать умеете?

* * *

— Кто бы мог подумать, что туман для острова всего лишь прикрытие?! — сказал Хапри, захлебываясь словами.

После бешеного плавания сердце не вырывалось из груди только у Конана. Но и киммериец не мог спокойно дышать.

Они не знали, сколько времени занял этот заплыв, не знали расстояние, которое преодолели. Единственное, что сейчас занимало их измученные мысли, это обещание.

И Митра, и Имир получили клятвы: воины никогда больше не будут переправляться на па-

роме через реку кишашую скорпионами и волками.

— Кто-то лизнул мою пятку, — прохрипел Вашти. — В воде. Я это почувствовал.

— Так вот почему ты меня тогда обогнал, — засмеялся Хапри, но тут же закашлялся.

— Волки не лизут пятки, — кисло усмехнулся Конан, вставая. — Они их откусывают. — Король Аквилонии осмотрелся. — Клянусь гневом Крома, здесь невероятно красиво! И мне это не по душе...

— Туман Призраков. — Асир брезгливо сплюнул в густую пелену, резко заканчивающуюся у берега острова. — Надеюсь, эти водяные скорпионы не полезут на берег.

— Думаю, они подождут нас на другой стороне, — спокойно сказал Конан.

Хапри взглянул вверх по склону, у подножия которого отдыхал отряд, и замер.

— Здорово! — пробормотал он.

На гребне земляной волны, застывшей высоким холмом, стоял великолепный замок.

Белокаменные стены никогда не знали осады. Мраморные башни высоко вздымались над изумительным садом, изогнувшимся сотнями карликовых деревьев. Беспощадно слепил глаза блеск тысяч лепестков невероятных цветов.

На фоне туманной завесы, ограничивающей другой берег острова, замок словно парил в россыпи водяной пыли гигантского водопада. В каждом изгибе его каменной плоти чувствовалась уверенность и сила.

— Этот замок построили боги, — прошептал Вашти.

— Рад приветствовать вас в моем скромном жилище! — раздался голос позади путников.

Конан резко обернулся, едва не срезав кончиком меча бороду удивленного Вашти.

— Будьте сдержанней! — посоветовал тот же голос.

— Кто ты такой? — тихо спросил Конан, глазами обыскивая огромный зал замка. — Где ты?

— Я спускаюсь к вам.

Взгляд киммерийца скользнул по расшитым золотом портьерам, скрывающим огромные арочные окна, коснулся многоярусной люстры, сверкающей сотнями свечей, и упал на две зеркальных реки ступеней, плавными дугами спускающиеся в зал.

Незнакомец медленно вышагивал по великолепному ковру, скрывающему белый мрамор лестницы. Его левая рука, затянутая белой перчаткой, скользила по резным перилам. В правой ладони замка сжимал высокий бокал с золотистым напитком.

Белые перчатки и черный балахон — единственное, что удалось разглядеть путникам. Лицо незнакомца скрывала чернота глубокого капюшона.

— Кто ты? — повторил король Аквилонии, не отрывая глаз от его спокойного шествия.

Хозяин замка ступил на иссиня-черный пол, натертый до чистоты горного озера.

— Кто я? Это не важно. — Капюшон раскачивался в такт с размеренными шагами. Незнакомец остановился в десяти шагах от воинов, боящихся даже дышать. Бокал наполовину исчез в темноте, окутывающей его лицо, и тут же вернулся. Золотистый напиток лениво покачивался в хрустальной оправе.

— Важно другое, — сказал хозяин замка. — Вы пришли на остров. Значит, вы хотите умереть.

— Это еще почему? — прорычал Вапhti.

— Мы на острове временно, — пояснил Конан, крепче сжимая рукоять меча. — Мы — путники, которые хотят только одного — перебраться через Хорот.

— Я знаю, кто вы.

Безжизненный голос, лишенный власти малейших эмоций, заставил Хапри поежиться.

— Ну, так мы пойдем? — как можно более спокойно спросил он. — Спасибо, конечно, за гостеприимство. Нам пора.

— Не спеши, Хапри, — остановил его Конан, внимательно разглядывая незнакомца. — Нас, похоже, так просто все равно не отпустят. Так давай воспользуемся возможностью поговорить с колдуном и хозяином проклятого острова.

— Ты не так глуп, варвар, как я думал.

Киммериец мог поклясться самым Кромом, что колдун улыбается.

Хапри переводил изумленный взор с хозяина

замка на короля Аквилонии. Вапhti молча обнажил саблю, которую слишком поспешно вложил в ножны.

— Более того, — зло улыбнулся Конан. — Перед вами могущественный маг, который спас и погубил атлантов! Перед вами тот самый чужак, который усмирил волков, когда гостил у паромщика. И он же распространил легенду, погубившую не одного искателя приключений.

— Я потрясен. — Голос остался безжизненным. Только покачивание капюшона оживляло слова. — Ты сам до этого дошел, Конан из Киммерии? Поразительно. Похоже, эта встреча будет много интереснее всех предыдущих.

— Предыдущих? — Хапри, следуя примеру асира, выставил перед собой саблю.

— Много воинов последовали на остров в поисках богатства и славы. Моя история Падших Атлантов быстро разошлась по всему миру.

— Зачем ты сочинил эту легенду? — спросил Конан.

— А кто сказал, что легенда лжива? Ты переоцениваешь мои способности. Я не сказитель и не поэт. Мне это ни к чему. Нет смысла лгать, когда правда не может повредить. Мне просто нужна кровь, настоящая кровь. Не затхлая жижа, текущая в жилах волков, а свежая, человеческая. И наивные искатели приключений сами приносят ее мне.

— Вампир, — вздохнул Вапhti.

— Нет, я не вампир. Кровь нужна мне лишь в магических целях. На кровь девственницы уже

давно не полагаюсь, приходится довольствоваться тем, что есть. Конечно, иногда, во время Тумана Призраков, я покидаю остров и нахожу девственно чистую кровь, но надолго ее не хватает. Не могу же я выкачивать из бедных девушек слишком много живительной силы. Это бесчеловечно.

— Как трогательно, — сплюнул асир.

— Знали бы вы, сколько магической силы скрывает одна капля крови, были бы более почтительны. Интересно, сколько скрывается в вашей? Думаю, очень много. Кровь настоящих воинов, кипевшая в огне многих сражений. Что может быть лучше?

В памяти Хапри неожиданно ярко вспыхнули подробности легенды атлантов, рассказанной паромщиком.

— Но колдуна, спасшего атлантов от наводнения, казнили, — пробормотал он.

— Как ты думаешь, — ухмыльнулся киммериец, — так ли легко убить мага, способного управлять стихией? Очевидно ведь, что именно он натравил на атлантов гнев водной стихии, чтобы вскоре предстать героем. Но древняя раса была не такой глупой. Они поняли, что колдун обманул их. И казнили его. Вернее — хотели казнить. А про то, что чародея погубило ложное обвинение в заговоре, он уже сам придумал. Не захотел чернить свое «доброе» имя.

— Опять я вынужден признать, как ошибся в тебе, варвар, — колдун отбросил бокал. Хрусталь разлетелся мириадами осколков, бесшумно брыз-

нув на пол сотнями искр. — Но — перейдем к делу!

Конан прыгнул, легко преодолев десять шагов, отделявших его от колдуна.

Меч прорисовал широкую дугу, сверкающую бликами сотен свечей. За мгновение до удара киммерийца колдун вскинул руки и быстро прочертил перед собой магический символ. Разрубленный балахон вспыхнул зеленым пламенем и рассыпался красным пеплом.

— Красиво, правда? — спросил колдун за спинами воинов.

Конан резко развернулся, крутнувшись на одной ноге. Что-то сверкнуло. Киммериец упал на колено. Кинжал пролетел над самой головой и растаял в воздухе. Вапши последовал примеру Конана. Хапри растерянно крутил головой, пока не заметил колдуна, восседающего на крошечном смерче под самым потолком.

— А ты и правда ловок, варвар, — кивнул маг, облетая люстру. — Молва не лжет.

— Ты еще удивишься, колдун, — спокойно сказал король Аквилонии.

Он не стал ждать следующей атаки врага. Вскочив, молнией метнулся к лестнице. Запрыгнул на перила и быстро взбежал на второй этаж замка, по пути увернувшись от еще одного ножа. Маг одобрительно качнул капюшоном, хлопал в ладоши. Перчатки приглушили звук.

Киммериец прыгнул на деревянный пол коридора, поддерживаемый рядом высоких колонн.

— Все не могу понять, что ты задумал? — Колдун уже не сидел, а лежал. — Становится скучно.

Конан, выжидавший момент для ответного удара, едва не пропустил очередную атаку. Он не заметил, как под самым потолком возникла небольшая туча. Молния ударила всего в пяти шагах от короля Аквидонии, в последний миг свернув в сторону высокого бронзового подсвечника. Киммерийца словно огрели кувалдой по голове. Ноги подкосились, перед глазами заметались разноцветные круги, но он не позволил себе упасть. Сделав еще несколько неуверенных шагов, Конан с размаху всадил меч в деревянные перила.

Маг, увлекшись странной беготней воина, совсем забыл про люстру, удерживаемую толстым канатом, пропущенным через блок и привязанным к перилам второго этажа. Вот его-то и перерубил киммериец перед тем, как неподвижно распластаться на холодном полу.

Колдун не заметил, как оказался на пути люстры, с дребезжанием летящей к земле.

Вашти и Хапри видели как руки мага, сбивая свечи, пытались изобразить какой-то знак. Смерч уменьшился и рассеялся. Загорелся балахон. Колдун закричал, обезумев от боли. Люстра с грохотом подмяла его под себя, окатив пол волной воска и пламени. Крик оборвался.

— Король! — воскликнул Вашти.

Замок вздрогнул. Три колонны разом подломились. Обрушилась половина коридора, потеряв опору. Над следующей колонной все так же неподвижно лежал киммериец.

— Король! — закричал Хапри.

Асир побежал, обогнул обломки люстры и ринулся к лестнице. Но, внезапно поскользнувшись, проехал по полу несколько шагов и замер, звонко ударившись лбом о ступеньку.

Хапри застыл, нерешительно поглядывая то на Вашти, то на выход из замка. Кусок рассыпающегося потолка рухнул ему на голову, погасив сознание.

Замок рушился, погребая под собой беспомощных воинов, погрузившихся в беспамятство.

Весь остров сотряс мощный толчок. Над замком поднялось облако пыли. Рушились башни. Треснули вековые стены.

Туман рассеивался.

И только воды Хорота сохранили немое спокойствие, медленно наступая на тонущий остров.

*Солнце медленно клонилось к закату, играя холодными лучами в вершинах прибрежных деревьев. Хорот отдышал, раскинувшись зеркальной гладью. Борьба с остро-
вом отняла у него очень много сил. Радостно плескалась рыба. Над ожившей водой кружили белые тени птиц. Призрачный туман отступил, бесследно растворившись в ароматном воздухе.*

Глава 5

Оскал войны

Вуки поочередно поднимались над водой и снова ныряли, пуская вереницу крохотных волн. Ноги коснулись дна. Даург осторожно шагнул, сандалия снова погрузилась в ил. Хорот часто сбивал его с толку широкими мелями, неожиданно уводя дно из-под ног. Но это уже был берег.

Гандерландец медленно выбрался из воды. Затем прицепил обратно на пояс ножны, которые весь путь через реку держал над головой, и сел на траву, тускнеющую вместе с гаснущим

днем. Спиной он оперся на широкий ствол неведомого дерева с необычно узкой кроной и позволил себе ненадолго расслабиться.

Даург устал. Путь через Пустыню Смерти вконец его измотал.

Гандерландец много раз терял и находил следы киммерийца. Но пустыня заставила его позабыть о намерении догнать отряд. Пески слишком быстро скрывали присутствие путников.

Теперь он уже не сомневался, что никогда не догонит Конана, заставил себя смириться с участью одинокого путника. Даург хотел лишь одного — поспеть в Мертвую Долину к сражению. Очень хотел. Но усталость брала свое, замедляя шаг, притупляя зрение. Измученное тело требовало отдыха.

Сонливость склонила голову на плечо. Тяжелые веки закрылись, но в последний миг гандерландец успел заметить какое-то движение. Мысли текли вяло. Сознание меркло, замедлялось дыхание. Даург в стремительном рывке вырвался из сетей грез и снова открыл глаза. Сделал это как раз вовремя. Занесенная для удара лапа прорезала на коре глубокие борозды в том месте, где еще мгновение назад примостилась человеческая голова. Гандерландец перекатился через левый бок, больно ударившись в край бревна, на котором сидел, и схватился за саблю. Но враг не собирался давать человеку так много времени. Даург едва увернулся от второго удара. Лапа вспорола воздух. Длинные когти чиркнули по животу. Воин вскрикнул от боли. Зверь по-

следовал его примеру, огласив лес гневным ревом.

Даург отскочил еще на несколько шагов, в прыжке обнажая саблю. Враг ринулся было в атаку, но заметив в руке человека оружие, остановился, нерешительно качая головой. Зловонное дыхание противника окончательно отрезвило гандерландца, выбросив из головы все мысли о предательском сне. Теперь он мог спокойно перевести дыхание и осмыслить происходящее.

Перед Даургом, тяжело опираясь на толстые лапы, замер огромный медведь. Красные глаза не сулили человеку ничего хорошего. Гандерландца пока спасало лишь то, что зверь уже встречался с людьми, и в его косматой голове еще теплились воспоминание о силе человеческого оружия.

— Ну, так и будем стоять? — проворчал Даург, перехватив саблю двумя руками. Чтобы свалить с ног такого противника, простого удара будет недостаточно. Потребуется вся сила воина.

Зверь медлил, то отступая на шаг к воде, то пытаясь зайти с боку. Гандерландец наметил точку для удара, но не хотел атаковать первым. Он надеялся, что лесной житель одумается и уйдет. Но на такое медведь способен лишь с набитым брюхом.

Даург попятился, медленно двигаясь вдоль берега. Медведь спокойно провожал его горящими глазами. Затем кровожадно оскалится, неожиданно сорвался с места и прыгнул на жертву. Он был голоден.

Гандерландец взмахнул саблей. Но острое лезвие вместо того, чтобы пропороть горло медведя, лишь срезало клочок шерсти и оставило на груди неглубокую рану, еще больше озлобившую зверя. Кривые когти впились в плечи Даурга. Воин упал, подкошенный огромным весом противника. В уши ударил победный рев. Гандерландец, преодолевая боль, несколько раз пнул зверя ногой в брюхо. Но медведь этого словно и не заметил.

Даург устало закрыл глаза. Он лежал, спокойно дожидаясь решающего удара тяжелой лапы.

Внезапно зверь издал жалобный рык и отпустил гандерландца. Даург открыл глаза и замер, недоверчиво глядя на происходящее.

Медведь испуганно отступал.

2

Земля дрожала. Раскаленный воздух опалил легкие. Копан открыл глаза и закачался, едва не потеряв равновесие. Он стоял на вершине узкой колонны, исчезающей в серых облаках где-то далеко внизу. Вокруг поселился сумрак, изредка озаряемый яркими вспышками красных молний.

— Серые Равнины, — пробормотал киммериец.

— Нет, воин, это не Серые Равнины, — сказал кто-то за спиной. — Это Распутье.

Копан резко обернулся. В десяти шагах от него мерцало большое белое пятно. Через мгновение киммериец смог различить в этом ярком об-

лаке, словно сотканном из солнечных лучей, размытые человеческие черты.

— Распутье?

— Да, воин. — На каждом неторопливом слове облако на короткий миг вспыхивало синевой. — Здесь ты можешь выбрать свой путь!

— Какой путь?

— Путь Жизни или Смерти.

— Но я умер. Разве у меня может быть выбор?

— Нет, воин, это мой выбор.

— Тогда почему ты даешь мне это право? Право выбирать?

— Вспомни легенду! — От облака отделился небольшой шар. Описал вокруг киммерийца круг и, быстро приблизившись, растекся по всему телу.

Перед взором Конан возникло знакомое лицо.

«...А избавитель в награду получит от атлантов щедрый дар», — сказал паромщик.

— Щедрый дар? — Король Аквилонии снова оказался в мире молний. — Моя жизнь?

— Твоя жизнь, — вспыхнуло облако.

— А как же другие воины? Вашти? Хапри?

— Избавитель — это ты.

— Но они тоже отдали жизни за спасение атлантов.

Облако вспыхнуло и потускнело. Молнии лишились громовых раскатов.

Воцарилась тишина.

— В твоих словах есть смысл, — вскоре услышал киммериец. — Хорошо, они тоже будут жить. Ты готов вернуться?

* * *

Вашти приоткрыл глаза. Вечерело. Над рекой кружили комары. По воде, словно их отражение, носились стайки водомерок.

В носу поселилась пыль. Чихнул, содрогнувшись всем телом. Поднял из травы еще больше пыли. Снова чихнул, уперся руками в землю и сел. Удивленно ощупал лоб, вспоминая приближающуюся ступень лестницы. Не нашел ни единой царапины.

— Как спалось? — услышал он голос Хапри.

— А?! — Асир почесал бороду и покосился на молодого воина, сидящего рядом. — Где туман? Замок? Остров? Что вообще произошло?

— Это ты у Конана спроси. А вот и он!

Из кустов вышел киммериец, на ходу поправляя туннику.

— Вашти, ты очнулся, — улыбнулся он. — Это хорошо. Надо выступать. У нас осталась всего одна ночь, чтобы преодолеть этот лес и выйти к Мертвой Долине. Если поспешим, успеем.

— Может, сначала кто-то объяснит мне, что произошло в замке после того, как я... упал?

— Мы все умерли, — быстро сказал король Аквилонии, поправляя меч.

— Умерли?

— Конечно, но потом атланты, благодарные за освобождение от колдуна, подарили нам наши жизни.

— И еще кое-что, — добавил Хапри, с улыбкой глядя на замешательство златобородого воина.

— А что это у вас за спиной? — спросил Вашти, подозрительно глядя на Конана.

— Лук и колчан со стрелами, — ухмыльнулся киммериец.

— Подарок атлантов, — добавил Хапри. — Они решили, что мы погибли из-за них, и возвращение нас к жизни не дар, а их обязанность. Сам подарок у короля за спиной.

— И это вы называете щедрым даром? — скривился асир. — Обычный лук? И все?

— Не придирайся! — заметил молодой воин.

— Ну, они могли бы вообще нас не воскрешать, — спокойно сказал Конан. — Тогда и дарить ничего не надо. А лук не обычный. Стрелы, выпущенные из него, сами находят сердце врага, надо только выпустить их достаточно близко от человека. Да, совсем забыл, колчан сам создает стрелы. Мне никогда не придется пополнять их запас. Так обещано.

— Другое дело, — ухмыльнулся Вашти. — Когда выступаем в путь?

— Прямо сейчас.

— Поесть бы, — покачал головой Хапри. — Что-то в животе сильно урчит?

— В лесу много сочных ягод, — успокоил его Конан. — Целые заросли малины, земляники. Ежевику видел.

— Тогда — я готов идти! — вскочил молодой воин.

Внезапно где-то ниже по течению реки громко вскрикнул человек. Через мгновение ему уже вторил яростный рев.

Конан, недолго думая, побежал вдоль берега. Вскоре рев повторился много ближе. Торжествующие нотки заставили киммерийца ускорить бег. Позади Вашти, изрыгая на каждом шагу проклятия, ломал лбом ветви прибрежных деревьев. За ним пристроился Хапри, держась от раздраженного асира на безопасном расстоянии.

Король выскочил на небольшую поляну, спускающуюся к самой воде, и сразу же наткнулся на огромного медведя, прижавшего к земле человека. Конан не стал доставать меч, зверь был для него не настолько страшен, а с разбега врезал ногой по оскалившейся морде. Громко клацнули острые клыки. Зверь затряс головой и отступил, отпустив жертву. Но киммериец не дал ему ни мгновения на раздумья. Подскочил к медведю и вогнал в брюхо огромный кулак. Воздух покинул мощные легкие лесного жителя. Другой удар заставил его согнуться. Зверь, ослепленный болью, беспорядочно задергал лапами, безуспешно пытаясь защититься от града ударов, которыми его щедро осыпал Конан.

Хапри выскочил на поляну последним. И замер, изумленно рассматривая открывшуюся картину. В двух шагах от него лежал окровавленный, но счастливый Даург. Немногим дальше на траве, свернувшись, подобно ежу, скулил громадный медведь. Над зверем возвышалась величественная фигура киммерийца, спокойно разминающего кулаки.

— Даург?! — воскликнул Вашти.

Король Аквилонии резко обернулся, высоко

подняв брови. Медведь поспешил воспользоваться случаем и уполз в кусты.

— Он самый! — улыбнулся гандерландец, вставая. — Спасибо, ваше величество!

— Пустяки, — ухмыльнулся киммериец. — А что ты здесь делаешь?

3

— ...Вскоре я покинул селение кванти. Лес прошел быстро, по проторенной дороге. Там легко было следить за вашим продвижением.

— Легко? — нахмурился Конан, отодвигая с дороги толстую ветку. Хапри, идущий на шаг позади него, предусмотрительно наклонился. Даург последовал его примеру. Король Аквилонии миновал дерево и, не мудрствуя лукаво, отпустил упругую ветвь. Над самым ухом молодого воина просвистел кривой отросток. Вашти, замыкающий отряд, выругался. Ветка выстрелила в него роем странных плодов, очень похожих на хоршемешские желуди. Асир едва успел прикрыть лицо рукой.

— Тогда — надо ждать гостей, — покачал головой киммериец. — Если убийцы идут по нашему следу...

— Ну, может, не так уж легко им будет вас выследить, — развел руками Даург. — Просто перед тем, как пойти на службу в Черный Легион, я был одним из лучших следопытов Гандерланда. Без меня не обходилась ни одна охота.

— Егерь? — вскинул брови Вашти.

— Что-то в этом роде.

— За нами пустят хороших следопытов, — тихо сказал киммериец. Решительно взглянул вперед. — Но не думаю, что после тех испытаний, которыми нас «одарил» Кром, мы можем позволить себе опасаться преследователей. Они — всего лишь люди! Продолжай, Даург. Я хочу услышать твой рассказ.

— В пустыне мне пришлось туго. — Гандерландец поблелел, вспоминая. — Я знал, что она небольшая, поэтому не брал с собой много воды. Даже не стал искать в лесу родник, чтобы пополнить бурдюк, который мне дали кванти. Благо, я начал переход ночью... Серый песок. Страшная жара, которой славится лишь Дальний Юг. Пустыня Смерти — какое-то заколдованное место.

— Ты только сейчас это понял? — ухмыльнулся Хапри.

— С водой я распрощался на полпути. На меня напала стая каких-то птиц. Если бы не закопался в горячий песок, то наверняка бы погиб. Спас меня лишь бурдюк, которым я прикрыл голову. Птицы разорвали его и пролили воду. Когда меня вконец замучило удушье, я вырвался из песка и, к счастью, не увидел ни одной летающей твари. Похоже, они боятся воды.

— Жаль, что мы этого не знали, — пробормотал Конан. — Попадались ли тебе еще какие-нибудь жители пустыни?

— Нет, только останки. Обглоданные до неузнаваемости, почти скрывшиеся в песке. Я помню только огромную клешню, торчащую из холма.

— Маульпа, — кивнул Вашти.

— Что?

— Эту тварь убили мы, — пояснил Хапри. — И твое счастье, что ты не попал на такую же.

Даург недоверчиво посмотрел на воинов.

— Драконов не встречал? — спросил киммериец.

— В Пустыне Смерти есть драконы?!

— Тебе повезло. Что было с тобой дальше?

Гандерландец медлил. Он думал, что прошел очень опасный путь. Теперь понял, как ошибался. Маульпы, драконы. Кого еще встретил отряд?

— А дальше я просто шел, пока не вышел к воде. Затем переплыл Хорот и прилег отдохнуть. Тогда на меня и напал медведь.

— Вот удивился зверь, когда увидел возле воды еще и еду!

— Хватит, Хапри! — нахмурился киммериец. Остановился и строго взглянул на воина. — Не время шутить! Мы все — один отряд, пальцы одной ладони. Если два пальца сцепятся между собой, сможет ли рука работать так же хорошо, как прежде?

Молодой воин виновато склонил голову.

— Ускорьте шаг! Скоро станет совсем темно, придется замедлиться. Небо в тучах, так что на луну не рассчитывайте!

4

Вашти резко остановился. Прислушался. Прошел еще несколько шагов и снова замер. Затем

безликим силуэтом, словно рысь, скользнул к Конану, обтекая Хапри и Даурга.

— Командир, — прошептал он.

— Что случилось? — спросил киммериец, чувствуя напряжение в дыхании асира.

— За нами следят.

— Давно? — На лице короля Аквилонии не дрогнула ни одна морщинка. Он и не думал впадать в панику. Кром дарил ему возможность размять охладевшие мышцы. Меч на каждом шагу требовательно дергал пояс.

— Нет, недавно. Следят грубо, особо не скрываются.

— Ты уверен, что в этой темноте они нас могут увидеть?

— Нет, но у них, похоже, есть «кот».

— Кот? — Конан вскинул бровь. — Ах да, «кот». Давно я не был в Асгарде.

— Кто такой «кот»? — спросил Хапри. Он и гандерландец приблизились почти вплотную.

— Человек, от младенчества наделенный даром видеть в темноте, — быстро сказал киммериец. — Не прижимайтесь к нам. Если Вашти прав, и за нами наблюдает «кот», тогда лучше хранить спокойствие и не подавать виду, что заметили слежку. Отсрочим их атаку.

Хапри что-то проворчал и отошел. Гандерландец пристроился в хвосте отряда, стараясь придать своей походке безмятежность. Он почувствовал, как по спине растекся липкий холод. Кто-то смотрел на него из ближайших кустов.

Асир не ошибся, один из преследователей

был «котом» или кворфом, как именовали таких людей жители Шема.

— Сколько их, как думаешь? — спросил Конан, склонив голову в сторону Вапhti.

— Не меньше десятка, — ответил асир, вслушиваясь в шепот леса. Он слышал шаги. Много ног одновременно месили лесной мох, иногда неосторожно наступая на сухие веточки, густо усеявшие землю. — Пятнадцать, двадцать. Трудно сказать.

Конан напряг слух, который не раз выручал его в трудные времена. Но уши улавливали лишь обычные звуки ночного леса.

— Ты их слышишь? — удивился он.

— Слышу. Хорошо слышу. Они не скрываются.

— Раз не скрываются, значит — уверены в превосходстве, — заключил киммериец. — Почему не нападают?

— Из-за темноты, — предположил Вапhti, поскреб заросший подбородок. Конан невольно пощупал свою густую бороду, отросшую всего за несколько напряженных дней перехода.

— Нет, тут что-то другое. — Король ненадолго замолчал. — Сейчас узнаем, что именно. Я замедлю шаг и попридержу Хапри с Даургом. Ты же медленно отдаляйся. «Кота» я уже чувствую. Он плетется следом за гандерландцем. Из-за наших спин он мог не заметить тебя. Зайди к преследователям в спину. Попробуй разузнать: кто такие, и что собираются с нами делать. Эх, пошел бы я сам, да слишком приметный, «кот» заметит.

— Разве я не заслужил доверия? — удивился асир.

— Заслужил. Иначе никогда бы не получил подобное задание!

Киммериец замедлился. Асир пригнул голову и ускорил шаг.

— Привал? — удивился Хапри, приблизившись.

— Идем медленно! — тихо приказал Конан. — Плечом к плечу! Надо прикрыть Вапhti от «кота». Скоро узнаем, что делать с нашими преследователями!

* * *

— Зингарцы! — проскрежетал асир.

Конан едва не споткнулся.

— Клянусь Митрой, ты даже не представляешь себе, как я не хотел услышать подобное. Неужели Эпимитреус ошибся, и битва будет не в Мертвой Долине?

— Эпимитреус? При чем здесь он?

— Не бери в голову, — спохватился киммериец. — Ты узнал, почему не нападают?

— Думаю, да. Все они — лучники. Ночью у них нет преимущества. Наоборот.

— Очень хорошо. Сколько у них «котов»?

— Пока что один, — бросил Вапhti.

— Почему — «пока что»?

— Я метнул ему в зад два шипа сонной розы, которыми запасся возле селения кванти. Мы тогда проходили мимо целого сада.

— И когда он уснет? — ухмыльнулся киммерец.

— Скоро.

— Уже спит, — тихо сказал Даург.

— Точно, — согласился Хапри. — Исчезло это странное чувство. Словно по спине все время ползало что-то скользкое.

— Тогда — чего мы ждем? — спросил Конан.

— Я еще не все сказал, — пробормотал Вашти, заставив остальных воинов насторожиться. — За нами идут не десять зингарских лучников, и даже не двадцать.

— Сколько? — прошептал Даург.

Асир грустно вздохнул, поцупал рукоятку верного оружия. Взглянул на луну, выставившую яркий край из-за дырявой тучи. Имир был благосклонен к воинам, давая им свет.

Вашти медленно вытащил саблю из ножен и тихо сказал:

— Сорок шесть.

5

Зилан уважал и любил свой лук. С тех самых пор, как отец раскрыл на одном из божественных празднований белый сверток и вручил в трясущиеся от волнения юношеские руки это прекрасное оружие.

Годы ушли в прошлое, оставив лишь узкую тропу воспоминаний, порастающую бурьяном, а лук все так же верно служил Зилану, как и его отцу. И отцу его отца.

Сколько выстрелов стали смертельными для многочисленных врагов?

Сколько крови пролили глубокие раны, оставленные коварными наконечниками, раскрывающимися в теле жертвы пышными цветами?

Зингарец не знал. Не знал и знать не хотел. Он просто стрелял, надеясь, что в этот же миг к нему не спешит в гости чужая смерть. Судьба, направляемая богами, пока была благосклонна к Зилану. Часто стрелы пролетали над самым ухом. Однажды острый наконечник проделал глубокую борозду на плече. Но он всегда оставался жив.

Лучник поцупал на груди талисман, подарок Нати. Чтобы жил и не забывал. Прощальный подарок. Прощальный поцелуй.

Кто знает, может, его спасал лишь этот талисман? Любовь?

Что-то тихо свистнуло в темноте. Зилан неохотно оторвался от приятных воспоминаний. Осмотрелся. Все та же непроглядная тьма. Все так же громко сопит часовой, дремлющий на посту. Разбудить? Нет, не стоит. Можно получить под ребро острое лезвие. Пусть начальство рискует будить уставшего воина.

Зилан присмотрелся к широкому пятну на земле. Признал Нуррата. Спит, что ли? Тогда, почему не храпит? Звучно, протяжно, как может только он? Зингарец всмотрелся, но ничего больше не смог разглядеть.

«И как Ширна что-то видит в такой темени?» — подумал он, толкнув Нуррата носком башмака.

Тишина.

Зилан, вскинув бровь, протянул руку, чтобы тряхнуть воина. И замер. На побледневшем лице застыл ужас. На побелевших губах зарождался крик.

Рука коснулась груди Нуррата. И остановилась. Пальцы недоверчиво ощупали препятствие и отпрянули. Зилан с ужасом вскочил, чувствуя, как по ладони растекается липкая кровь.

Из сердца Нуррата торчала стрела, пробившая воина насквозь, словно тряпичное чучело.

* * *

Конан спокойно достал очередную стрелу. Повертел в пальцах и, хмыкнув, наложил на тетиву. Ему все не верилось, что лук и стрелы, подаренные атлантами, способны сами находить сердце противника. На ощупь они были самыми обычными. Только колчан придавал подарку атлантов таинственность и выдавал магическое происхождение оружия. Пустой на вид, он тут же заполнялся стрелами, стоило только поднести к нему руку.

Киммериец растянул тетиву. Повел луком из стороны в сторону и выстрелил. Он не слышал и не видел, как затрещали ветви кустарника, принимающие поверженного воина. Зилан падал долго, все еще не веря в свою смерть. Но земля притянула его, и невидящий взгляд лучника устремился в небо, к звездам, скрытым мрачными облаками.

Роковая стрела победно шелестела оперением, пробив странный кругляш, висевший на шее Зилана. Талисман погиб вместе с хозяином.

* * *

Луна уже ускользнула от облачного плена, настороженно осветив холмы, сложенные из изрубленных тел. Даург, тяжело вздохнув, оторвал от земли последнего мертвеца и забросил на вершину одного из холмов.

— Терпеть не могу бездумную резню! — холодно сказал Конан, вытирая меч пучком травы.

— А кто любит? — ухмыльнулся Вашти. — Но только был ли у нас выбор?

— С первыми лучами солнца мы стали бы хорошими мишенями, — кивнул киммериец. Перевел взгляд на Хапри, сидящего на высоком пне. — Кто-нибудь видел «кота»?

— Да разве его найдешь среди столько трупов? — покачал головой асир.

— Нам нужны его знания!

— Думаю, на это рассчитывать не стоит. Он все равно проснется не скоро. Не раньше, чем через сутки.

— Поспешили мы с расправой, — тихо сказал король Аквилонии. — Одного воина надо было оставить в живых. Понимаю, что перед боем мы хотели лишь выжить. Но это наша общая ошибка. Даург, ты скоро закончишь со своими? Помощь нужна?

— Нет, помощь не нужна, — отозвался ган-

дерландец, поджигая одежду одного из мертвецов. Схватил горящую тряпку и поочередно подбежал к другим холмам, разнося пламя. — Сейчас закончу!

— Я понимаю, что опасно жечь погребальные костры, — спокойно сказал Конан. — Но мы должны предать огню тела воинов, дабы не прогневить богов! Лес сырой, клянусь Митрой, не разгорится! Противника все равно не миновать. Может, огнем только собьем со следа. Даург?!

— Все готово.

— Тогда — вперед!

6

— А где Хапри? — Даург остановился.

Конан осмотрелся. Следов воина нигде не было видно.

— Ха-апри! — закричал гандерландец.

— Не кричи! — строго сказал киммериец. — Или хочешь познакомиться со всеми патрулями в округе?

— Стой, кто идет?! — внезапно выкрикнул кустарник.

— Свои, — ухмыльнулся Вашти.

И тут же заработал гневный взгляд Конан.

— Хочешь получить в ответ стрелу? — бросил он. Повернулся к зарослям, в которых прятался часовой. — Это король Аквилонии, Конан из Киммерии, со своим отрядом.

Внезапно со всех сторон, ломая ветви, к тропе зашпешили воины. Киммериец удивленно смот-

рел на аквилонцев, взявших мечи и луки наизготовку.

— Мне это кажется, или нас действительно окружили? — тихо спросил асир, скользя взглядом по жестким лицам воинов Черного Легиона. — Что-то не очень похоже на радушный прием.

* * *

— Значит, вы утверждаете, что являетесь Конаном из Киммерии, королем Аквилонии? — быстро спросил Публий, сверяясь с протокольным пергаментом.

Киммериец натянул за спиной цепи, опутывающие запястья. Жалобно затрещала под натиском раздувшихся мышц спинка стула, но металл держал крепко.

— Да, Публий, я это утверждаю! И когда с меня снимут эти цепи, ты первым вспомнишь истинный королевский гнев! — мрачно сказал он, взглянув на меч, лежащий в углу крошечной тюремной камеры.

— Ваше величество, я всегда служил верой и правдой интересам Аквилонии! — Королевский советник, испугавшись возможных последствий, решил общаться с пленником, как с королем. Один шанс из пяти, что перед ним настоящий король. Немного, ну а вдруг!

— Тогда объясни мне, почему я сижу в этой вонючей тюрьме с кандалами на руках и ногах?!

— Расскажи ему, — тихо сказал Просперо,

возникнув из тьмы за спиной Конана, куда не смог добраться даже свет свечи.

— Просперо! — воскликнул киммериец, пытаясь обернуться, но цепи и тут остановили его. — Просперо, объясни Публию, что он играет с огнем! Прикажи меня освободить!

— Я сожалею, ваше величество. Советник сейчас все объяснит. Публий!

— До Мертвой Долины дошли только пять королей, в том числе и вы. И мы не знаем, кто из вас настоящий.

— Разве мои близнецы не признались, кто...

Конан замер, высоко вскинув брови.

Советник медленно покачал головой.

— Нет, ваше величество. Все настаивают на своем королевском статусе.

— Но это же легко проверить! — усмехнулся киммериец. — Задайте им такие вопросы, ответы на которые может знать лишь настоящий король.

— В том-то и дело, — тихо сказал Просперо. — Все они знают ответы на наши вопросы.

— Это заговор, — мрачно подытожил киммериец.

— Без сомнения, — кивнул Публий. — Четверо из вас кем-то перекуплены, — скорее всего, зингарцами! — чтобы устроить неразбериху в рядах аквилонской армии.

— Это им удалось, — бросил Просперо.

— Самое неприятное в сложившейся ситуации то, — продолжал советник, — что мы не знаем, к какой из пятерок относится настоящий

король Аквилонии: к дошедшей до Мертвой Долины или пропавшей по дороге. Конечно, через несколько дней заклинание чародея Марионо потеряет силу, и мы узнаем правду.

— Но мы не можем ждать! — отрезал Просперо. — Поэтому, я, Публий и верховный жрец решили исходить из предположения, что настоящий Конан — один из прибывших. Ведь если он погиб, тогда сражение все равно проиграно. Нам нужен король, войскам нужен главнокомандующий!.. Не секрет, что Конан из Киммерии — лучший воин во всей Хайбории. Будет бой. Не на жизнь. На смерть! Пять Конанов сойдутся в схватке. И победителя мы назовем королем! Вы согласны на бой?

Киммериец закрыл глаза. Все вокруг напоминало дурной сон.

Он понял свой просчет. Надо было потребовать у Марионо, чтобы заклятие подобия рассеивалось быстрее.

Выбора не было.

— Хорошо. Я согласен, — сказал он наконец.

Публий облегченно вздохнул.

Лицо Просперо расплылось в улыбке.

— Добро пожаловать домой, ваше величество! — воскликнул он, и киммериец почувствовал, как с запястий соскользнули кандалы.

* * *

Королевский шатер принял хозяина забытой роскошью. И хоть киммериец никогда не при-

ветствовал в бою лишние удобства, все же не отказал себе в удовольствии воспользоваться такой возможностью.

— Никто? — улыбнулся Конан, раскинувшись на мягком ложе, по которому успел порядком соскучиться.

— Никто, — вернул улыбку Просперо. — Как только услышали, что бой будет длиться до тех пор, пока из вас не останется в живых только один, все претенденты на трон сразу же отказались от притязаний. Кроме тебя.

— И кто это все придумал?

— Публий.

— Хм, а я уже собирался познакомить его поближе со своим мечом, — ухмыльнулся киммериец.

— Поэтому он и закрылся в кабинете. Теперь сидит там и никого не пускает.

— Можешь его успокоить. И веди сюда, мне он нужен! Да, еще одно, всем военачальникам прикажи собраться здесь ровно через два часа.

Голова Конан камнем упала на подушку. В шатре воцарился королевский храп.

7

Утреннее солнце скользнуло первыми лучами по огромной пустоши. Безжизненная равнина сгорала от пламени жажды, прогибая иссиня-черные травы в истоме сладкого предчувствия человеческой крови.

Две могущественные Силы встретились на

этом Митрой забытом клочке земли, который обходили стороной даже самые отчаянные смельчаки. Страшная магия прошлого испепелила землю, придав ей зловещую черноту. Мертвая Долина навеки сохранила опустошающее противостояние Сета, Отца Тьмы, и Великого Эпимитреуса.

Конан придержал коня, взглянул на стену войск противника, возвышающуюся в двух полетах стрелы от аквилонской армии.

— Как прошли переговоры? — спросил он.

— Переговоров еще не было, ваше величество, — отозвался Паллантид, пристроившись по левую руку от короля.

— Почему?

— Не знаю, но у меня сложилось впечатление, что зингарцы кого-то ждут.

— Что ж, — довольно кивнул киммериец, — это нам на руку. Кто у них главный?

— Воин в белых доспехах. — Просперо, едущий справа, махнул на центр вражеской линии.

— Кто он?

— Мы не знаем, — тихо сказал командир Черных Драгун.

Конан поднял на него тяжелый взгляд.

— Паллантид, у нас ведь есть соглашения в Зингаре?

— Так точно, ваше величество!

— Тогда, клянусь Митрой, я не понимаю, почему нам так мало известно о противнике!

— Похоже, что все наши шпионы были раскрыты еще до того, как успели послать сообще-

ния, — грустно сказал Просперо. — Мы имеем дело с очень опасным противником.

— Не говори очевидные вещи, — бросил Конан. — Шпионы у нас плохие. Разленились, небось, от тихой зингарской жизни. Вот и погорели, когда пришло время стремительных перемен.

— Не спорю.

— Говорите, рыцарь в белых доспехах? — ухмыльнулся киммериец, внимательно разглядывая белое пятно, резко выделяющееся среди темных одежд зингарцев и черноты равнины. — Дайте мне флаг! Нет, не Аквилонии. Белый флаг! Посмотрим, что он скажет. Просперо — принимай командование!

* * *

Конан поднял копьё с куском белой ткани на конце и с силой воткнул в землю. Затем отъехал на десять шагов назад.

Белый рыцарь остановился на таком же расстоянии от флага со своей стороны.

Киммериец внимательно рассматривал противника, пытаясь пробиться взглядом через узкие щели забрала сияющего племени. Он слишком мало знал о зингарском воине, чтобы первым начинать переговоры. Каждое неверное слово могло выдать его незнание, усугубив и без того тяжелое положение. Аквилонская армия вдвое уступала зингарской в численности. Конан мысленно проклял пиктских вождей, заставивших

его разделить армию и отправить немалые войска на границу.

— Ты хотел переговоров, варвар, — холодно сказал белый рыцарь, придерживая бойкого жеребца. — Я слушаю тебя!

— Знакомый голос, — пробормотал киммериец, вслушиваясь. — Я знаю тебя!

— Еще бы! — ухмыльнулся противник. — И очень хорошо. Но еще лучше ты знал моего отца!

Руки, закрытые белым металлом, коснулись шлема, замерли на миг и обнажили лицо.

— Хапри?! — выдохнул Конан, не в силах поверить глазам.

— Дурацкое имя, не правда ли? — бросил молодой воин. От бывшего добродушия не осталось и следа. — Так звали меня в твоей армии, варвар! Ох, знал бы ты, какого труда мне стоило попасть в твой хваленый Черный Легион! Но я это сделал. И стал лучшим. Именно поэтому Паллантис приставил меня к тебе. Защищать и оберегать!

— Но ты шел к Мертвой Долине вместе со мной? Как же ты вел свою армию?

— У меня тоже есть свой Просперо. А о месте встречи наших армий ему рассказали стены твоего дворца!

— Кто ты?

— Привет из Хаурана! — махнул рукой рыцарь. Его рот скривился дикой, бездушной улыбкой. — Помнишь?

— Так это твои люди хотели меня убить?

— Не просто убить. Отомстить! — Хапри презрительно сплюнул, видя на лице киммерийца все то же непонимание. — Тебе ничего не говорит имя Констанций?!

Кулаки Конана сжались. Пальцы побелели.

— Вижу, что говорит. О многом говорит!

— Кто ты такой, чтобы напоминать мне о прошлом?

— Меня зовут Коний. Но это имя для друзей и побратимов. Ты же зови меня Констанций!

— Сын? Ты его сын? — изумленно пробормотал киммериец. Из памяти всплыло лицо заклятого врага. Конан снова сжал кулаки. Невероятное сходство. Как он раньше этого не заметил? Внезапно в сознание ворвалось другое воспоминание. — Разве у Констанция был сын?!

— Он зачал меня незадолго до своей смерти! В темной сырой темнице, надругавшись над моей матерью, королевой Тарамис.

— Это невозможно, — покачал головой Конан. — Ты должен быть куда моложе!

— Как примитивно ты мыслишь, варвар! Ты забыл, что магия творит чудеса! Небольшие возрастные недостатки мне помог исправить один добрый человек. Но по твоим глазам я вижу, что ты хочешь услышать мой рассказ с самого начала!

Конана недоверчиво посмотрел на Констанция и медленно кивнул.

— Хорошо, я поведаю тебе о своей жизни. С самого детства моим воспитателем и наставником был любовник мамаша Витор, он занял твое

место капитана королевской охраны. Рассказывал мне красивые сказки, про добрых рыцарей и коварных злодеев. Вот только не знал Витор, что с каждой его новой историей я все больше злился на него. Мне нравились не эти туповатые рыцари, победу которым приносила лишь невероятная удача, а их противники. Злодеи в сказках всегда намного умнее героев. Но они почему-то в историях Витора все время терпели поражения. За это я его потом и отравил. — Констанций улыбнулся. — Королева Тарамис не любила меня, сторонилась. Я жил в другой части замка. У меня были лучшие учителя. И я учился. Старательно учился, пытаясь привлечь внимание матери. Однажды, удрав из дворца, я бродил по базару. И один купец, признав меня, обругал шемитским выродком. Помню, долго мне пришлось уговаривать Витора, чтобы он объяснил мне слова купца. И он рассказал. Для семи лет я был очень смышленным мальчиком. Даже слишком, как говаривал мой учитель. А в восемь лет я встретил стигийского жреца и за огромный драгоценный камень уговорил его превратить меня в отрока, добавив пару лет возраста. Я убежал из дворца и устроился на работу к купцу-шемиту. В Асгалуне я вступил в банду, прибывшую из Аренжуна. Быстро стал правой рукой главаря. Затем отравил его и возглавил отряд. Потом открыл свое происхождение, и ко мне потянулись шемиты-номады, знавшие отца. Я собрал настоящую армию. Следующей моей целью стала Зингара. Я спокойно прошел через

Аргос, договорившись с королем, и атаковал Мессантию. Победа досталась мне легко. Когда я с сорокатысячной армией, объединившей под своими знаменами три народа, остановился под стенами Кордавы, город был деморализован и сдался без боя. Король бежал еще задолго до подхода войск. Больше его никто не видел. На этом я не остановился, ибо все мои завоевания преследовали лишь одну цель. И она тебе известна. Я пришел за твоей жизнью, варвар!

— Почему же ты не убил меня, когда мы шли к Мертвой Долине? — спросил Конан.

— Это было бы слишком просто. Я хочу не просто твоей смерти. Я хочу забрать у тебя славу! Разрушить ореол, навеянный легендами. И произойдет сие прямо на этом поле. На глазах тысяч воинов. Бесславная смерть — достойная кара.

— Нет, — ухмыльнулся киммериец, — если я проиграю бой, мое поражение не будет бесславным.

— Это еще почему? — улыбка сползла с бледных губ юноши.

— Твоя армия вдвое больше моей. Будет неравная битва. Победишь ты — это не удивит людей, и вскоре о тебе забудут. Одержу победу я — моя слава удвоится, а тебя заклеят позором.

Констанций хотел что-то сказать, но только задумчиво прикусил губу.

— Но я могу дать тебе шанс ворваться в пергаменты летописей, — продолжал Конан. — Зачем бессмысленно проливать кровь наших вои-

нов? Это твои личные счета. Не по-мужски перекладывать их на чужие плечи!

— Что ты предлагаешь? — Глаза Констанция сузились.

— Один на один. На глазах шестидесяти тысяч воинов. Если ты победишь, никто не усомнится в твоей силе! Но для этого нужна храбрость, которую твой отец вряд ли смог передать тебе по наследству. У него ее тоже не было!

Юноша склонил голову набок и окинул Конана задумчивым взглядом.

— Я понимаю, что ты хочешь разозлить меня. Но это ни к чему. Я действительно намного лучший боец, чем ты. И ты вскоре в этом убедишься!

* * *

Два воина, буравя друг друга взглядом, застыли в самом сердце Мертвой Долины.

— Тебе не будут мешать доспехи? — холодно спросил Конан. — Мне не нужны побрякушки!

— Эти латы защищают от меча, но не стесняют движений. И весят они не больше набедренной повязки!

— Я готов, — кивнул киммериец.

— Мне жаль тебя, варвар. За время нашего совместного перехода я очень хорошо тебя изучил! — Констанций взмахнул саблей. — Я готов!

Над пустошью воцарилась напряженная тишина. Воины разом затаили дыхание. Даже птицы на миг утратили голоса.

Еще мгновение короли сохраняли неподвиж-

ность, вдыхая аромат предстоящей схватки. А затем ринулись друг на друга. Сверкнула сабля, блеснуло лезвие меча. Противники столкнулись и разошлись. Киммериец перекатился через плечо и резко развернулся. Констанций замер. Потом медленно повернулся к врагу.

Конан встретил его удивленный взгляд.

— Ты кое-что забыл, — сухо сказал король Аквилонии. — Я тоже хорошо тебя изучил!

В следующее мгновение тысячи воинов Зингары, Шема и Аргоса судорожно заглотнули воздух. Мощный порыв ветра сорвал с плеч голову их предводителя и покатила по земле. Тело Констанция пошатнулось и рухнуло в черную траву.

Конан ладонью зажал рану на боку, взглянул на окровавленный меч и бросил его под ноги поверженному врагу.

Киммериец шел к своим воинам, и на каждый его шаг они громко выкрикивали всего одно слово: «Конан!»

Конан!

Конан!..

Предварение от Гая Петрониуса Тарантийского,

*Описание земель народов ваниров и вези,
а с тем и Закатных островов,
составленное Гаем Петрониусом
в лето 1293 от основания
королевства Аквилонского*

Некоторым может показаться, что все сказанное ниже является выдумкой, но мы, прошедшие земли полуночные от Тарантии до Вадхейма и обратно три раза, видели это собственными глазами, в чем клянемся именем Митры Лучезарного.

Отправляясь в столь дальний путь, снарядились мы достойным образом. Я, сочинитель Гай Петрониус, взял с собой писчий пергамент, перо, чернильницу и благочестивые книги, дабы избежать сил демонических. Надел я еще крепкую обувь, к коей не привык, ибо человек ученый, а также капюшон тряпичный, являющийся защи-

той от кровососов, во множестве обитающих в диких лесах.

Благородный король Конан Аквилонский, нас в том походе сопровождавший, облачился в одежды походные и прочие сапоги, благо дороги на Полуночи материка известны своей грязеобильностью и выдвигали мы там грязь, в кою уходил всадник по самую маковку шлема. Далее, облачился государь наш в прочный панцирь, сделанный из превосходного железа, толщиной не менее дюйма, повесил на пояс острый рыцарский меч, тщательно смазанный жиром Левиафана, ибо воздух в пиктских и ванирских лесах таков, что доспехи рассыпаются на части, и возложил на шею королевскую цепь червонного золота.

Взяли мы также с собой бус стеклянных сорок питей, пятьдесят зеркалец медных по кесарию за штуку, пять пледов киммерийских, клетчатых, восемь платочков шелковых, три котла и бочонок в пять ведер превосходного эля. Снарядившись всеми необходимыми каждому путешественнику вещами и получивши благословение жрецов Солнцезарного, мы принесли жертву во всесожжение об удачном исходе экспедиции, и с тем тронулись в путь.

Долго ли, коротко ли, добрались мы милостью Митры до полуночной границы Аквилонии. Народ там ввиду близости к цивилизации не такой дикий, как в остальных землях. Хотя даже здесь мы видели на главной площади медведей, пляшущих по велению хозяев под варварскую мелодию, напоминающую более скрип несмазан-

ной двери, чем музыку. Жителям селений порубежных присуща чрезвычайная скупость, и всякий проходящий мимо обязан отдавать мешок золота, равный весу его.

Посетили мы и таверну, где проходящих заставляют пить черную воду, зело горькую и поганую для всякого доброго дворянина и мужа ученого, а кто пить отказывается, тому рубят голову и несут ее на капище языческое. Правит там дикий гандерский граф, у которого половина лица черна, как ночь, а вторая — бела, как снег, а сзади у него растет волчий хвост, коим он замечает следы своей дружины, когда идет она в поход. Молятся там идолу, вымазанному с одной стороны дегтем, а с другой — медом и подносят ему жертвы, когда быка, когда зайца, а когда и морскую каракатицу.

Далее по дороге находится ванирский град Хольмгард, жители которого хоть и радушны, но шестипалы, хотя палец они шестой прячут настолько искусно, что немногие его найти могут. Этим шестым пальцем купцы ваниров и обчитывают тех наивных простаков, что торгуют с ними.

Также в окрестностях селения этого водится Дикий Вепрь с золотыми клыками, поджидающий на дороге путников и задающий им вопросы каверзные, и кто ответить не может, того он рвет на мелкие части, а кто может — на крупные.

Молятся там божеству с золотой головой и шестью ногами, обутыми в травяные сапоги, подкованные деревянными гвоздями. Град сей

не признает над собой ничьей власти, ибо погряз в самоуправстве, называемом тингом.

Между Хольмгардом и селением Тронье живет дракон, коий по ночам злокозненно пожирает молодых девиц и немощных калек, о чем многие свидетели нам рассказывали.

Но самый погрязший в грехах город, несомненно, Альдеборг, жители которого произошли от псиглавцев и потому поклоняются огромной зеленой жабе с синими зубами и оленьими рогами, и когда она рыгает, исходит мерзкое зловоние, и приносят ей человеческие жертвы трехдневными младенцами.

Правит этой землей языческий вождь, коий обликом похож на медведя и знает их язык. И улицы этого поселения заросли травой, а обочины, наоборот, вытоптаны, ибо жители предпочитают красться вдоль стен, замышляя злодейство.

Также жители сего города двуязычны, ибо один язык у них человеческий, а другой — жабий, коим они удушают неосторожных путников. Предаются жители означенного селения плотскому греху с лешаками и нимфами водяными, каковых в землях тех великое множество. Хлебают здешние обитатели пойло, сделанное из болотных гилушек и поганных грибов, коим упиваются каждый вечер до безобразия и поют непристойные песни. В лесах тамошних живет гигантский заяц, топчущий по весне посевы здешних кметов и отличающийся лютой неуловимостью.

Бург вождя вези Атанариха — град в самой

полуночной глуши. Народ его яростен, неприступен и крайне воинственен, ибо произошёл от потомков Нифлунгов. Обычаи вези столь безумны и дики, что стреляют они из луков по идолищу своему, кое представляет из себя чудище богопротивное, которое описать мы не беремся, дабы сохранить здравый рассудок.

Между бургом и селением Рагнарди встретили мы псиглавцев, что похожи на людей могучего телосложения, но коленками назад и с головой собаки. Разговаривают они рычащими фразами, и попытались в дикости своей напасть на нас, но король Конан положил нескольких из них, и они, скуля, бежали в чащобы лесные.

Далее там же поймали мы свирепого пикта, который после пытки каленым железом сознался, что является он прислужником безумного колдуна, обитающего в непознанных глубинах Пущи Пиктской, который колдун прославился своей жестокостью и жадностью, грабивший только богатых, а бедных просто убивавший...

(Позднейшее примечание от Халька Юсдаля: Разумеется, сей трактат не имеет ничего общего с истинной историей наших походов на Полуночи материка и тайной знаменитого клада царя Тразариха. Именно поэтому я предлагаю благосклонному читателю не углубляться в сомнительное повествование достопочтеннейшего месьора Гая Петрониуса, а перейти к истинным и достоверным описаниям знаменитой экспедиции короля Конана Канак на Ванские острова, происшедшей весной 1293 года по аквилонскому счету...)

Глава 1

Первый рассказ Тотланта

Колдун-мореход

Закатный океан

20 день Первой весенней луны 1293 г.

О, боги Всеблагие, как же мне скверно! Однажды я собственными руками придушу этого ядовитого книжного червя, этого шадизарского проходимца, так умело рядящегося в светлые ризы советника его величества! Этого архиплута, вовлекшего благовоспитанного молодого волшебника в немыслимую и гибельную аферу!

Погоди, придержи лопадку, еще каркнет твое время, ошибка природы! Обычным превращением в жабу ты, Хальк не отделаешься, клянусь Сетом Змееногом! В крысу! Только в крысу! Корабельную!

Однако, хуже всего то, что означенной кора-

бельной крысой ныне являюсь я сам — Тотлант Луксурский, придворный волшебник короля Пограничья, временный советник по вопросам магии короля Конана Аквилонского, член гильдии Магов Алого Пламени Равновесия и прочая, и прочая.

Во-первых, мне мокро. И солено, ибо брызги морской воды, перелетающие через низкий борт парусного дракона отнюдь не имеют вкуса пуантенского вина. Во-вторых — холодно: мы же в Полуночных морях, а дракон искусно лавирует меж огромных плавучих льдин. В-третьих: Вот это самое «в-третьих» я бы охотно обменял на тысячи других самых разных неудобств, и обязательно приплатил бы. Золотом.

Морская болезнь! Неизлечимая, выматывающая, морская болезнь злобно вцепилась в меня тысячами своих зубчиков-терок и терзает, грызет, изводит... Второй день сплошных мучений. Еда незамедлительно возвращается обратно, стоит лишь скушать маленький кусочек лепешки с рыбой; в голове — такая муть, что самый запойный пьяница покажется рядом со мной убежденным трезвенником. Руками-ногами двигать могу, да вот только двигаются они в прямом противовесе с моими желаниями.

Таким образом, сейчас я полулежу возле борга дракона и пытаюсь созерцать окрестности — единственное, что остается делать!

Вот, пожалуйста, Конан, Темвик (тоже совершенно не морской человек, замечу), племянник кунуга Хререка Сигвальд да пара вояк-вези ду-

ются себе в кости и хохочут так, что моя уставшая голова скоро развалится на тысячи осколков, которые уже никогда никто не соберет воедино...

Одно радует: сволочь Хальк терзается не меньше моего. Месьор тайный советник утром все платье изволил заблевать: штормить начинало, вот и не удержал господин библиотекарь свой завтрак в ненасытной утробе... Теперь этот пройдоха-кладоискатель завернулся в огромное одеяло из медвежьей шкуры и тихо стонет. Поделом — хотел попутешествовать да отдохнуть от городских сует? Извольте наслаждаться морской прогулкой, господин барон!

— Попить хочешь? Горячего? Поможет, обещаю, — ко мне подошла Тюра, дочка нашего ярла Торольва, одного из помощников Конана. В руке — источающая пар деревянная кружка.

— Что это? — простонал я.

— Можжевеловая настойка с медом, — Тюра присела, и вручила мне теплый сосуд. — Не страдай ты так, глядеть больно! Неужели у вас, волшебников, нет никаких заклинаний от морской болезни?

— Если и есть — я их не знаю. Тюра, пойми — я впервые в жизни оказался на настоящем корабле! Морском! По рекам, бывало, на паромках, на плоскодонках плавал, а тут... Качает. И вообще противно.

— Привыкнешь, — бессердечно сказала Тюра, вливая в мои бесчувственные губы горячий сладкий настой. — Мы — нордлинги, зингарцы,

аргосцы, шемиты — посмотри сколько людей живут морем! А у нас есть легенда, будто первые люди вышли на сушу именно из океанских волн.

— Если так — то это точно были не мои предки, — попытался отшутиться я. Удивительно, но принесенное Тюрой пойло слегка утихомирило бурю в моем желудке. Даже в голове прояснилось! Прогуляться по палубе, что ли?

Нашу флотилию (поименованную Конаном «великой армадой») составляли пять крупных судов. Два длинных, хищных боевых дракона под полосатыми парусами, и три кнорра — крутобоких вместительных судна, на которых перевозили наших лошадей. Шли корабли под вымпелами конуга Хререка, сына Торгрима — известного на побережье морского волка, не брезговавшего ни пиратством, ни торговлей, ни китобойным промыслом. Первый вик-поход после зимовки в Рагнарди оказался удачным — Конан и Геберих, командир дружины вези, щедро заплатили за перевозку на Остров, а если экспедиция окажется удачной — воины Хререка получают десятую часть добычи.

Цель, установленная Хальком — остров Вадхейм, крупный и изрезанный фьордами. Якобы именно там и сложились Нифлунги царя Тразариха, обладатели легендарного несметного богатства. Идти под парусом до острова — три с лишком дня, Вадхейм находится далеко в океане, на самой кромке Ванского архипелага.

Хререк, бывалый мореход, объяснил, будто

на Вадхейме никто не живет. Была там, много лет назад, рыболовецкая деревушка, но ваниры позже перебрались на материк, обосновав переселение тем, что «Вадхейм — дурное место».

— А и верно люди говорят, дурное, — гудел конуг Хререк, рассказывая нам с Конаном о Полуночном океане и особенностях мореплавания, — Возле острова много встречаемых течений, водовороты... К берегу можно подойти только в определенных местах, но знаю я там одну бухточку, укрою корабли от Океана.

— Каков остров из себя? — поинтересовался Конан. — Плоский, гористый?

— И равнин, и гор хватает. Вадхейм большой — из края в край за два дня на лошади проедешь, а то и больше. Лесов много — там теплое течение из океана, с гор лишь один ледник сползает. Потом течение к Полудню уходит, а возле Пуши с другим сливается и идет дальше, к Зингаре и Барахас. Нам сейчас плавучих льдов следует поостеречься — весна, от больших ледников на Полуночи откалываются ледяные глыбы и идут в океан...

— А морские чудовища? — заинтересовался Темвик? — Там рыбы-змеи какие, осьминоги, кракены, акулы?

— За борт глянь, — усмехнулся в густые сивые усы Хререк, — Вот тебе самое натуральнейшее морское чудовище. Мы этих зверюг дружной морского бога Ниорда именуем — такие же океанские воители-бродяги, как и мы.

Темные заборные воды бороздили подняв-

шиеся к самой поверхности огромные черно-белые животные, очень похожие на рыб. Острый плавник на черной спине, ярко-снежные овалы над глазами и белые бока. Некоторые твари оказались длиной едва не в половину дракона конуга Хререка.

— Знакомые бестии, — кивнул Конан. — Кит-убийца. Я их еще по Полуденному побережью помню. Сильный и благородный зверь... Скажи, Хререк, когда прибудем?

— Завтра к рассвету будем ввиду острова, — отозвался старый асир. — Разгрузимся, и начнем искать твоё сокровище... Отдыхайте. А за морем и судном я присмотрю, Конан-конуг:

* * *

— Тотлант, ты живой? Может, покушаешь чуток?

Где-то под грудиной у меня сжался тугой слизистый ком, мигом попросившийся наружу. Лишь неимоверным усилием воли я загнал мерзкую субстанцию поглубже и укоризненно посмотрел на добросердечного Темвика. Вот уж у кого луженый желудок!

Молодой оборотень, решив скрасить мое уединение, явился на переднюю палубу дракона, украшенную мордой невиданного полульва-полуорла на длинной шее. Асиры уверяют, что подобные деревянные фигуры призваны запугивать противника и отгонять злых морских духов. Кстати, именно благодаря таким вот устра-

шающим головам, нордхеймские корабли и прозвали «драконами»

Я, укутавшись в два шерстяных плаща и дополнив их меховой накидкой, смотрел вперед, в серебристо-черную морскую ночь и пытался поразмыслить о происходящем. Темвик, хоть и молод, но разумом отнюдь не умален — будет с кем обсудить некоторые неприятные соображения, ставшие посещать меня с пугающей частотой.

— Здорово, правда? — зачарованно сказал Темвик, прищурившись, взирая на ночное море. — Совсем другой мир.

— Другой, — согласился я. — Со своими законами, обитателями, правителями. Даже со своим волшебством. Недаром на Полуденном Побережье, в Мессантии существует гильдия магов — Повелителей Стихии Воды...

Море — пронзительно-черное, с редкими сероватыми полосками гребней волн. Небо наоборот, выглядит покрывалом темно-синего бархата, усеянного кристаллами горного хрусталя. Огромный, от горизонта до горизонта, звездный мост и ущербная луна дают достаточно света, чтобы видеть близкие льдины — они мерцают мириадами блесков и кажутся гигантскими плавающими драгоценностями, недоступными и опасными. У подножия ледяной горы видна более светлая полоска прибоя, и поэтому внимательный кормчий заметит ледяную глыбу за много тысяч шагов.

Отличная слышимость — я различаю, как на

идушем в четверти лиги позади кнорре кто-то ругается из-за корма для лошадей, а на замыкающем караван боевом драконе затянули песню. Каждое судно обозначено факелом на носу и на корме, так что для стороннего наблюдателя наш караван должен выглядеть цепочкой из десяти оранжевых огоньков, плывущей на полупоночный закат, в беспредельную даль Великого Океана.

Итак, «розыгрыш» барона Юсдаля завел нашу компанию на самый край света. Библиотекарь, дерзновенно возжелав пошутить над королем и придумав потерянный (якобы...) клад, получил свое: мы покинули весеннюю Аквилонию, мерзнем в Полуночных морях на нордхеймских лодях, и собираемся отыскать то, чего наверняка не существует — клад царя Нифлунгов Тразариха.

То есть клада «почти» не существует и мнения в нашей компании разделились (хотя каждый держит свое при себе).

Хальк, например, убежден, что клад он выдумал на основании древней и мутной легенды позднекхарийской эпохи, высосав, как он выразился, все сведения о сокровищах из пальца и бездумно ткнув означенным перстом в карту. Перст его милости указал на остров Вадхейм — значит, клад зарыт именно там! О Истина, как ты близка и легко достижима!

Иную точку зрения представлял маркграф Ройл, богатый дворянин, интересующийся стариной. С Ройлом мы познакомились в Тарантии

при весьма малопривлекательных обстоятельствах, но сейчас речь не об этом... Маркграф, годами исследуя легенду о Нифлунгах, пришел к убеждению: клад действительно существует, однако над ними тяготеет нечто вроде проклятия. Вывод: лежал клад спокойно тысячу лет, пускай лежит еще столько же. Незачем беспокоить древнее волшебство.

Третьим мнением владел прямолинейный Конан. Он твердо поверил в истинность выдумки Халька и собрал экспедицию, дабы пополнить отощавшую Аквилонскую казну, да и сам захотел проветриться после годового безвылазного сидения в Тарантии. Клад закопан на острове и мы его обязательно найдем!

Мнение четвертое принадлежало... Не знаю, как бы поточнее выразиться. Конан наименовал этих субъектов «конкурентами». Происки означенных конкурентов начали дожимать нас еще в Тарантии и выразились в цепи довольно скверных происшествий — начиная от похищения Темвика и маркграфа Ройла предводителем большой Тарантийской банды, неким Дораном Простецом, и заканчивая наглейшим нападением на библиотеку королевского замка, с пожаром, вселенским переполохом и убийствами. Кроме того, я постоянно ощущал, как за мной следит чужой маг, которого я никак не мог обнаружить, поскольку наши силы были приблизительно равны и он слишком умело отводил мои заклятия.

Следующим сюрпризом оказалось нападение на королевский отряд одного из пиктских пле-

мен, в долине реки Унера. Как удалось достоверно выяснить, пиктов наняли какие-то аквилонцы и дали незамысловатый приказ: всадников истребить, пленных не брать, добычу забрать себе, а потом раз и на всегда забыть о случившемся.

Так бы оно и произошло, не явись крайне своевременная помощь. Оказывается, у помощника Конана по «Дикой сотне» (так в городе называли отряд варваров-телохранителей набранный королем), нордхеймского ярла Торольва, поблизости жили друзья — крупное и воинственное племя вези. Именно вези, во главе со своим риксом-вождем Атанарихом и пришли на подмогу в тяжелую минуту:

А вот далее начались чудеса в решете. Когда исход боя между пиктами и вези, защищавшими наш отряд был еще неясен, прибыло дополнительное подкрепление в виде рыцарской конницы, неким волшебным образом очутившейся на склонах Закатных Киммерийских гор. Латники разогнали и перебили дикарей, после чего попросту ретировались, не представившись и не дав понять, кого же благодарить за доблесть и требуемое содействие.

От подобных чудес даже у здравомыслящего Конана голова кругом пошла. И понятно отчего: тяжелая конница рыцарей, это не просто множество соединенных вместе коней, всадников, доспехов и мечей. Это еще и обоз, и фураж, и снабжение людей пропитанием, и прислуга-оруженосцы, и перевозная кузница, где можно чинить

поврежденные доспехи и подковывать лошадей. И бродячий бордель, наконец!

А тут благородные господа явились, мечами помахали, копьями потыкали и непринужденно смылись, будто на прогулку съездили...

Эту загадку мы общим решением отнесли к разряду сказочно-неразрешимых, и порешили впредь о рыцарях под синим знаменем не упоминать.

Затем мы погостили у Атанариха, набрали из его воинов охрану в числе шести дюжин мечей под рукой сына атанарихова, молодого Гебериха, и с тем отбыли в Рагнарди, нанимать корабли.

Два дня в море. Если повезет, завтра днем я ступлю на твердую землю острова Вадхейм. И, наконец, смогу по-человечески покушать.

* * *

— Тотлант, ты ведь знаешь, оборотни способны чувствовать, — сказал Темвик, устраиваясь рядом. — Понимаешь, о чем я?

Я понимал. Расе оборотней было свойственно гораздо более обостренное чутье. На все — на радость, на опасность, на волшебство, на смерть. Не знаю, благо это или проклятие, но я не хотел бы владеть даром обостренного предчувствия, причем не ясно оформленного в мыслях и видениях, а выраженного в подспудном беспокойстве.

— Тебе что-то не нравится? — спросил я.

— Не нравится, — упрямо нагнул голову Темвик. — И чем дальше, тем хуже.

— Предчувствие опасности?

— И это тоже. Там, впереди, — Темвик ткнул рукой в искристый мрак шумящего Океана. — Ничего подобного никогда не испытывал. Будто огромное спящее животное. Или призрак, бродящий в ночи... Словом, что-то очень большое.

— Опасное? — я мигом насторожился, пытаюсь соотнести свои соображения с речами Темвика.

— Никакое... — непонятно ответил оборотень. — Медведь тоже может быть безопасен, если сыт и спит в берлоге. Но мне все равно неприятно...

— Судно по левому борту! — вдруг донесся с кормы голос капитана: ночью правил сам конут Хррек.

— Наши, наверное, — я легкомысленно махнул рукой, но тотчас висков коснулась мягкая лапка заклятия Ключа. Я сразу вскочил, оперся ладонями о фальшборт и вызвал «кошачий глаз» — заклинание усиливало способности видеть в темноте.

Точно, корабль. Такой же длинный дракон, как у Хррека, смело идет ночью под парусом, шныряя между льдинами. И заклятье исходит оттуда.

— Это враги, — тяжело выдохнул я, подбегая к Хрреку. — На том драконе волшебник, я его почувствовал.

— Идут курсом на сближение, — с видом знатока, сказал Конан, тоже имевший опыт в мореходстве. Король пристально следил за мед-

ленно приближающимся темным силуэтом. — Атаковать, что ли собираются?

— Ночная битва на воде? — вздернул кустистые брови конуг. — Такого никто не делает, слишком опасно... Впрочем, всякое бывало. Кто это может быть? Жители близких островов? И почему идут без огней?

— Там — маг! — не переставал убеждать я. — И охотится он на меня! Пытается проникнуть в мысли!

— А ты отвечай, — с варварской непринужденностью посоветовал Хрерик, — На тебя нападают — дай сдачи! Только мой корабль в щепы не разнеси, знаю я вас, колдунов....

— Давай-давай... — Конан обнадеживающе хлопнул меня по плечу. — Что-нибудь поэффектнее и пострашнее. Хрерик, подними команду, вдруг без абордажа не обойдется? Не нравится мне их курс, приближаются! Тотлант, если маг противника ударит первым — выкину за борт! Работай!

Легко сказать — работай! Думаешь, стоит произнести заклинание и супостат сам собой превратиться в таракана, в палисаднике вырастут синие розы, а ты лично сумеешь за время от заката до рассвета трижды ублажить весь гарем туранского императора?

...Сосредоточь мысль, одень слово в действие, зачерпни природной силы из света звезд и даже душ, окружающих тебя людей, из могучего Океана, направь мысленное усилие на супостата, материализуй его в виде огня или льда, способ-

ных поразить врага... Очень просто на словах, но вот попробуй сделать! Недаром волшебству учатся буквально с пеленок.

Я все-таки успел первым. Сначала — защитное заклятье: дракон конуга Хререка отгородился от неизвестного корабля голубоватой туманной полосой, не пропускавшей стрелы или горшки с горючей смолой и отводившей направленные заклинания. Потом над мачтой взлетают поддесятка шипящих огненных шаров ядовито-зеленого цвета. Мир сразу окрашивается во все оттенки малахита и холодного изумруда. Лица у людей зеленые, будто у демонов. С прочих кораблей флотилии Хререка с интересом наблюдают за спектаклем, разворачивающимся над флагманом. Где-то звякнуло покидающее ножны оружие. Послышались воинственные крики.

Чужой корабль резко сменил галс, пытаясь уйти от пяти маленьких зеленых солнц, разбрасывавших над волнами трескучие искры. Противник ответил — таинственный колдун выбросил в небо густую сеть светло-фиолетового цвета, ринувшуюся на дракон конуга, но старина Тотлант и здесь не сплеховал — образовал длинные пламенные клинки, поразившие и рассекшие сеть, и тотчас исчезнувшие.

А судно противника уже вспыхнуло, превращаясь в жуткий зеленоватый призрак — занялись корма, парус, команда начала сбрасывать загоревшиеся весла, не гаснувшие, впрочем, даже в морской воде.

— Стигийский огонь, — со знанием дела, от-

комментировал Конан. — Знаком не понаслышке... Когда мы с Белит плавали в Черных королевствах, пришлось столкнуться с этой гадостью — едва ноги унесли. А ты опасный человек, Тотлант...

— А ты — тихий обыватель, защитник вдов и сирот? — огрызнулся я, пытаюсь отдышаться: боевая магия требует множества усилий. — Не мешай! Я разозлился и теперь буду их добывать!

— Подойти ближе? — спросил Хререк, не выпуская из мозолистых рук кормовое весло.

— Не надо, еще сами под стигийское пламя попадем! Глядите! От вражеского дракона отходят лодки, мористее! Наверное, корабль не один и спасшихся людей подберут!

— Преследовать не будем, — решил конуг. — И днем-то не от всякой льдины так запросто увернешься, а ночью и вообще имеется полная возможность отправиться в Чертоги Ниорда, пировать с его русалками.

Я бессильно опустил руки. Пальцы слегка подрагивали. Дружинники вези и моряки Хререка смотрели на меня с плохо скрываемым боязливым почтением. Да, боевая магия — это вам не шутка!

— Вина! — непререкаемо скомандовал я. Потом подумал, и добавил: — И хлеба с солониной. Почему-то покушать захотелось...

В полулиге от дракона Хререка идилически догорал чужой корабль, выбрасывая в небеса тонкие струйки пламени цвета весенней травы.

* * *

Вот и утречко наступило. Блекло-желтое весеннее солнце появилось над Океаном, водяные поля из черно-синих стали лазурными, плавающие ледяные глыбы превратились в невиданные бело-золотые самоцветы, усеявшие гладь бесконечного моря, а в небесах обозначились клинья птичьих стай, каковые двигались на Закат — к островам.

Я проснулся, поворочался под грудой меховых покрывал и пледов, сваленных на палубе возле мачты боевого нордхеймского дракона, высунул нос из-под клетчатой шерстяной ткани и бегло осмотрелся. Суровые бородачи Хререка отдыхали — корабль шел под парусом. Конан, раскатиисто похрапывая, дрых на корме.

— Ого, досточтимый колдун проснулся! — мимо прошептал конуг, скептически оглядев мое неопрятное ложе. — Дозволь пожелать тебе радостного утра и безмятежного дня. Встань, посмотри — вот ваш остров!

И Хререк вытянул руку, указывая вперед и налево.

Пришлось вылезать из теплого гнезда, ежится от холодного ветерка и всматриваться в бело-голубую дымку. Восходящее солнце светило мне в спину, окрашивая туманное море перед драконом золотом и пурпуром. Красиво!

Сначала меня привлекла не смутная тень, вырисовывавшаяся в нескольких лигах к Закату, а заинтересовала наша «армада». Отлично, все

четыре других корабля идут неподалеку, красно-белые полосатые паруса развернуты, весла убраны. В странном ночном сражении ни один дракон или кнорр не пострадал, погибших или раненых, скорее всего, нет. Дешево отделались...

Хлопнул парус, ветер усилился, волнение на море стало чувствительнее. Меня опять начало мутить, однако неприятные ощущения вмиг позабылись — могучие струи холодного воздуха разорвали дымчатую пелену, разметали туман в клочья и открыли взглядам людей величественный вид на главный остров архипелага.

Издалека Вадхейм выглядел огромнойполой скалой, выраставшей из волн Закатного Океана. Сейчас остров казался черным, однако на вершинах гор, поднимавшихся в центральной части Вадхейма светились всеми оттенками золота и лазури снежные шапки, широкий ледник титаническим языком сползал с горных склонов к океану, разламываясь в воде на плавучие ледяные скалы, кое-где курились столбы белого дыма...

— На Вадхейме множество горячих источников, — пояснил Хререк видя мое недоумение. — Пар порождается подземным пламенем, бушующим под горами.

— Значит, Вадхейм — это погасший вулкан? — полувопросительно-полуутвердительно промолвил я.

— Огненные пасти, жерла, последний раз просыпались лет десять назад, — ответил Хререк. — В те времена на Ванских островах жили

мои родичи — Тогрейр, сын Торира, сына Рангвальда, конуг некогда многочисленного рода... Торгейр рассказывал, как однажды на Вадхейме разразилась великая битва льда и огня, столбы дыма и пара были видны за триста морских лиг. После извержения Торгейр с сородичами немедленно покинул остров.

— Почему? — не понял я. — Вадхейм обширен, разве нельзя было переселиться в другую часть острова, если там, где жил твой сородич, людям угрожала опасность от подземного огня?

— Дурное волшебство виновато, — хмуро сказал конуг. — Наши жрецы объясняли пробуждение огненных жерл не буйством природных сил, а изредка пробуждающейся магией. Там, под черными скалами, издревле спит некое чудище — монстр, не принадлежащий миру человека... Ты не улыбайся, колдун, это не сказка. Наши жрецы умеют распознавать волшебство. Торгейр внял предостережениям, погрузился на корабль и вернулся на материк, в Нордхейм. К чему беспокоить могучие силы, дремлющие в недрах острова?.. Человеку следует держаться подальше от непознаваемого.

— Значит... — начал я, однако Хререк опередил мои мысли:

— Значит, белые дымы, которые ты видишь есть ни что иное, как выдох спящего Великого Зверя. А когда он ворочается в своей берлоге, из глубин истекает жидкое пламя. Так говорят жрецы-годи, и я склонен жрецам верить. Я на остров соваться не буду и дружинным моим не

позволю лишний раз на берег сходить. Мало ли...

Хререк угрюмо сдвинул брови и отправился на корму, к своему ненаглядному рулевому веслу, коим после восхода солнца орудовал племянник конуга, Сигвальд.

Я задумался. Чем ближе мы подходим к Вадхему, тем больше набирается свидетельств о том, что остров сей необычен до крайности. И старейшины Рагнарди бурчали что-то невнятное, утверждая будто «место там дурное», и дружинники Хререка тешили себя жутковатыми байками о чудовищах, обитающих на островах Ванского архипелага, теперь сам конуг предостерегает... Зная, насколько глубоко ввелись в сознание варварских народов многоразличные предрассудки, объясняющие самые простые природные явления действием «магии» или «древнего черного колдовства», я бы отнесся к сообщениям нордхеймцев скептически, однако у меня имеются косвенные подтверждения правоты Хререка.

Клад. Отягощенные проклятием сокровица царя Тразариха. Драгоценности, которые по утверждению маркиграфа Ройла «сами себя нашли» с помощью барона Юсдаля и некоего Тотланта Луксурского. Вот вам и ответ на все загадки! Ответ, увы, вызывающий сотни новых вопросов.

Почувствовав прикосновение чьей-то руки я обернулся. Здравствуйте! Их поганая светлость, барон Юсдаль-младший, соизволили продрать глазенки и выползти из трюма дракона на палубу! Господин тайный советник и библиотекарь кута-

ются в подбитый песком необъятный плащ, выглядят бледно и тоскливо, глаза красные, будто у кролика. Девой дланью Хальк сжимает бронзовый кувпинчик, от которого за пятьдесят локтей разит крепкой ягодной пастойкой.

— Пьянство, ваша милость, есть наитягчайший из грехов, порождающий все прочие прегрешения. — оскалился я любезной улыбкой голодного вампира. — Хальк, может быть хватит пить? Да еще с раннего утра?

— Если не можешь есть — пей, — вяло ответил барон Юсдаль. — Меня выворачивает при одной мысли о пище! Насколько я понимаю, мы подходим к острову? Это — Вадхейм?

— Именно, — подтвердил я, не без злорадства наблюдая за Хальком, от которого за время путешествия по морю осталась бледная тень. — Успокойся, не позже полудня ты ступишь на твердую землю и сможешь броситься в объятия к чудовищу, порожденному древними Нифлунами.

— К-какому «чудовищу»? — заикнулся Хальк. Сегодня он соображал исключительно туго.

— Вот послушай, что мне рассказал Хререк... — я быстро передал месьюру библиотекарю мрачные словеса конуга. Хальк молчал и тупо созерцал проплывавшую по правому борту белоснежную ледяную глыбу.

— Посмотрим... — неопределенно высказался барон Юсдаль. — Напридумывали всякой ерунды! Проклятия, чудовища, магия... Тьфу! Уверен, дело обстоит гораздо проще.

— О чем беседуем, други? — громыхнул за нашими спинами знакомый басок. Король проснулся и подошел к нам. — Делите мои сокровища?

Конан выглядит прекрасно. Море для нашего обожаемого монарха — почти дом родной: недаром их варварское величество много лет подряд бороздили воды Полуденных морей в качестве зингарского королевского корсара. Конан притащил с собой большой кусок черного хлеба, украшенный ломтем нежно-розовой свиной грудинки.

Хальк, узрев непринужденно жующего короля немедля приобрел уже не бледный, а изжелта-зеленый вид и покрепче ухватился за фальшборт. Конан будто ничего и не заметил. Киммериец жизнерадостно ослабил, и протянул Хальку хлеб с мясом:

— Хочешь куснуть?

В этот момент дракон подпрыгнул на особенно высокой волне, месьор Юсдаль громко икнул, закатил глаза, перегнулся через доски фальшборта и одарил Океан наимерзейшей смесью из собственной желчи и ягодного вина.

Так ему и надо! Не будет впредь выдумывать несуществующие клады!

* * *

Ближе к полудню наша маленькая флотилия, благополучно миновав опасные водовороты, создаваемые встречными течениями и подводные

скалы, оберегавшие подходы к острову, вошла в узкий залив-фьорд.

Справа и слева поднимались черно-коричневые скалы, поросшие жиденькими елями, борта дракона стукались о небольшие ноздреватые льдины, в изобилии плававшие в водах фьорда. Шли медленно, на веслах — Хререк направлял корабль в дальнюю часть залива, где, по его словам, прежде обитали люди и могли сохраниться постройки, которые мы смогли бы использовать. По мнению Конана, необходимо было устроить постоянный лагерь на берегу и уже оттуда проводить разведку в глубине острова.

Нордхеймская ладья-дракон исключительно хороша тем, что может без каких либо трудностей идти почти по любому мелководью — осадка у драконов невелика, обычно такие ладьи, слегка разогнавшись, «выползают» на галечный или песчаный пляж более чем на четверть своей длины и дружина может прыгать напрямик на вражеский берег не замочив ног...

Так и получилось. Мы увидели зажатую меж скал ровную долину — неподалеку от берега замечались поросшие травой вытянутые возвышения: знаменитые «длинные дома» нордлингов. И — о, чудо! — над одним из заброшенных строений курился сизоватый дымок! Оказывается, Вадхейм вовсе не забыт людьми. Но почему тогда не заметно кораблей, принадлежащих местным жителям?

Наш дракон мягко ткнулся форштевнем в мелкую сероватую гальку, покрывавшую берег.

Послышались резкие команды Хререка, Конана и Гебериха-вези — предстояло разгрузить кнорры и вывести на берег лошадей.

— Хальк, Тотлант! Темвик, и ты тоже! — рявкнул Конан. — От вас все равно никакого проку, так что сходите к домам, поглядите кто там живет!

Хальк, оказавшись на берегу неожиданно порозовел и даже обрел некоторую величественность, коей он обычно вводил в смущение невежественных варваров.

— Идем, познакомимся, — сказал барон Юсдадь подталкивая меня и Темвика. Неизменная Тюра тоже увязалась за нами — пикто ведь не заставит девицу (пусть даже и воительницу...), перетаскивать с кораблей на берег тяжелые тюки или мешки с продовольствием? Хальк продолжал болтать:

— Странно, нас не вышли встретить. И потом, если на Вадхейме обитают люди, то как они держат связь с материком? На берегу лежит только обтянутая кожей рыбацкая лодчонка, никаких следов стоянки кнорров или драконов!

Прибрежная деревушка составлялась из восьми длинных домов, причем пять из них были почти разрушены. Следов деятельности человека очень мало — лишь возле строения, над которым вился дым, мы нашли связки хвороста и деревянную раму с протянутыми веревочками — сушить рыбу.

— Тюра, иди вперед, — скомандовал Хальк, когда мы оказались возле деревянного притвора,

закрывавшего вход во вкопанный в землю длинный дом. — Они не испугаются женщины, кроме того ты знаешь наречие нордлингов, а мы слишком плохо говорим на асирском или ванирском языках.

Тюра пожала плечами, толкнула дверь и молча вошла. Мы последовали за ней.

Прокопченная двускатная крыша, запах дыма. Темные деревянные лавки по стенам. В середине дома, под отдушиной, располагается выложенный потрескавшимися от жара камнями круглый открытый очаг. Горит жиденький костерок, над пламенем — черный от сажи котел.

— Сигис хайлс! — громко сказала Тюра, обращаясь в полутьму. Я понял, что она приветствует хозяев на языке нордлингов.

— Хайлс, гуннихильд, — послышался скрипучий старческий голос, наверняка принадлежащий женщине. Порывшись в памяти я вспомнил, что слово «гуннихильд» означает «дева-воин». — Хват хейтир ту?

— Ик им Тюра Иварсдоттир, — ответила наша воительница и сразу спросила: — Почтенная, ты говоришь на аквилонском?

— Я говорю на многих наречиях... — из оранжевого мрака появилось наистраннейшее согбенное существо — невероятно старая женщина, облаченная в ужасающие лохмотья. — Твой запах, Тюра, дочь Ивара, я различила. Но мужчины, пришедшие с тобой пахнут очень необычно... Вот этот (старица ткнула корявым пальцем в Темвика) — не человек! Другой пахнет пергамен-

том, третий — колдун из дальних земель Полудня! Я права?

С величайшим изумлением я понял, что старуха была совершенно слепа! Оба глаза затягивали молочные бельма.

— Да-да, не удивляйтесь, — размеренно вещала хозяйка длинного дома. — Мои глаза не видят, но я давно научилась чувствовать запахи, движения... Госпожа Тюра, скажи, я не ошиблась? Кто этот нелюдь?

Новый кивок в сторону оторопевшего Темвика.

— Я происхожу из племени Карающей Длани, оборотень, — быстро сказал Темвик. — Не бойся, почтенная, тебя никто не обидит!

— Я уже не в том возрасте, чтобы страшиться людей или не-людей, — с достоинством ответила старуха. — Карающая Длань? Да, прежде я слышала о вашем племени... Кто остальные?

Тюра ткнула меня и Халька локтем. Пришлось представляться. Пышные титулы барона Юсаля и мое стигийское имя не произвели на хозяйку никакого впечатления.

— Добро пожаловать на Вадхейм, мир вам, — просто сказала старица. — Люди, которых я знала прежде, называли меня Алафридой, дочерью Гутторма. Я последняя... почти последняя, из нордлингов рода Гутторма, оставшихся на этой земле. Если не испугаетесь, то я скажу, что сородичи считали меня ведьмой и не ошибались...

— Хальк?! Вы где? — послышался от порога обеспокоенный голос Копана. Тяжелая фигура

короля загородила светлый дверной проем. — Ага, значит с вами все в порядке! Пойдите, а кто эта... гхм... эта уважаемая госпожа?

Конан остановился перед сгорбленной Алафридой с недоумением разглядывая ее древний изорванный наряд, глубокие морщины на коричневом лице, длинные седые волосы (заплетенные, однако, в косы) и слепые бельма.

— Какой большой человек! — внезапно প্রশамкала старуха, касаясь одежды варвара. — Чувствую силу, заключенную не только в теле и духе, но и во власти... Ты конуг дружины, пришедшей на кораблях в мой фьорд?

— Это, почтенная, король далекой страны Аквилония, — тихо сказала Тюра на нордхеймском. — Его имя, данное при рождении — Конан, из Канахов.

И это сообщение не удивило Алафриду. Она ненадолго задумалась, пожевала бескровными узкими губами и, наконец, изрекла

— Светлый государь из Восходных земель? Никогда бы не подумала, что в моем жилище однажды появится конуг сказочной Аквилонии, о которой я знаю только из легенд... Впрочем, я чувствую — вы меня не обманываете. Садитесь у огня, сегодня я приготовила рыбную похлебку...

* * *

Ближе к вечеру брошенная людьми деревня (по объяснениям Алафриды прежние жители залива именовали его «Одаль-фьордом») вновь

наполнилась гомоном человеческих голосов. Раздавался стук топоров — дружинники Гебериха первым делом принялись подновлять дома, в которых собирались разместиться на первый ночлег. Я, Темвик, Конан и старый ярл Торольв вкупе с прелестной племянницей перенесли вещи в дом Алафриды, радушно пригласившей нас остановиться в ее обширном пустующем жилище.

Слепая старуха действительно оказалось самой настоящей ведьмой — осматривая дом, я нашел множество тому подтверждений. Неподалеку от ее скромного ложа висели пучки сушеных трав, использовавшихся для приготовления магических декоктов — обнаружилась даже редчайшая, ценящаяся в странах Заката на вес алмазов, «Драконья голова»: порошок, сделанный из этих скромных синих цветочков погружал человека в провидческий транс и не было случая, чтобы пророчества были ошибочными! Далее я обнаружил три черепа — человеческий, козлиный и принадлежащий снежному барсу, множество амулетов на кожаных шнурах, причем многие из них обладали нешуточной волшебной мощностью и были призваны отгонять нечистую силу или противостоять некоторым заклинаниям. Неужели Алафрида сама делала эти обереги? Если это правда, значит старлица знает толк в своем ремесле!

— Тотлант? Ползи сюда, питон стигийский! — барон Юсдаль, оказавшись на берегу, мгновенно позабыл о морской болезни и снова обрел преж-

нее злоязычие. — Я тебе такое покажу — не поверишь!

Мы прошли в дальнюю часть дома и оказались перед занавесью, грубовато сшитой из обрывков сероватой домотканины. Хальк театральным жестом отбросил пыльную тряпку и спросил наигранно-зловещим шепотом:

— И что думает об этом великий волшебник Тотлант из Луксура? Несколько необычно для забытого людьми и богами фьорда, согласись?

Да уж, необычно, и сказано это довольно мягко. Обстановка маленькой огороженной «комнатки» никак не вязалась с полуразвалившимся длинным домом, контящим очагом и слепой ведьмой.

Перед нами находился скромный самодельный столик, слева, у стены, обнаружилось аккуратно застеленное ложе с меховым одеялом и самой настоящей шелковой подушкой. Ткань, правда, изрядно вытерлась и была слишком засалена, но само наличие шелковой подушки в обиталище нордхеймской колдуньи-отшельницы выглядело абсурдно.

На столике громоздились семь фолиантов в деревянных и кожаных обложках, сбоку красовалась изящная серебряная чернильница. В маленькой нише виднелась маленькая золотая статуэтка Митры Всевидающего, перед ней — лампа, фитилек пылает язычком бледного пламени. В углу — большой дорожный сундук, запертый на замок. Судя по отделке и узорам, сундук делали аквилонские мастера.

— Мысли, мнения, соображения? — Хальк взглянул на меня.

— Никаких мыслей и мнений, — я шагнул к столику и раскрыл верхнюю книгу. — Оригинально, ничего не скажу... Сочинение Оттона из Локабрии. «Размышления о деяниях славных короля Сигиберта Великого, с двадцатью рисованными миниатюрами».

— Редкая книга, — уверенно сообщил библиотекарь. — Если это оригинал, а не позднейший список, за нее можно получить до сотни кесариев у любого коллекционера Тарантии. Однако, я не думаю, что госпожа Алафрида интересуется историей Сигиберта Завоевателя. Кроме того, читать она не может по вполне понятной причине...

— Не трогайте здесь ничего!

Мы обернулись, увидев незаметно подошедшую ведьму. Старуха, судя по виду, была слегка раздражена.

— Это вещи моего постояльца, — сказала Алафрида. — Он ушел на охоту, появится на закате. Если, конечно его не напугают ваши добры молодцы — шум подняли на весь остров...

— Постояльца? — озадачился Хальк. — Кто он, почтенная?

— Аквилонец. Думаете, откуда я так хорошо знаю ваш язык? Я готовлю ему пищу, а он заботится обо мне... Он живет на Вадхейме уже девять зим.

«Значит, со времен правления Нумедидеса, — мысленно отметил я. — Но как оказался в этой

немыслимой дыре аквилонец, да еще и хорошо образованный? Надеюсь, вскоре все выяснится».

— Ваша Тюра вместе с оборотнем приготовили обед, — проскрипела Алафрида. — Всяко получше, чем вонючая похлебка из рыбы... Идите кушать, достойные гости.

И мы молча пошли кушать.

Глава 2

Хальк, первый рассказ Обитатели Вадхейма

*о. Вадхейм,
20-21 дни Первой весенней луны 1293 г.*

А так, давайте откроем медный тубус, в котором хранятся аквилонские и зингарские мореходные карты и лощи, выберем свиток с обозначением «Острова Полуночи и Полуночного заката», развернем его на столе и попробуем внимательно изучить.

Прежде всего, следует обратить внимание на имя составителя карты: капитан Эрладес из Карташены.

Имечко, что ни говори, знаменитое.

Эрладес, исключительно удачливый пират и контрабандист, несколько лет возглавлял флотилию королевских корсаров Его величества Фердуго, потом рассорился с государственными чи-

новниками из-за несправедливого дележа добычи и ушел на вольные хлеба, не стесняясь грабить даже зингарские корабли. Некоторое время обитал на Барахас, сколотил собственный маленький флот из шести караванов, в течении четырех лет с успехом разбойничал на Полуденном побережье. Захватил, разграбил и сжег шемский город Каффу и однажды небезуспешно штурмовал Золотую Башню Асгалуна, откуда вынес сокровищ примерно на три «сфинкса» — сумма не просто огромная, а фантастическая!

Эрладес объявлен «злодеем короны» в Зингаре, Аргосе, Офире и Шеме; капитан был внесен в розыскные листы Аквилонии еще в правление короля Вилера. После долгой охоты, военный флот Зингары сумел-таки потопить четыре из шести судов Эрладеса и одно захватить, но сам доблестный мореплаватель сумел улизнуть на своем флагмане «Эль Рита» и скрыться от правосудия.

Как человек с богатым жизненным опытом и умудренный сединой, Эрладес вскоре после исчезновения с Полуденного побережья решил, что времена веселой молодости миновали, а безбедную старость он себе обеспечил целой кипой закладных бумаг и векселей офирских торговых домов, куда вкладывал (под вымысленным, понятно, именем) паграбленное золото. Теперь следовало вспомнить о накоплении ценностей духовных и внести свое имя не только в историю пиратства, но и в более почетные списки первооткрывателей неизвестных земель. Бросать мор-

ское дело и удалиться на покой лихой капитан вовсе не собирался — Эрладес заделался исследователем и картографом. Предметом его интереса служили островные архипелаги далекой Полуночи, а так же бесчисленные фьорды Нордхейма.

Напоследок следует заметить, что бурная биография капитана Эрладеса на этом не заканчивается. Как старый приятель Конана по пиратским забавам на Полуденном Побережье, сей достойный муж получил от нового государя Аквилонии назначение в Морской Коллегиум нашего королевства — киммериец, используя старые связи и королевское влияние, отыскал успешного состариться Эрладеса и пригласил на службу Высокой Короне. Теперь капитан трудится на поприще восстановления и укрепления морского флота Аквилонии, почти полностью уничтоженного в темную эпоху правления Нумедидеса.

Одно плохо — в других странах смертные приговоры Эрладесу так и не отменили (поскольку безобразничал он с фантазией и королевским размахом...) и выезжать за пределы владений Трона Льва капитану категорически не рекомендовалось.

Впрочем, историю совместных приключений Конана и прославленного зингарца я расскажу как-нибудь в другой раз. Не будем отвлекаться от главного.

Карта Ванских островов была создана капитаном приблизительно восемь-девять лет назад и на сегодняшний день полагается самой подроб-

ной. На своей «Эль Рите» Эрладес обошел все девять крупных островов архипелага, составляя карты побережья и отмечая все необходимое — течения, фарватеры, подводные скалы, измеренные лотом глубины. На четырех островах капитан высаживался, пытаясь нарисовать планы суши, но в этом деле знаменитый моряк был на удивление небрежен....

Глядя на карту можно понять, что береговая линия Вадхейма весьма причудливо изрезана — остров напоминает эдакую гигантскую морскую звезду с пятью лучами-щупальцами, вдающимися далеко в море. Двадцать два фьорда, четыре открытых бухты. От полуночного берега до полуденного — сорок восемь лиг. Два горных хребта.

К сожалению, более ничего полезного из плана Эрладеса извлечь невозможно — капитан не утруждал себя подробным исследованием острова и план изобилует белыми пятнами. Собственно, даже горы и единственная река Вадхейма набросаны на карте весьма схематично и я уверен, что их истинное местоположение значительно отличается от указанных Эрладесом. Зато полно лощманских указаний, в которых я, как человек пассивно сухопутный, ничегошеньки не смыслю.

Если верить карте, когуд Хререк привел наши корабли в длинный узкий фьорд, рассекавший «щупальце морской звезды» на полуденном восходе острова. Стоянка, бесспорно, удобная — мы укрыты от ветров скалами, во фьорде вода спокойна даже в сезон штормов, долина покрыта

сосновым и еловым лесом. Но как прикажете приступать к поискам клада, совершенно не представляя, где он находится? Остров-то маленький, размерами превосходит иное аквилонское графство... Боюсь, наше предприятие превратится в поиски иголки в стогу сена.

Оно и к лучшему!

Почему «к лучшему»? Я уже и сам не рад, что затеял эту дурацкую авантюру. Одно дело — устроить невинный розыгрыш, и совсем другое — ввести в заблуждение высших государственных управителей Аквилонии, которые устроили экспедицию на Вадхейм. Кроме того, мне становится не по себе от мысли о том, что я стал причиной гибели многих людей из охраны короля — не затей Хальк Юсдаль казавшуюся тогда забавной игрой под названием «найди клад Нифлунгов» они были бы сейчас живы и здоровы!

Затем, меня очень беспокоят мрачные пророчества маркграфа Ройла — Ройл уверен, что клад (который якобы «одушевлен» или вроде того...) сам ползет к нам в руки и, соответственно, новые владельцы легендарных сокровищ Тразариха огребутся сказочным проклятием по всей форме — означенное проклятие достанется нам в наследство вместе с кладом...

Следующая трудность: наши таинственные соперники, уже несколько раз пытавшиеся уничтожить отряд. Однако, великий король Сигиберт, отличавшийся не только воинственностью, но и мудростью, говаривал — «Включи действия врага в свои планы и сделай так, чтобы враг те-

бе помогал. Тогда победа окажется в твоих руках!» Сиречь, если достоверно выяснится, что клад не выдуман и действительно находится на Вадхейме, с помощью хитроумного Тотланта придется измыслить интригу, в результате которой таинственное сокровище окажется в лапах конкурентов. Таким образом мы избежим действия проклятия и, заодно, через посредство клада, расправимся с нашими недоброжелателями. Но как это сделать?

...Сегодня вечером у меня нет совершенно никакого желания утруждать свои мысли планированием интриг и авантур. Будем отдыхать после утомительного морского перехода и знакомиться с окружающим нас суровым полуночным миром. Тем более, что два единственных человека, обитающих на Вадхейме, представляют для меня, как мужа ученого, несомненный интерес.

* * *

— Ардарих, Визимар, Гизульф, другой Гизульф и Теодагаст — на ночную стражу! — надрывался военный вождь наших союзников-вези Геберих, сын Атанариха, пытаясь навести порядок в лагере. — Алгимунд с Юнгеригом присматривают за лошадьми! И чтоб в оба глаза! На ремни порежу!

Темнело, но суета в деревне Одадь-фьорда не утихала. Задача была не из легких — разместить, накормить и согреть дружину Гебериха, наш поредевший после стычки с пиктами на

Унере аквилонский отряд, а заодно и морских воителей Хререка. Между прочим, сам конуг непрерываемо заявил, что завтра с утречка он берет оба дракона и отправляется в поход вокруг острова. Во-первых, на море конугу спокойнее, чем на «недоброй земле», во-вторых он собирается отыскать наглецов, пытавшихся потопить нас прошлой ночью, и устроить им примерную выволочку. Охранять кнорры, остающиеся на стоянке в Одадь-фьорде останется разудалый племянничек конуга, Сигвальд, да еще полтора десятка мечей.

Возражений Хререк не принял, хотя и принимал в расчет то, что у неведомых соперников на попреще кладоискательства в отряде есть маг, по силе не уступающий Тотланту. С присутщим всем нордлингам фатализмом конуг сказал, что боги, мол, его дружину в беде не оставят. От дальнейших уговоров я и Конан отказались — Хререка не переспоришь, ибо славный конуг упрям, как целое стадо ослов и самонадеян, будто десять аквилонских королей...

За минувший день вези успели наскоро подлатать длинные дома и притащить из близлежащего леса достаточно дров. Геберих, памятуя о том, что ищем клад не мы одни, выставил стражу на случай непредвиденных и неприятных визитов.

Удобнее всего устроились, разумеется, Конан Канах вкупе со свитой. Дружинных Гебериха и аквилонцев из «Дикой сотни», пытавшихся навязаться на ночлег к ведьме, Алафрида безогово-

рочно выставила вон из своего жилища, вполне справедливо заявив, что по законам древнего благочиния неженатые воины должны жить отдельно от женщин в «мужском доме». Тот факт, что женщин в Одале было всего две (сама старуха и Тюра) Алафриду совершенно не смутил — нельзя, и все тут! Исконное отеческое благочиние попирать не дозволю!

То, что в доме наличествуют абсолютно неженатые Конан, Тотлант, я, и Темвик (ярд Торольв был единственным, кто в нашей компании оказался обременен многочисленным семейством, оставшимся в Тарантии), ведьма запросто объяснила уважительным отношением к высоким гостям из-за моря.

Пока мы обедали, слепая хозяйка сочла нужным рассказать свою историю, оказавшуюся не столь уж и трагичной. Когда люди покидали Одадь-фьорд, Алафрида решила остаться — не захотела уезжать с острова, на котором родилась. Тогда она еще не была совершенно слепа и видела одним глазом, а потому сочла, что сумеет прожить свои последние годы и без сородичей.

Замечу, кстати, что у нордлингов отношение к ведьмам отстраненно-опасливое, по нордхеймским племенным законам колдуньи не должны оставаться в деревнях, а обязаны уходить в леса или пещеры, жить отшельницами. Таким образом одиночество Алафриде было привычно с юности, когда у нее обнаружился редкий магический дар и военный вождь Одадь-фьорда вку-

пе со старейшинами принудили девушку навсегда покинуть поселок.

Да, обитатели Одаля могут ходить к ведьме за лекарственными травами, оберегами или гаданиями, но сама колдунья не должна появляться возле человеческого жилья, дабы не накликать беду на Одаля! Таков древний закон и не нам его нарушать!

После ухода нордлингов на Материк, Алафрида перебралась в брошенную деревню, заняла самый лучший дом, прежде принадлежавший конугу, и одна прожила в Одаль-фьорде около пятнадцати зим. Скверно было другое — бельмо постепенно затягивало единственный зрячий глаз, не помогали ни травяные настои, ни магия. Когда старуха почти окончательно ослепла, на Вадхейме неожиданно появился...

Хлопнул притвор, в дом ворвалась струя холодного и сырого весеннего воздуха. На пороге образовался один из молодых дружинных Гебериха — кажется, его зовут Визимаром. Тьфу, язык на этих варварских именах сломаешь!

— Конан-рикс, мы соглядатая поймали! — бодро сообщил Визимар. — По кустам, паскуда прятался, высматривал!

Алафрида вскинулась и нахмурила лоб:

— Ну-ка, любезный мой, приведи этого соглядатая в дом, — скомандовала ведьма таким властным тоном, что Конану оставалось только кивнуть, подтверждая указания Алафриды. Старуха проворчала под нос: — Хорошо, хоть поймали, а не на меч насадили... Уверена — это мой

постоялец. Других чужаков в Одаль-фьорде быть не может!

— Пустите! Да отпустите же, говорю вам! Я живу здесь! Дикари! — эти крики мы услышали задолго до того, как таинственного незнакомца весьма грубо втокнули в дверной проем. — Ублюдки! Варвары!

Вопил человек на чистейшем аквилонском, периодически сбиваясь на нордхеймский. Наконец, дверь распахнулась, Визимар отвесил изловленному злодею роскошного пинка и тот влетел в обиталище Алафриды, будто камень из пращи. Споткнулся, упал у ног поднявшегося с лавки Конана.

— Кыш отсюда, бездельники! — обращаясь к своим, цыкнул Геберих, которого мы пригласили на трапезу. Визимар и еще двое дружинных состроили обиженное выражение на скуластых физиономиях, однако подчинились.

— Я ж предупреждала, — спокойно сказала Алафрида, потянув носом. — Постоялец...

— Та-ак, — протянул Конан, поднимая человека за плечи. — Прошу, почтенный, простить за столь невежливое обращение. Мы, знаешь ли, имеем основания опасаться чужаков.

— Ак... Аквилонцы? — сказал, запнувшись, «постоялец» нашей ведьмы. Недоверчиво оглядел нордхеймский наряд Конана, перевел взгляд на меня — я сохранил верность столичным традициям, оставшись в синем бархатном колете пошитым по последней дворянской моде.

На вид незнакомцу было лет пятьдесят. Свет-

лые умные глаза, окладистая бородка, бывшая когда-то рыжеватой, а теперь превратившаяся в сиво-седую. Не худощав, но и не толст — скорее, крепок. Одет, как и положено на холодной Полуночи, в меха и кожу — видно, что одежду шил сам, слишком неумелый покрой. На поясе — пустые ножны от охотничьего кинжала (само оружие наверняка отобрали Визимар сотоварищи). Ладони в крови, однако кровь не свежая, а засохшая — скорее всего, звериная.

— Вы кто, аквилонцы? — повторил человек.
— Вы приехали... приехали за мной?

— Да, мы из Аквилонии, — я решил, что настало самое время вступить в разговор. — Хальк, барон Юсдаль-младший из Гандерланда, советник короны, к вашим услугам.

— Советник... короны? — ошарашенно переспросил неизвестный владелец книг и сундука. Понимаю его удивление — сей титул является высоким даже в тарантийской дворцовой иерархии, а уж встретить эдакого вельможу на необитаемом полуночном острове? Это чересчур! — Зачем было посылать за мной столь важную персону?

— Прости, почтенный, но мы прибыли на Вадхейм по своим надобностям и совершенно не ожидали увидеть здесь соотечественника, — раздельно сказал я. — Могу я узнать, с кем имею честь беседовать?

— Э... Да, конечно... Руфус, граф Оргайл, некогда — магистр Высоких Искусств тарантийской Обители Мудрости. Приговорен коронным

судом в вечной ссылке за подготовку покушения на государя Нумедидеса Эпимитрея. Поместья и лены проскрибированы в пользу казны... Собственно, месьюры, я — злодей короны. Простите, но я подумал, что меня могли помиловать, и вы прибыли...

— Руфус из Оргайла? — я с размаху плюхнулся на лавку, будучи не в силах устоять на ногах. — Боги Всеблагие, тебя все считали погибшим и давным-давно оплакали! Как же, я учился в Обители как раз во времена, когда ты преподавал! Отлично помню твои лекции по аквилонской истории и искусству риторики!

Бывший граф Оргайльский нахмурился, помолчал и затем тихо-тихо ответил:

— Рад, что меня еще не забыли... Прошло девять с лишком лет... Или зим, как говорит госпожа Алафрида.

— Судебное решение по твоему так называемому «заговору» давным-давно отменено новым королем! — на едином духу выпалил я. — Полное помилование тебе и твоим «сообщникам!» Тебя просто не смогли найти и решили, что ты умер! В управе стражи потеряли бумаги, в которых отмечалось место ссылки!

— Приговор отменен новым королем? — зачарованно произнес магистр Руфус. — Нумедидес умер? Его сменил Дион? Помилование?! Значит, я могу вернуться домой? Невероятно!

— Отвечаю последовательно, — вмешался Кониан. — Нумедидеса свергли во время военного переворота в 1288 году, граф Дион... хм... скон-

чался. Династия Эпимитреев прервалась. Если его милость советник короны утверждает, что ты помилован, значит так оно и есть — говорят, будто барон Юсдаль является одним из самых осведомленных людей в государстве.

— Но... Месьоры, что в таком случае вы делаете на Вадхейме?

— Ищем клад Нифлунгов, — деревянно сказал Тотлант. — По приказу короля.

— Ага, значит клад... — покивал головой ссыльный граф, совершенно не обратив внимания на слово «клад», поскольку неожиданные новости из Аквилонии сразили его подобно молнии. — Скажите, но если Эпимитреи больше не правят королевством, то кому ныне принадлежит Трон Льва? Пуантенской династии?

— Видишь этого хмурого парня? — фыркнул я, указывая на киммерийца. — Позволю себе представить государя всея Аквилонии, Конана Первого, из Канахов. А Просперо Пуантенский сейчас вице-королем...

Руфус из Оргайла медленно опустился на скамью возле Алафриды, бесстрастно слушавшей разговор. Изрек слабым голосом:

— Ничего не понимаю. Советник короны, король... Король Конан из Канахов? Это же киммерийское имя! Господа, пожалуйста, объясните подробно! Я понимаю — ложь несовместима с дворянской честью, но мне кажется, будто вы меня разыгрываете.

— Тут разыгрывают отнюдь не тебя, — буркнул Тотлант, бросив на меня язвительный взгляд.

Я исподтишка показал стигийцу кулак. — Но мы будем счастливы, граф, в деталях рассказать все, что знаем... И, в ответ, рассчитываем на твою неограниченную помощь...

* * *

Не устаю удивляться, насколько причудливы могут быть капризы судьбы и сколь извилисты дороги, ведущие человека сквозь жизненные тернии! Казалось бы я только вчера видел Руфуса, графа Оргайльского, в фиолетовой с золотым шитьем мантии магистра Высоких Искусств на кафедре Обители Мудрости, а сегодня... Сегодня бесстрастный жребий богов предуготовил нам встречу на затерянной в Океане скале, позабытой силами горными и навеки покинутой человеком!

Руфуса постигла незавидная участь, хотя в годы правления Нумедидеса далеко не он один подвергся преследованиям со стороны власти придержащих особ. Ни для кого не секрет, что аресты, ссылки и казни в ту, ныне почти позабытую, эпоху были столь же обыденной частью жизни Аквилонии, как недобор в казну, дождь или неурожай — приспешники прежнего короля расправлялись со всеми неудобными без малейшего стеснения и даже не придавали своим действиям вид законности.

Подающий надежды ученый муж, происходивший из древней боссонской семьи Оргайлов, тоже попал под топор — его должность в Обите-

ли Мудрости приглянулась одному из родственников тогдашнего канцлера Редрика, а кроме того Руфус давно был внесен в списки «неблагонадежных» за порицающие высказывания в адрес короля и монаршего двора. Разумеется, не заметил появиться донос, графа арестовали, а за компанию с ним стрели и полтора десятка иных преподавателей и вагантов, бывших на заметке у личной тайной службы его светлости Редрика.

Костоломы из ведомства канцлера умели выбивать признания быстро и надежно — все арестованные моментом подтвердили, что умышляли злодейское истребление правящего монарха через подсыпание в вино порции крысиного яда, желали возвести на Трон Льва узурпатора, злокозненно продавали государственные тайны немедийцам, промышляли черным колдовством, якшались с нечистой силой и шпионили в пользу Вендии. Словом, обычный и неизящный набор обвинений.

Четверых из шестнадцати признавшихся во всех злодеяниях преступников Высокий Суд Короны отправил на эшафот, прочих либо сослали к демонам на куличики, либо ввергли на каторжные рудники.

Руфусу и повезло, и не повезло одновременно — он остался жив и не угодил на каторгу, но распоряжением начальника тайной службы приговоренного к пожизненной ссылке отпрыска влиятельной дворянской семьи уpekли аж в Нордхейм, за пределы Аквилонии. Разрешили

взять с собой несколько книг и немного вещей. Ликторы тайной службы доставили графа в Рагнарди, откуда как раз уходил корабль в сторону Ванских островов, на китовый промысел. Поскольку у ликторов имелся строжайший приказ «отправить государственного изменника на поселение в наивозможное удаление от рубежей аквилонских», офицер тайной службы попросту заплатил капитану судна и настрого указал оставить сего преступника на необитаемом острове. Китобой-нордлинг оказался честен (как, впрочем, абсолютное большинство моряков с Полуночи) и высадил аквилонца на Вадхейме, пообещав Руфусу, что по возвращению в Рагнарди известит представителей Аквилонии о том, где теперь будет обитать злодей короны...

С тем китобой отбыли, а граф Оргайл вынужден был устраиваться на новом месте, ясно сознавая, что эта ссылка равнозначна смертному приговору — зиме на Вадхейме пережить будет невозможно.

Но фортуна от Руфуса не отвернулась, удачно замаскировавшись под ослепшую ведьму, жившую в пустующем поселении, на которое Руфус наткнулся спустя несколько дней после появления в пределах острова. Как человек многоученый, граф знал наречие нордлингов и быстро нашел с Алафридой общий язык — старуха согласилась обучить ссыльного аквилонца премудростям жизни в землях полуночи, где зима длится по полгода, а Руфус стал «глазами» Алафриды. Вначале, правда, Алафрида сердилась

из-за того, что какой-то чужеземец нарушил ее привычное уединение, но вскоре поняла все выгоды, которые может принести неожиданное соседство со скромным и молчаливым графом, способным подлатать (пусть и неумело) дом, наловить во фьорде рыбы или принести с охоты битую птицу — как и всякий дворянин, граф Оргайл был искушен не только в мудреных науках, но и в охотничьем искусстве.

Так Руфус оказался «постояльцем» старой колдуньи. Он не терял надежды, что однажды его помилуют и на горизонте появится парус корабля, который отвезет незадачливого магистра обратно в Аквилонию, однако на протяжении девяти лет Одадь-фьорд не посещало ни единое судно. И вот, с пугающей внезапностью, на голову Руфуса обрушились аж сам новый Аквилонский король со свитой и варварской дружиной, а заодно и множество новостей, кажущихся настолько неправдоподобными, что у почтенного графа ум за разум заходил...

— Я, знаете ли, полюбил Вадхейм, — неторопливо повествовал граф, смакуя настоящее пуантенское вино, привезенное нами из Рагнарди. — Тут замечательная природа, много необычных животных, которых на материке почти истребили... Подождите, сейчас покажу кое-что!

Руфус вскочил, сбегал в свой угол и принес тяжелый том в самодельной деревянной обложке. Конан вежливо слушал, но по его нетерпеливому взгляду я понял, какие вопросы его киммерийское величество жаждет задать магистру.

И крепко уяснил, что эти вопросы вскоре прозвучат.

— Госпожа Алафрида научила меня делать бумагу из папоротниковых стеблей, — смущенно пояснил Руфус. Он вообще очень нас стеснялся, видать, отвык от человеческого общества. — А чернила я добывал из морских моллюсков, это несложно. Смотрите!

Граф с тихой гордостью положил перед нами тяжеленный фолиант. Я, обуянный всепоглощающей страстью библиотекаря к книжным редкостям, открыл рукопись и прочитал на первом листе заголовок, выведенный твердой рукой ученого мужа:

«Полное совокупное описание острова Вадхейм, что в Закатном океане, с подробными сообщениями о его географии, Универсумах растений, птиц и зверей, а с тем и указания на все чудеса и необычности, в обозначенном островном мире протекающих, коим я был свидетелем и очевидцем».

— Оч-чень любопытно... — ворчал я, листая книгу, пестревшую как записями, так и вполне умелыми рисунками и картами. — Уникальный труд!

— Шесть лет работы, — сообщил Руфус. — Надеялся, что в один прекрасный день, пусть даже после моей смерти, книгу найдут и переправят на Материк... Я описал здесь почти каждый камень, каждое дерево... Учил, сколько на Вадхейме обитает редких зверей, где гнездятся птицы, прилетающие на лето, наблюдал их привычки и повадки. Имею смелость предположить,

что самые лучшие географы Аквилонии не написали бы мироустройство сего острова лучше меня!

— Так-так, — король побарабанил пальцами по грубым доскам стола. — Птички и зверюшки, конечно, нас тоже весьма интересуют, но... Там, в заглавии, сказано про какие-то чудеса и необычности. Что почтенный граф Оргайльский подразумевал под этими словами?

— Ах, государь, все незаселенные человеком земли таят в себе великое множество загадок, не поддающихся осмыслению, — безразлично отмахнулся Руфус. — Я делал заметки о событиях, наверняка имеющих магическую природу, но поскольку волшебством никогда прежде не интересовался...

Конан одарил меня убийственным взглядом, в котором ясно читались слова: «Этот олух за девять лет мог раскопать пятьдесят кладов Тразариха, а он лишь умилялся пташками и крольчатами! Убивать надо таких мудрецов!»

Если Конан имел хоть какое-то представление об этикете и понимал, что немедля расспрашивать Руфуса о сокровищах будет слегка неприлично, то Геберих, как варвар, предрассудками цивилизации не стесненный, не выдержал и бухнул напрямик:

— Уважаемый, а как насчет клада? Клада Нифлунгов, который здесь спрятан? Ты его, слушаем, не находил?

Реакция хозяев дома меня обескуражила. Старая Алафрида внезапно ошерилась и зашипела,

будто змея, а Руфус побледнел и медленно-медленно сказал:

— Не советую.

— Что — «не советуешь»? — сдвинул брови Конан, насторожившись.

— Не советую туда соваться. Никому и никогда.

— Куда соваться? — настаивал киммериец.

— В Долину Дымов, как я называю это место. Простите государь, но я весь день был на охоте, очень устал и хочу спать. Благодарю за ужин и вино.

Руфус неожиданно забрал свою книгу, развернулся, решительно зашагал в дальний угол дома и скрылся за занавесью. Алафрида утихомирлась и скорбно покачивала головой.

Наступило неловкое молчание. Мы озадаченно переглядывались, гадая, что могло вызвать столь резкое недовольство ведьмы и ссыльного графа.

— Я прожила на этом острове сто четыре зимы, — внезапно сказала Алафрида. — Всякое повидала. И голод, и набеги ваниров на Одальфьорд, и подземный огонь, истекавший из глубин. Людей помню всяких — героев, о которых слагали саги, подлых убийц, вроде Ульфа из Лососиной долины, мудрых старейшин и золотых скальдов... Но доселе ни разу не встречала таких дураков, как вы. Прости за злое слово, Конан-конуг. Уплывайте из Одаля. Завтра же.

— Постойте... — раскрыл было рот король, однако Алафрида встала и побрела к своей лав-

ке, давая понять, что более общаться с нами не желает.

— Вот и поговорили, — вздохнула Тотлант и осторожно добавил: — Конан, может быть действительно, завтра поплывем с Хререком и...

— Заткнись, — сквозь зубы процедил киммериец.

— Но я не думаю...

— Вот и не думай! Ложимся спать. Утром разберемся. Если кто испугался — отправляйтесь вместе с конугом, я никого силком не принуждаю. Ясно?

Мне было ясно то, что самые худшие предположения маркграфа Ройла вновь получили подтверждение.

Чего могут так бояться престарелая колдунья и вынужденный отшельник? Уж точно, не серых волков!

* * *

Спать мне совершенно не хотелось, а потому я закутался в теплый плащ, вышел из дома и направился к берегу — послушать шум прибоя, поглядеть на яркие звезды и поразмыслить в одиночестве.

В нашем импровизированном лагере пылали костры, возле которых грелась ночная стража, где-то слева похрапывали лошади. Чернели силуэты драконов и кнорров. Было прохладно — изо рта шел пар, ладони мерзли и я спрятал руки под меховую накидку.

Однако, в покое меня не оставили — услышав скрип гальки под подошвами, я обернулся и увидел знакомый силуэт. Тотлант.

— Терзаешься муками совести? — ядовито пикнул стигиец, остановившись рядом. — Может быть, надумал утопиться? Могу помочь повесить камень на шею. Желательно, потяжелее, чтобы не всплыл потом...

— Рад слышать от старого друга столь душевные словеса, — огрызнулся я. — Что делать будем, Тотлант?

— Не знаю. Понимаешь ли, Хальк, я не чувствую близкого присутствия опасной чужеродной магии — конечно, островок этот необычен, но... Я умею определять потоки магической силы, и могу твердо сказать: магии как таковой на острове нет. Если, конечно, не считать берегов, которые сделала Алафрида — но в амулетах заключено самое обычное человеческое волшебство, причем не особенно сильное. А Темвик, в отличие от меня, за сегодняшний день прямо-таки извелся! Говорит, будто ощущает присутствие чего-то крупного и опасного.

— Интересно... — я пожал плечами. — Маг ничего не чувствует, а оборотень твердит об опасности. Ты не пытался подробно расспросить Темвика?

— Ничего определенного он не сообщил. Неясные подспудные страхи.

Я подумал и сказал:

— Давай рассудим: если проклятие Нифлунгов не имеет магической природы, то какова же

она? Тотлант, ты опытный знающий волшебник и должен разбираться в... Как бы это сказать? В разновидностях проклятий.

— Ничего сложного в этом нет, я же тебе рассказывал... Проклятие может заключаться в наведенном на определенного человека черном заклинании, которое действует постоянно, приносит непоправимый вред и в конце концов приводит к смерти объекта проклятия. Во-вторых, проклинать могут боги и жрецы — на проклинуемого действует воля божественная. Исход — аналогичен: смерть. В третьих, проклятие может наложить и некое Высшее существо — дракон, демон. Все остальные случаи проклятий являются только исключениями из этих трех главных правил.

— Может быть, в истории с кладом Тразариха как раз и действует некая исключительная сила? — спросил я. — Нифлунги погибли тысячу с лишним лет назад, тогда действовали иные законы, нам неизвестные.

— Именно этого я и боюсь...

Со стороны деревни внезапно послышался многоголосый гомон — ругань, выкрики, но не опасливые, а скорее, удивленные. Мы обернулись, всматриваясь в полутьму.

— Что-то случилось, — нервно сказал Тотлант, и начал растирать ладони — стигиец всегда разминал пальцы, готовясь в таинству совершения колдовства. — Пойдем проверим, вдруг Конану и Гебериху нужна помощь?!

— Постой! — я схватил волшебника за плеч,

а левой рукой указал наверх, в небеса. — Что это, по твоему? Видишь свет?

Довольно далеко от берега, не менее чем в десяти лигах, над гористой частью острова неожиданно-негаданно появилось блеклое разноцветное свечение. Вначале я подумал, что перед нами так называемое «Небесное Сияние Полночи» — красивое и совершенно безобидное природное явление, частенько случающееся над полуночными землями Материка. Я несколько раз видел Небесное сияние в Пограничье и во время путешествия в Гиперборею, да и над родным Гандерландом оно иногда появлялось, особенно холодными зимами.

Однако, разворачивающееся загадочное представление можно было назвать Небесным сиянием только потому, что цветные картины возникали высоко в воздухе, над горами. И создавала это зрелище отнюдь не природная сила!

Я с оторопью наблюдал, как в неизмеримой высоте (не меньше полулиги, а, возможно, и больше!) открылось некое великанское окно овальной формы. Его обод наливался пронзительным лазоревым светом, в самом овале мелькали неясные тени, со временем приобретшие более четкие очертания — человеческие фигуры, лошади; нам показали сцены каких-то битв, корабли, похожие на драконы конуга Хререка... Слух различил неясное потрескивание, похожее на звук грозовых разрядов, опутывающих громоотводы на крыше королевского замка Тарангии во время сильной бури.

— Портал? Портал, показывающий события прошлого? — спросил Тотлант у самого себя. — Я знаком с подобными штучками, но я вновь не чувствую никакой магии, а для создания подобного портала требуется огромное количество волшебной силы! Это явление имеет совершенно неизвестную мне природу! И почему портал создали так высоко в небе?

— Кажется, перед нами наглядное пособие по истории Нифлунгов, — сквозь зубы процедил я, наблюдая за людьми с древних доспехах, стоявших перед неким рыжебородым властителем, облаченным в драгоценную хламиду, с вызывающей роскошью изукрашенную самоцветами. Затем картина вновь сменилась — груда золота и камней, потом — разбитый корабль-дракон, горы, окровавленный труп человека, которого мы только что видели в одеждах короля... — Нас, скорее всего, хотят предупредить — убирались бы вы, незваные гостишки, подобру-поздорову, иначе ваши могилы дополнят собой некрополь царя Тразариха.

— Не думаю, — мотнул головой стигиец. — Скорее, дело обстоит прямо наоборот — Нечто, обитающее на острове, показывает: «Сокровища здесь, приходите и забирайте!». Гляди, гляди!

Цветные картины помутнели, овал превратился в зеленоватое световое пятно, по которому пробегали золотые блески и начал быстро менять форму — я различил силуэт странного летучего создания. Вначале решил, что над островом кружит огромная птица, но разве у птиц

растут сразу четыре лапы и бывают кожистые крылья, смахивающие на крылья летучей мыши?

— Дракон, — убежденно сказал Тотлант. — Не виверн, не амфинтерн, и не скадус... Герольм — сиречь, дракон геральдический, самый опасный из летучих змеев.

— Не самый, — возразил я, зачарованно наблюдая за кульбитами бесплотного золотистого дракона, выписывавшего круги над горами. — Конан мне рассказывал, как несколько лет назад познакомился в Зингаре с драконом Геллиром — последним крылатым змеем-герольмом. Геллир, если верить королю, оказался милейшим и безобиднейшим существом. Вроде бы он улетел на Восход и поселился подальше от людей, в Железных холмах, что полуночнее гирканских степей... Откуда здесь взяться дракону, тем более — золотому?

— Никакой он не золотой, — шикнул стигиец. — Присмотрись — у этого призрака черное тело, а желтоватым является свет, который он испускает!

Представление закончилось — дракон вдруг рассыпался на тысячи блесков, начавших медленно опускаться вниз, образуя слабо мерцающее облако, устроившееся на вершине одной из дальних гор.

— Ни-че-го не понимаю! — по слогам сказал Тотлант, повторив данную фразу в тысячу первый раз. — Хоть кол мне на голове тешите, хоть на мелкие кусочки режьте! Если отвергнуть вер-

сию о портале, следовательно мы видели магическую иллюзию. Но для создания оной опять же требуются заклинания, магия!

— Пойдем к королю, — решительно потребовал я. — Уверен, Конан тоже вылез из теплой постели, чтобы понаблюдать за этим спектаклем.

Я был непогрешимо прав — все наши соратники, включая большинство дружинных Гебериха и Хререка толпились перед домом Алафриды, тыкали пальцами в сторону светящейся слабой желтизной горной вершины и на разные голоса обсуждали увиденное. Присмотрев Тотланта вези почтительно посторонились — он колдун, шаман, повелевающий незримым миром, вот пускай и разбирается в чудесах, обычному человеку непостижных!

— Идите отдыхать, — не растерялся стигиец, привлекая всеобщее внимание. — Ничего страшного не случилось! Это всего лишь иллюзия, морок. Ничего опасного!

— Что вам почтенный маг толкует?! — рявкнул Геберих. — Сказано — опасности нет!

Дружинные, недоверчиво качая головами и переговариваясь начали медленно расходиться. Нас с Тотлантом подозвал Конан.

— Вот что, драгоценные мои, — буркнул киммериец. — давайте-ка устроим маленький военный совет. Только не в доме — хозяйка спит как младенец, а беспокоить столь почтенную женщину не следует: еще напустит икоту на нарушителей благочиния, все-таки ведьма... Геберих, Торольв! Тащите-ка бревна к костерку, на них и

устроимся. Кто-нибудь, кликните Хререка, конуг на корабле ночевать устроился. Темвик, принеси бурдюк с красным вином — ночь холодная...

* * *

«Военный совет» проходил под божественной защитой. В пяти шагах от костра торчали три лупоглазых деревянных истукана — вояки Гебериха не поленились припереть с собой из родного бурга изваяния Вотана, Доннара и Бальдура и теперь поганые идолища оберегали стоянку отряда. Язвительный Тотлант немедленно наименовал троицу свирепых, полуночных духов «походными божествами» и сказал, что в следующее путешествие обязательно захватит с собой изваяние Сета. Геберих, однако, шуток стигийца не понимал и сердился — как же можно идти в дальний поход без благословения Незримых обитателей Скандзы? «Скандзой» у народа вези именновалось обиталище богов — некое подобие Вальхаллы нордлингов.

Доказывая, что богопочитание вовсе не является для него пустым словом, Геберих (военный вождь, когда нет жреца, сам исполняет жреческие обязанности) еще вечером сделал подношение Незримым: вымазал истуканам морды медом, вином и кровью диких гусей, которых принес с охоты Руфус Оргайлский. Во время поимки ссыльного графа Визимаром, гуси были у него отобраны и тотчас пущены в дело — у варваров ни одна вещь не пропадает просто так, все

должно быть использовано. Боюсь, столь безоговорочный практицизм однажды позволит варварским народам завоевать весь мир...

Кстати, Геберих попросил Тотланта (как мага, а, следовательно, и жреца — разницы в этих понятиях вези не понимал) самому принести требы идолищам — мол, так богам будет приятнее. Стигиец едва отбрехался, заявив, что Вотан с Доннармом наверняка обидятся, если жертву принесет не природный вези, а чужак, вдобавок поклоняющийся другим божествам.

Так или иначе, сейчас все три древних бога стояли за нашими спинами, молчали и следили за людьми слепыми круглыми глазами.

— ...Кажется Алафрида собирается поутру нас ненавязчиво выставить, — говорил Конан, глядя в пламя костра. — Не спорю, это право хозяйки фьорда и мы должны его уважать. В конце концов, погрузимся на корабли и пристанем к берегу в другом месте.

— Мое мнение прежнее, — быстро ответил Тотлант. — Надо быстро возвращаться на Материк. На Вадхейме обитает что-то — или кто-то — очень нехорошее.

— Но ведь ты утверждаешь, будто на острове нет никакой магии? — повернулся к волшебнику аквилонский король.

— Да, утверждаю, — кивнул стигиец. — Однако, стоит напомнить, что не одна лишь магия может быть опасной. Конан, что тебе дороже — призрачное золото, или собственная жизнь вкупе с нашими жизнями?

— Прежде всего мне дороги жизни и благополучие моих друзей, — насупившись, ответил киммериец. Конан, похоже, слегка обиделся на Тотланта — разве можно усомниться в том, что варвар променяет дружбу на презренный металл? Такого никогда не было и не будет! — Но и отступать я не намерен! Перед нами стоит загадка, возможно — мрачная загадка. Теперь меня интересует не столько золото царя Тразариха, сколько отмщение людям, напавшим на мой отряд в долине Унеры и убившим моих людей. Тотлант, может быть это представление в небесах было устроено магом наших противников? Чтобы нас запугать?

— Сколько можно повторять! — в сердцах воскликнул стигиец. — Не было магии! Не было!! Это — другое! Что именно — не понимаю! Спросите лучше Темвика!

Взоры всех присутствующих обратились к молодому оборотню, скромно устроившемуся на краешке бревна, рядом с неизменной Тюррой.

— Темвик? — позвал Конан. — Я знаю, что оборотни владеют чувствами, недоступными никому из людей, включая волшебников. Твое мнение о случившемся этой ночью? И вообще, о всем происходящем?

Оборотень глубоко вздохнул, беспомощно посмотрел на Тотланта, и, слегка запинаясь, ответил:

— В общем, так... Конан прав: народ Карающей Длани изначально владеет некоторой долей так называемого «звериного волшебства». Сиречь

— возможностью ощущать близкое присутствие иных живых существ. Или не-живых... На Вадхейме, где-то к Полуночному закату от фьорда, — Темвик указал в сторону устья долины, — обитает Нечто. Я не могу уяснить себе его сущность — оно одновременно и живо, и мертво. Оно огромное... В смысле, очень большое... Больше ничего сказать не могу.

— Так, — кашлянул Конан. — Давайте рассмотрим, что мы имеем? А имеем мы некое «огромное», «большое», «живое» и в то же время «не-живое» нечто. Правильно, Темвик?

— Правильно, ваше величество.

— Кто может сказать, какое существо в этом мире может отвечать всем приведенным определениям?

Тишина. Вся компания — библиотекарь, маг, два военных вождя, конуг Хререк, оборотень, и племянница ярла Торольва молчат. Только ветер посвистывает в скалах да слышен отдаленный шум волн во фьорде.

— Чересчур расплывчато... — высказался Тотлант. — Не знаю.

— Ясненько, — сплюнул киммериец, — Попробую ответить сам, используя собственный опыт. Если окажусь не прав — опровергайте. Соображение первое: мы имеем дело с неким неизвестным демоном, живущим на острове со времен Кхариин.

— Чепуха, — отмахнулся Тотлант. — Демоны имеют магическую природу. А насчет магии на Вадхейме туго...

— Соображение второе, — продолжил Конан. — Дракон. Настоящий дракон, который охраняет сокровища Тразариха. Как в сказке, вы понимаете?

— Сказка остается сказкой, а реальная жизнь — только жизнью, — возразил я. — «Настоящий дракон», как ты, мой король, выразился, обязан быть живым существом. И кроме того, драконы владеют колдовским искусством почти в совершенстве, но поскольку...

— Забытый со временем древний бог? — настаивал король.

— Боги — любые, от Митры до Сета — олицетворение жизни, темной светлой или нейтральной ее сторон, — заметил Тотлант. — Жизнь является сущностью любого божества.

— Даже у Нергала, владыки мертвых? — удивился ярл Торольв.

— Совершенно верно. Жизнь всегда главенствует над смертью. Нергал — беспристрастный Судия, высшее воплощение Равновесия...

— Оставим в стороне теологию, — Конан выглядел недовольным и раздраженным. — Подумаем, что может быть как живым, так и мертвым одновременно. Зомби?

— «Живой мертвец», зомби, изначально мертв, — сразу ответил Тотлант. — Просто в мертвое человеческое тело вселяется злой дух, который управляет означенным телом.

— А этот злой дух — живой? — подал голос Геберих.

Тотлант задумался и, наконец, выродил:

— Да, конечно, это может быть названо своеобразной формой жизни... Соединение живого и не-живого, но лишь — соединение, а не объединенная сущность, понимаете? Моя одежда, по большому счету, суть мертвая материя, но вы воспринимаете плащ или рубаху как мою неотъемлемую часть, хотя это неверно. Мы вполне можем существовать и друг без друга, по отдельности. Ясно? Мы не составляем неотъемлемого единства. Я могу ходить голый, а одежда будет преспокойно лежать в сундуке. Точно так же и с зомби — мертвое тело есть лишь своеобразная «одежда» бесплотного духа.

— Тупик, — развел руками киммериец. — Это свечение в небе, живые картинки, дракончик... Давайте приведем в порядок наши мысли, достойные месьюры. Заглянем в самую глубину. Во-первых, нам известно, что царь Тразарих тысячу триста лет назад спрятал на этом острове проклятое сокровище, а проклятие повлекло за собой гибель его народа. Во-вторых мы знаем, что проклятие не связано с магией, магическими или божественными существами. В-третьих, граф Оргайльский и ведьма Алафрида что-то знают о тайнах острова. Предлагаю взять Руфуса из Оргайла за шиворот и выбить из графа все, что ему известно. Тогда мы хоть немного разберемся в этой шараде. Откажется — подпишу новый указ о его пожизненной ссылке. И отправлю куда-нибудь на материк Му, чтоб глаза не мозолил.

— Не надо хватать меня за шиворот, — уста-

лый голос Руфуса раздался столь внезапно, что я вздрогнул. — И не надо ничего «выбивать», а тем более подписывать никакие указы.

Бородатый граф вышел из-за истукана Донна-ра, за которым прятался. В руках — книга. Та самая.

— Ваша светлость изволили подслушивать? — Конан оскалил в нехорошей улыбке все свои зубы.

— Именно, государь. Я подслушивал. Прошу простить.

— Тогда присоединяйся к беседе, — фыркнул варвар. — Геберих, передай бурдюк графу Оргайлу!

— Я отвык от вина, — сказал Руфус. — Не стоит. Напьюсь пьян, скажу лишнего... Господа, ваше величество... Вы не представляете, во что ввязались! Вы вступили в игру, в которой выигрывает только тот, кто с честью погибнет. Да, я нашел клад Тразариха. И отказался от него. Зачем мне здесь столько золота — бросать в воду, выплавлять наконечники для стрел или украшать дом?

— Ты знаешь, где находится клад? — спросил напрямик Геберих.

Расчетливый Хререк, не проронивший доселе ни слова, остался неподвижен. Остальные навестили уши.

— Конечно, знаю. За минувшие годы я обошел Вадхейм вдоль и поперек, узнал большинство тайн острова... И познакомился с тварью, оберегающей сокровища Нифлунгов. Хотите, я все расскажу?

— Хотим, — усмехнулся король.

— Учтите, я всего лишь желаю вас предостеречь. Предостеречь от неминуемой гибели, которую несет обладание кладом. Сокровища легендарного Тразариха не принадлежат людям.

— Это всего лишь страшные слова, — Конан, как и всегда, оставался невозмутим. — Присаживайтесь, граф. Мы вас внимательно слушаем!

Над Одадь-фьордом восходила голубоватая луна — полнолуние миновало три ночи назад и теперь казалось, что небесное светило глядело на остров с ехидно-злой усмешкой. Вокруг луны виднелся багровый ореол — дурной знак...

Глава 3

Темвик, первая история

Танцы с волками

о. Вадхейм.

21-22 дни Первой весенней луны 1293 г.

Кверно мне здесь... Насколько хорошо я чувствовал себя в открытом море, на замечательном боевом корабле-драконе конуга Хререка, настолько же мне отвратительно на твердой земле, вроде бы являющейся родиной всех разумных рас, включая оборотней, гномов, людей, гулей Рабириков или иных удивительных существ паселяющих Закатный Материк.

Скажите — чего удивительного в человеке? Человеке, ныне владычествующем над всем Обитаемым Миром? Спрошу в ответ: а что для вас, людей, удивительно в оборотнях? В подгорных гномах? В разумных грифонах? В наследниках

древнейших альбов — гулях? В кентаврах из боссонского Ямурлака? В гигантских василисках, наподобие ставшего знаменитым после событий Полночной Грозы Тлакочауаки — древнейшего существа нашего мира, родившегося в момент Сотворения?

Вот то-то же! Каждый доброжелательный чужак интересен.

Кроме страшного чужака, что засел в горах Вадхейма.

Я его боюсь. Смертно.

Почему? Да очень просто! Подумайте сами. Допустим, на вашей улице, живет людоед. Вы знаете, что он людоед, знаете, что он может на вас напасть и вас сожрать, предварительно посолив и поперчив, но не знаете, как он выглядит. Единственное ваше знание — людоед рядом. Со всем неподалеку. Но где именно — неизвестно. Просто рядом...

Обычному человеку, знающему, что людоед неподалеку, достаточно взять в руки топор, сказать своим родственникам, чтобы следили за дверьми и окнами и ждать нападения. Или атаковать самому.

Но как атаковать, если не знаешь — кого?

Вот и я не знаю. Я честно сказал королю, Хальку и Тотланту, о том, что чувствую. Но я не ведаю главного — чем именно является Нечто, угнездившееся в горах Вадхейма. Не человек, не зверь, не демон, не бог. Но что тогда? Какой неизвестный доселе монстр поселился на забытом острове?

Не знаю.

Одно могу сказать — на Вадхейме я могу совершенно довериться лишь старой уважаемой женщине, Алафриде. Ведьма владеет чистым, добрым волшебством природы, которое существовало с того момента, когда наш мир всплыл в реальность из незримого Чертога Первичных Пространств Пустоты — изначальной родины существующей Жизни.

Раскрою небольшую тайну: оборотни способны видеть этот Чертог и ходить по его лабиринтам, именуемым в нашем народе «Бездной, Связывающей Всё».

О большем не спрашивайте — так или иначе не смогу объяснить. Это надо чувствовать, а не видеть...

...А оно, то самое *Нечто*, ждет. И ждать ему осталось недолго.

* * *

Если вы подумаете, что граф Руфус хоть самую малость развеял мглу таинственности вокруг пресловутого клада Тразариха, то глубоко ошибетесь.

Никто не спорит — ссыльный аквилонский дворянин, томясь от беспросветной скуки, подошел к изучению Вадхейма с тщательностью и скрупулезностью достойной всяческого уважения. Его рукопись изобиловала наиподробнее картами, на планах отмечены рощи, перелески, овраги и даже вымерена глубина давно по-

гасших вулканических кратеров. Что характерно, «Долина Дымов», которой Руфус нас страшал во время ужина, оказалась тщательно прорисованной на отдельном листе, а описание оной долины пестрело сообщениями наподобие: «Горячий гейзер, наименованный мною «Лисьим Хвостом», исторгает кипящую воду по четыре раза за световой день и дважды ночью, фонтан же поднимается в воздух на высоту пятидесяти локтей или около того...».

Впрочем, Хальк раскопал в книге Руфуса и куда более интересные заметки, которые, однако, без разъяснения графа звучали довольно бессмысленно: «...Он снова приходил. На сей раз принял облик покойного государя Вилера, с коим я был дружен в прежние времена. Полагаю, Он имеет возможность неким странным образом проникать в человеческие мысли и видеть мои воспоминания. Говорили недолго — я попросил Его уйти... Алафрида тотчас окурила наше жилище дымом тлеющих трав и корешков, якобы отгоняющим злых духов».

Любопытно, правда?

— Впервые я встретился с Ним на второй год по прибытии на Вадхейм, — рассказывал Руфус притихшим слушателям. — Летом я начал исследовать остров, поскольку тяготился бездельностью и жаждал открыть для себя новое — согласитесь, что отрезанный от Закатного Материка клочок суши никто никогда не изучал подробно... На третий день после Летнего Солнцестояния я находился возле перевала, ведущего в глубину острова. Это место находится приблизительно в девяти лигах от Одаля. Запоедал в пе-

щерке. А утром... Он сидел на камне рядом с моим убежищем. Признаться, я вначале не поверил своим глазам — откуда может взяться человек на необитаемом Вадхейме?

— Может быть ты пояснишь — кто это «Он»? — уточнил барон Юсдаль.

— Он многолик... О Его истинной сущности я могу лишь догадываться, — Руфус смущенно пожал плечами. — Тогда передо мной оказался седобородый старец в сером плаще и темно-синей островерхой шапке с широкими полями. Посох, клинок на боку — очень дорогой меч, я разбираюсь в оружии. Он спросил на асирском наречии, кто я такой. Пришлось представиться — даже в такой дикой обстановке на стоит забывать о хороших манерах. Но более всего меня поразило Его имя — Он представился как Вотан, сын Бо-ра. Понимаете?

Геберих и копуг Хререк одновременно и удивленно воскликнули:

— Вотан? Ты сказал — Вотан?

Отлично пошимаю удивление наших варваров — Вотан является одним из самых почитаемых и могучих богов Полуночи. Если верить легендам, он частенько появляется в мире людей; по крайней мере абсолютное большинство героев нордхеймских саг встречали Вотана именно в таком облике: старый мудрец в сером плаще и с посохом.

— Я тоже был весьма обескуражен, — признался граф Оргайл. — Не подумайте, я верю в богов, однако никогда не полагал, что бога мож-

но увидеть так запросто, в горном лесу, на козьей тропке! Услышав мое имя, назвавшийся Вотаном человек встал, развернулся и ушел по тропе, ничего больше не сказав. Я побежал к Алафриде, рассказал о странной встрече, но ведьма ответила, что я видел не бога и не человека, а... Призрака. Морок и наваждение. Хотя, замечу, призрак этот был до невозможности материален — я потом осмотрел окрестности, на мокрой траве замечались четкие следы сапог, а на ветке орешника я нашел серую нить от его плаща.

— Ты наблюдателен, Руфус, — скупно похвалил графа Конан. — И что было дальше? Вы потом встречались?

— Он навещал меня пять-шесть раз за год. Под самыми разными личинами — принимал облик старых друзей, исторических личностей; однажды явился под маской моего отца. Иногда мы разговаривали — в основном он расспрашивал меня о событиях в Аквилонии, о войнах последних десятилетий, но о себе самом ничего и никогда не говорил. Заметил только, что живет на острове нескитанные столетия.

— И ты его не боялся? — недоверчиво спросил Хррек. — Это ведь нежить, оборотень!.. Прости, Темвик, я не хотел тебя обидеть этим словом.

— Ничего, я не обижаюсь, — отмахнулся я. Было гораздо интереснее слушать Руфуса, чем обращать внимание на случайные оговорки.

— Самое страшное и пережил в Аквилонии, после ареста, — ответил граф Оргайл. — Поте-

рял все — дом, родных, честь, имя... Какой смысл бояться призрака?..

— А что говорила о нем Алафрида? — осведомился Тотлант. — Она живет на Вадхейме целое столетие и должна знать, кто обитает на этой земле!

— В том-то и дело, что никаких внятных объяснений от хозяйки я не добился, — с разочарованием в голосе сказал Руфус. — Алафрида вообще не слишком разговорчива, хотя иногда на нее находит — может целыми вечерами на память читать нордхеймские саги и легенды, многие из них я внес в рукопись, можете потом почитать... Хозяйка сказала то, что и я вам говорил — не ходи в Долину Дымов, а если призрак появится, гони его поскорее прочь, поскольку от существ иномировых добра не жди. Кстати, Он никогда не приходил в дом Алафриды — находил меня в лесу или на горных тропах... Однако я не уверен, что Он боялся ведьму. А сама Алафрида делала вид, будто кроме нас двоих на острове никого нет. Предпочитала Его не замечать.

— Хорошо, — перебил Руфуса король. — Судя по твоим словам, можно сделать вывод, что это странное существо, способное менять облик, разговаривать и проникать в мысли человека, не несет никакой опасности! За все минувшие годы Он не сделал тебе ничего дурного, просто являлся поболтать... Боги Всеблагие, Кром Громовержец!

Киммериец вдруг схватился за голову и обвел взглядом Тотланта и Халька.

— Такое предположение может показаться невероятным, — выпалил Конан, обращаясь к своему библиотекарю, — но все мы знакомы с одним типом, который тоже умеет превращаться в человека! И не использует при этом магию! Понимаете о ком я говорю?

— Митра Всевидящий, сохрани и убереги, — побледнел барон Юсдаль. — Тицо! Хозяин Небесной Горы, повелитель Зеленого Пламени! Неужели...

— Маленький мерзавец после побега из Тарангии мог вернуться не в Боссонский Ямурлак, а спрятаться на Вадхейме, — продолжил Конан. — Если маркиграф Ройл прав и клад Нифлуингов действительно служил лишь приманкой, способом заставить меня покинуть Аквилонию...

— Остановитесь, — Тотлант сделал властный жест ладонью. — Конан, Хальк, вы перемудрили! До 1288 года Тицо спал в своем ямурлакском убежище, и той же осенью был развоплощен монстром, вызванным из Черной Бездны волшебником Тот-Амоном. Руфус утверждает, что впервые встретился со здешним призраком в 1285 году, сиречь за три года до пробуждения Повелителя Небесной Горы. Не подходит. Самое простое объяснение далеко не всегда является самым верным! И вообще — хватит все наши беды валить на злосчастного пришельца из Дальних Миров! Я убежден: Тицо вновь погрузился в спячку в Ямурлаке и не вылезет из своей берлоги долгие столетия!

— Может, на Вадхейме живет его родствен-

ник? — Конан уяснил, что возникшее предположение не оправдано, однако сразу отказываться от своих мыслей было не в характере короля. — Дядя, брат какой-нибудь?..

— Конан, это исключено! — горячо возразил Хальк. — Тицо сам говорил, что раса звездных путешественников крайне немногочисленна и в нашем мире нет его сородичей. Я склонен Тицо поверить. Замечу, однако: мы набрали на верную догадку! «Призрак» Вадхейма может иметь природу, похожую на сущность Тицо. Сиречь, Он не принадлежит Универсуму Хайбории. Чужак, обладающий силой, весьма похожей на проявления волшебства, но волшебством в то же время не являющейся.

— В те самые времена, когда достойного графа Оргайла сослали на Вадхейм, я хаживал в ватаге Охотников на Монстров, всем известных Ночных Стражей, — задумчиво сказал король. — Намему отряду помогал в работе вампир. Точнее — каттакан. Существо из другой обитаемой Сферы, пришедшее в Хайборию через Врата Миров, через портал. Портал внезапно захлопнулся и каттакан вкупе с несколькими сородичами остался в нашем мире, они здесь прижились, но частью нашей Вселенной так и не стали... Мало ли чужих существ бродит по дорогам Хайбории? Одни пришли через порталы, когда большинство из них действовали, другие явились к нам как Тицо — из Тьмы Внешней... Словом, месьюры, хватит толочь дерьмо в ступе! Все сказанное нами — ничем не обоснованный домысл. Ру-

фус, объясни, почему мы должны опасаться твоего дружка-призрака?

— Он — искунитель, — мрачно сказал граф Оргайл. — Умный, расчетливый искунитель, обладающий исключительными возможностями. Между прочим, я мог бы стать королем Аквилонии вместо... Вместо вашего величества.

— Это как так? — усмехнулся Конан.

— Что больше всего привлекает людей? — задал Руфус философский вопрос. — Власть и золото, дающее власть. Если у тебя достаточно золота, можно купить весь мир. Ну хорошо, почти весь... А золотом Он располагает в избытке. Как-то раз Он припел ко мне под личиной человека, которого я раньше искренне ненавидел — канцлера Редрика, правившего при Нумедидесе. Именно Редрик был виновен в крушении всей моей жизни, сам меня допрашивал... Не хочу об этом вспоминать. Призрак предложил: Руфус, забирай золото, я же сделаю так, чтобы на Вадхейм пришел корабль, который отвезет тебя домой. Пообещал, что команда мне подчинится, но не сказал, как это сделает... Вернувшись и используя сокровища я смогу отомстить всем обидчикам, естественно с помощью моего таинственного знакомого. Смогу вернуть себе доброе имя, взойти на сияющие вершины, отобрать у Нумедидеса корону. А Он будет помогать мне совершенно безвозмездно, лишь ради восстановления справедливости. Каково?

— И ты отказался? — вздернул брови Конан.

— Разумеется. Я не верю в абсолютное беско-

рыстие людей, а уж верить в бескорыстие существ, к роду человеческому не относящихся просто смешно... Прецеденты известны — почтите легенды и узнайте, чем обычно заканчиваются договоры между людьми и Высшими Созданиями. Однако, Он играл на самых сильных чувствах — на моей ненависти и желании увидеть торжество правды, которую попрали Редрик и присные канцлера.

— Понятно, — кивнул король. — А сам клад ты видел?

— Да, Он показал мне сокровища. В той самой Долине Дымов.

— Много?

— Уж простите, государь, не считал... Хотя, на первый взгляд золота и камней там достаточно для того, чтобы купить какую-нибудь великую державу наподобие Немедии, Зингары или Аквилонии со всеми потрохами. Признаться, я тогда подумал, что оказался в волшебной сказке — зрелище невероятное!

— Но в чем же «опасность»? — не выдержал Геберих. — Если хранитель клада сам отдает тебе сокровища да еще и предлагает свою помощь в благородном деле отмщения несправедливым людям?.. Я бы согласился, клянусь молотом Донна-ра!

— Поставим вопрос иначе, — вмешался Тотлант. — Для чего древнему и могучему существу помогать какому-то ссыльному государственно-му преступнику, пусть и несправедливо осужденному? Не верится мне, что на острове поселилась

разочаровавшаяся в человечестве богиня справедливости! Он просто хотел вырваться с Вадхейма, вернуться в открытый мир! Тут и попомнишь рассказ маркграфа Ройла о Духе Разрушения, который жаждет отомстить человечеству за гибель истинного хозяина клада!

— И Ему нужен человек, обладающий властью и влиянием, — угрюмо дополнил Хальк, — чтобы древнее проклятие оказалось наивозможно действенным, способным принести как можно более страшные бедствия. Узнав, что Руфус появился на острове, Нечто ухватило за соломинку — как-никак граф Оргайл был связан с одним из самых могучих государств мира. А когда Руфус отказался, преодолел искушение, дух клада начал действовать по-другому — проник в Аквилонию и начал подспудно подтапливать нас к поискам... Руфус, ты много рассказывал этому призраку об Аквилонии, Тарантии?

— Но я не знал, что Он будет использовать эти сведения в своих целях! — воскликнул граф. — Думал, ему просто интересно, как сейчас живут люди...

— Он, извольте видеть, «думал», — варвар стукнул кулаком по колену. — Итак, делаем выводы: у клада Тразариха есть весьма странный Хранитель. Кто он и что он такое — мы не представляем. Расплывчатое слово «проклятие» ничего не объясняет. Задам вопрос всем присутствующим: у кого-нибудь есть соображения, как можно забрать клад и одновременно навсегда избавиться от его стража?

— Никак, — сразу ответил граф Оргайл. — Сокровища и призрак неразделимы.

— Это мы еще посмотрим, — чуть угрожающе сказал Конан. — Все, хватит без толку чесать языками! Завтра будет трудный день.

— Вы, месьюры, спрашивали в чем опасность? — громко спросил Руфус. — Отвечу напрямик: опасность в том, что один из вас поддастся искушению...

По моему, на эти слова Руфуса обратили внимание только Хальк, Тотлант и я сам. Прочие наши соратники были варварами, а значит руководствовались безоговорочным практицизмом — если кладом владеет враг, врага надо убить, а сокровища отобрать.

Боюсь, Конан и варварские вожди крупно ошибаются, и мы за эту ошибку поплатимся.

Возвращаясь в дом, я снова взглянул на отдаленные горы. Сияние почти исчезло, но я всем нутром чувствовал, как Нечто наблюдает за нами. Пристально и бесстрастно.

* * *

Утро началось с деловитой суматохи. Хререк выполнил свое обещание — ни свет, ни заря оба дракона конуга покинули Одадь-фьорд. Нордхеймский вождь взял с собой большую часть дружины и запас продовольствия, сказав Конану, что вернется приблизительно через пять ночей, если, конечно, не случится ничего неожиданного. Под «неожиданностями» подразумева-

лась стычка с нашими возможными соперниками, которые могли пристать к берегам Вадхейма в другом месте.

Ведьма Алафрида, проснувшись раньше всех, одарила Хререка полудесятком своих оберегов в виде молоточков Доннара и грубовато выплавленных из серебра лошадок, дала какое-то напутствие и явилась обратно в дом, где вся компания кладоискателей изволила завтракать.

— Значит, собираешься пойти к Нидхоггу и забрать его сокровища? — напрямик спросила старуха у Конана.

Король едва не подавился.

— К кому? — откашлявшись переспросил киммериец. — Как ты сказала, почтенная?

— Надо же, вроде бы родился на Полночи, а древние висы о сотворении мира не знает! — с высокомерным сарказмом проскрипела Алафрида. Столь ироничные речи можно услышать только от очень старых людей, полагающих всех остальных неразумными детишками. — Неужто не знаешь, кто грызет корни Мирового Древа, кое есть стержень, удерживающий мир в равновесии?.. Впрочем, это не мое дело. Хочется — иди. Только не принеси проклятие в мой дом.

Больше ничего путного от ведьмы добиться не удалось — Алафрида замкнулась и не отвечала на вопросы, а потом просто ушла в лес.

— Хозяйка хоть и слепа, но все окрестности знает наизусть, — сказал граф Оргайл, когда Хальк забеспокоился — господин советник боялся, что старица заблудится, упадет в яму или на

нее нападут дикие звери. — У Алафриды свое, особенное зрение, она научилась видеть мир через совокупность звуков, запахов, ощущений. Я вначале тоже боялся оставлять ее одну и надолго уходить из Одаля, но потом уяснил — Алафрида не пропадет. А насчет диких животных?.. Поверьте, барон, любой зверь в этих лесах Алафриде не опасен.

— Про что она говорила? — хмурился Конан. — Кто такой Нидхогг? Слово это, безусловно, нордхеймское. Кажется, я его слышал раньше, но никак не могу вспомнить смысл.

— Есть одна древняя сага... — начал было Руфус, но в длинный дом с грохотом ворвался Геберих вкупе с двумя десятниками дружины.

— Конан-рикс, лошади готовы! — военный вождь вези так и сочился нетерпением. — Поклажу навьючили. Отправляемся? Две дюжины мечей я оставляю в Одале, сторожить корабли вместе с воителями Хререка, для них все одно нет лошадей — на кнорр много коней не возьмешь.

Из-за широкой спины здоровенного Гебериха вынырнул еще один варвар — племянник конуга, Сигвальд. Вообще-то дядюшка оставил присматривать за кноррами именно Сигвальда, но какой же нордлинг откажется поучаствовать в опасном приключении!

— Конан, я оставил вместо себя Асмунда — кормчего! Могу я поехать с тобой? Как ближний родич Хререка, тоже имеющего интерес в общем деле?

Король, оглядев Сигвальда, на миг задумался и я понимаю почему. Родственничек и наследник грозного морского конуга был прямой противоположностью рослому и невероятно сильному Гебериху — совсем невысокий, едва ли три с четвертью локтя (Конану по грудь), худощавый, белобрысый: волосы, брови, ресницы — все белое. Внушительного впечатления не производит, пускай дядюшка и берет Сигвальда в походы с двенадцати лет. Сейчас ему вроде бы около восемнадцати.

— Хререк ругаться не будет? — снисходительно ответил Конан. — Ладно, согласен. Только с лошадьми у нас...

— А я легкий! — расплылся в улыбке Сигвальд. — Не то, что на лошади — и на лисице уеду!

Варвары, услышав от Конана, что отряд выходит спустя квадранс, отбыли. Король устоялся на Руфуса Оргайлского, выглядевшего неприкаянным и совсем несчастным.

— Граф, предлагаю попутешествовать с нами, — запросто сказал киммериец. — Ты отлично знаешь все тропы на Вадхейме, сможешь предостеречь от возможных опасностей. И, в конце концов, получишь свою долю...

— Свою долю проклятия Нифлунгов? — буркнул Руфус не глядя на Конана. — Государь, я всегда был добрым подданным аквилонской короны, и если вы облакаете эти слова в четкий и недвусмысленный приказ короля...

— Облакаю, — величественно бросил Конан.

— Поверь, Руфус, мне все больше и больше не нравится эта история. Но я обязан разобраться! Понимаешь — обязан! Я обещал, что Геберих и Хререк получают вознаграждение за труды, а платить им из тощей казны Тарантии будет накладно. Но не это самое важное. Я просто очень люблю разгадывать загадки... Алафрида не обидится, если мы уедем не попрощавшись? Нет? Тогда обязательно захвати свою книгу, пригодится!

* * *

Вадхейм чуточку напоминает Пограничье, за единственной разницей — наше захудалое королевство не имеет выхода к морю, мы со всех сторон окружены континентальными державами: Аквилонией, Немедией, Гипербореей и Британией.

Если забыть, что позади осталось серо-свинцовое ущелье Одадь-фьорда, то я бы запросто перепутал Вадхейм с далекой родиной. Горы, весьма похожие на Граскааль, ельники, сосны, растущие на скалах. Возле речки, стекающей с ледника, возится прошлогодний медвежий выводок во главе с могучей бурой мамашей, совсем недавно поднявшейся от спячки — медведи не обращают на всадников никакого внимания, отвыкли от человека и не считают двуногих опасными существами.

Конный отряд движется гуськом — настоящих дорог, понятно, на острове нет, только звериные тропы. Впереди едут Конан и Руфус, ука-

зывающие направление, сразу за ними покачиваются в седлах Тотлант и барон Юсдаль, мы с Тюрой заняли место вслед за «Дикой сотней» ярла Торольва. Геберих со своими удалцами замыкают процессию. Сигвальд пристроился к отряду вези — нашел родственные варварские души, да и Геберих смотрит на молодого нордлинга почти как на младшего братишку.

Весна на Полуночи больше похожа на аквилонскую зиму. Ночами случаются сильные морозы, кругом лежит почти нетронутый таянием снег — сугробы подтаивают только на солнечных склонах, но в лесу мы встречали снежные завалы высотой в рост человека.

Живности довольно много. Мелкое зверье, вроде хорьков или зайцев, в расчет можно не брать, но я заметил двух рысей, ужасно отщавшего одинокого волка, гурт оленей, а однажды Тюра обратила мое внимание на огромные круглые следы — будто на равнине кто-то поставил бочки донцем вниз, а потом убрал.

— А-а-а... — протянул я, изображая из себя бывалого следопыта (каковым, кстати, являюсь в действительности — с детства бродил по лесам вместе с отцом-охотником). — Ничего особенного! Снежный слон! Ты ведь мамонтов в Нордхейме видела?

— Конечно, — согласилась Тюра. — Такой здоровенный зверь с хоботом, бивнями и рыжей шерстью. На них охотятся дикари из самых дальних полуночных племен сооми.

— Так вот: снежный слон, это такой же ма-

монт, только с белой шкурой. Зимой мамонты Закатного Материка обычно откочевывают на Полдень, в поисках пищи и тепла, а снежные слоны могут запросто жить в снегах и зимовать при самых суровых морозах. Я-то думал, они сохранились только в Пограничье!

Вскоре объявился и хозяин необычных следов — мы проезжали через пустошь, разделявшую леса предгорий, и вдруг увидели бродящий по снежному полю живой сугроб. Иначе и не скажешь! Покрытый грязно-белой шерстью слон вкуче с двумя мохнатыми детенышами меланхолично брел в сторону гор. Остановился, посмотрел маленькими красными глазками на кавалькаду и пошел себе дальше. Как и встреченных ранее медведей люди слона не заинтересовали — съесть нельзя, а нападать бессмысленно.

Руфус уверенно вел отряд к перевалу, который отделял долину Одаля от центральной части Вадхейма. Прежде я не предполагал, что океанские острова могут быть такими огромными! Отряд миновал около семи лиг, а мы доселе не покинули долину Одаля, хотя всадники неуклонно двигались вверх по склону.

Как и следовало ожидать, неприятностей мы не избежали. Да только неприятности эти были чересчур мелкими.

Для всех, кроме меня.

Не спорю, мне было приятно получить из рук короля Аквилонии орден Малого Льва за спасение маркграфа Ройла, едва не погибшего во время нападения на дворцовую библиотеку

Тарантийского замка. А перед сражением на Унере Конан специально для меня выдумал новое звание «Королевский оборотень» — сиречь, соглядатай, обладающий способностями Карающей Длани. Король даже жалование назначил — кесарий в день, тридцать кесариев за одну луну. В нашем королевстве столько зарабатывает коронный советник или начальник государственной управы.

— Темвик! — эхом пронеслось по цепочке. — Темвика из Пограничья — к королю! Немедля!

Отряд почему-то остановился. Прямоком посреди леса.

Мы с Тюррой переглянулись, прищипорили низкорослых нордхеймских лошадок и, обойдя «Дикую сотню» ярла Торольва оказались в голове процессии. Конан, Руфус, Тотлант и Хальк спустились с седел и с интересом взирали на непонятные отпечатки, оставшиеся на снегу. Опять снежный слон пробежал, что ли?

— Темвик, давай сюда! — махнул рукой король. — Погляди, что это такое?

— Следы, — уверенно ответил я, осмотрев ноздреватый снег. — Человеческие. Людей было трое, пришли со стороны полуночи.

— Привал, — громогласно скомандовал Конан, обращаясь к остальным. — Будем отдыхать, слишком долго ехали.

Затем король повернулся ко мне и сказал без обиняков:

— Превращайся.

— То есть как?

— Обыкновенно. Согласился быть «оборотнем короля», изволь выполнять свои обязанности. На Вадхейме люди не живут, верно? По крайней мере, так утверждает Руфус. Откуда тогда взялись следы? Темвик, ты спас моих людей на Унере; я и теперь полагаюсь на тебя... Не исключаю, что наши противники высадились на остров несколько раньше. Пожалуйста, выследи людей, которые здесь побывали, хорошо? Обещаю, до твоего возвращения мы из этого леса никуда не уйдем. Геберих?! Торольв?!

Оба военных вождя мигом подбежали к королю.

— Скоро вечер, — приказным тоном бросил Конан. — Скорее всего, ночевать будем здесь. Передайте своим — в волков, которые подойдут к стоянке из арбалетов и луков не стрелять! Волки — наши союзники. Убивший волка — умрет от моей руки!

Понятно. Конан знает, что оборотни умеют повелевать звериными стаями. И уповаet на мое умение — ни одно дикое животное не атакует людей, если я окажусь неподалеку.

— Готов? — зыркнул на меня киммериец и добавил, уже мягче: — Темвик, я не боюсь, но опасаясь... Пойми.

Я поглядел на Тотланта и волшебник кивнул.

Надо — значит надо. Я чмокнул в щечку Тюрру и молча ушел за купу молодых пушистых елочек. Раздеваться при всех неприлично, а перед превращением оборотню необходимо снять человеческую одежду.

Аккуратно сложив облачение под ветвями елок (Тюра потом заберет) я позвал свою звериную половину и тело моментально начало изменяться. Превращение прошло быстро и безболезненно — я являюсь оборотнем из древнейшего рода, среди моих прямых предков было лишь трое представителей человеческого племени: старинное природное волшебство Карающей Длани не могло «выветриться» и раствориться в чужой крови.

Теперь я представляю собой волка. Не матерущего вожака стаи, конечно, но все-таки настоящего волка. Серая шкура с черной полосой вдоль хребта, хвост, острые уши, белые клыки. Только глаза человеческие и аквилонский орден на шее — золотую цепочку с медальоном Малого Льва я никогда не снимал, окажись я в облике зверя или человека. Эту награду я честно заработал!

Присел на снег, принаравливаясь к новым ощущениям, почесал задней лапой шею, громко зевнул.

Из-за вечнозеленых зарослей появилась человеческая фигура. Точнее две. А еще точнее — три. Я различаю их как глазами, так и по запаху. Конан Канах, король Аквилонии, пахнет потом, как своим, так и конским, дымом костров, дорогим вином, жареным мясом. Еще различается мимолетный запах благовонных втираний, которыми пользуется его нынешняя пассия — графиня Альбиона Аэтос. Надо же, мы уехали из Тарантии много дней назад, а божественный аромат юной прелестницы сохранился доселе!

Тотлант пахнет волшебником. Иначе объяснить не могу — соединенные вместе запахи грозы, целебных трав, чего-то чужого и одновременно близкого... А запах Тюры я знаю лучше, чем собственный, со всеми оттенками.

— Идешь? — поглядев на меня сверху вниз, спросил Конан. Я вяло помахал хвостом. — Не беспокойся, мы тебя дождемся! Эх, Веллана здесь нет! Вот кого по следу пускать надо!

Я обиделся. При чем тут Веллан — разгильдяй и пьянчуга, хоть и оборотень! Я могу быть лучше десятка Велланов! Честное слово!

Скакнув в лес, я краем глаза заметил, как Тюра подняла сверток моей одежды и унесла в сторону лагеря, обустройстваемого вези и дружинниками Торольва.

И еще: вслед за мной скользнула неясная человеческая тень. Неужто Конан перестал мне доверять и послал соглядатая? Да быть такого не может! Тем более, что человек никогда не сумеет сравниться с волком!

* * *

Вот зараза! Какой же он настойчивый! И выносливый! Ничего подобного за представителями человеческого рода я доселе не замечал! Прёт за мной по бурелому, по сугробам, через овраги, словно его веревочкой привязали!

Надо выяснить в чем дело. Будьте уверены, я смогу это сделать.

Как?

Да запросто!

Я присел на палых еловых ветках и отделил душу от тела — туловище волка осталось где-то внизу, неподвижное и безгласное. Дух взлетел над лесом и скалами.

Посмотрим.

Отлично! В одной лиге на Полуночный закат обретается стая белых волков! Сородичи! В стае вожак, пять самок, шестнадцать молодых волков. Это то, что мне нужно!

Мысль-волшебство оборотня дает стае непрекаемый призыв-приказ — «Идите Ко Мне»!

Я почти вживую увидел, как рыкнул вожак, а старые волчицы начали подгонять волчков выводка прошлого или позапрошлого года. Стая быстрой рысью рванулась к сосняку, избранному мною убежищем.

Но и человек оказался не дураком — следит за мной с подветренной стороны, чтобы я запаха не учуял. Боги, как он надеется перехитрить меня в темноте? Скоро закат, а ночным зрением владеют только животные!

Преодолеть одну жалкую лигу волки могут очень быстро, куда быстрее чем всадники-люди. За время, пока старейший волк вел сородичей к моему укрытию, я успел чуток отдохнуть и определить диспозицию. Мой возможный враг (или просто шпион?) затаился в гряде валежника в сорока шагах к Полудню. Делает вид, будто его здесь вовсе нет. Хотя, не могу не отметить: он либо опытный охотник, либо учился прятаться у полевых мышей — ни единая веточка не хруст-

нет, ни прошлогодняя травинка не прошуршит. Затаился.

Ага, вот и моя стая. Вожак отменный — почти в два раза крупнее меня, шкура пышная, не сероватая, как у снежных мамонтов, а снежно-серебристая. Старшие самки несколько помельче, но тоже производят внушительное впечатление. Грозная сила!

Передвигаются волки бесшумно, будто скользя по ледяному насту. Вожак подошел ко мне.

Настоящие дикие звери не владеют разумом и словом, как люди или оборотни. Но я могу понимать «запах» волчьей мысли. Вот и сейчас до меня донесся безмолвный призыв вожака:

«Что тебе нужно, Старший Брат?»

«Ты чувствуешь человека?» — ответил я.

«Людей много... Справа, слева... Человек может быть врагом...»

«Человек где-то рядом!» — я попытался «указать мыслью» на соглядатая. Вожак понял мгновенно.

«Я знаю. Что делать?»

«Окружить, но не трогать, пока я не скажу! Напугать!»

«Мы это сделаем, Старший Брат».

Стая разбилась на маленькие отряды, по два-три волка, молодняк возглавляли старые самки. Спустя четверть квадранса, спрятавшийся в буреломе человек оказался внутри замкнутого круга сильных и крупных белых волков.

Вожак тявкнул. По сигналу старейшего волка к розово-фиолетовым вечерним небесам вознесся

тяжелый волчий вой — люди почему-то называют его «тоскливым» или «зловещим», но в действительности он означает торжество и знак будущей победы.

Волки, как я и приказал, «пугали» человека.

Что бы вы предприняли, оказавшись в кольце воющих волков? Думаю, что запаниковали бы и попытались сбежать. Однако, мой неизвестный противник оказался выдержан и не рванулся прочь со всех ног — все больше начинаю его уважать!

Человек подал признаки жизни — нервно пошевелился. А потом осторожно и медленно поднялся на ноги — пытался не спровоцировать стаю — и проорал в голос:

— Темвик! Это я! Убери своих мохначей! Я хочу пойти с тобой!

Час от часу не легче... Вот любитель приключений, чтоб его!..

Как я сразу не учуял?

«Не трогайте человека! — я передал мысль вожаку стаи и зубастый белый волк рыком командовал сородичам отойти и примолкнуть. — Нападайте только если меня ранят или убьют...»

Впрочем, я был уверен, что сейчас меня не убьют и не нанесут никакой раны. Я уже знал, кто прячется в буреломе.

Трудность была вот в чем: рядом одновременно находились стая диких белых волков, которой оборотень мог повелевать только находясь в зверином обличье, и близкий мне человек, с которым я не сумею общаться, сохраняя на себе

шкуру волка. Изберем третий путь, пускай этот путь довольно тернист...

Мгновенное преобразование, и вот, обычный зверь, похожий на серую собаку, внезапно поднимается на две ноги, лапы вытягиваются и... Нет, ничего похожего на человека не получилось — я превратился в «чудовище» (так мы сами, оборотни, называем нашу третью ипостась — промежуточное состояние между человеком и зверем). Двуногий страшный волк, обладающий речью людей. Очень не люблю быть «чудовищем» — выглядит отвратительно, но с природой не поспоришь.

Я двинулся к человеческому силуэту, теряющемуся в тени деревьев и вечернем мраке, но «соглядатай» не двинулся с места. Не испугался. Он уже видел мою «третью половину» на корабле Хререка: тем вечером мы напились и я начал показывать интересующимся способности оборотней — хвастался.

— Сигвальд? — сказал я с гулким хрипом. В образе «полуволка» я не могу говорить так, как человек — прорываются звериные нотки. — Зачем ты со мной пошел? Возвращайся в отряд!

Я не ошибся. Это был Сигвальд, сын Ивальда, брата Хререка. Какого демона он увязался? Зачем?

Невысокий беловолосый парень в кольчуге, при шлеме и мече, растерянно стоял передо мной. Боги, как он сумел преследовать меня по пятам несколько лиг? Даже здоровущие Конан или Геберих непременно выдохлись бы, не сдюжили!

— Я подумал, что тебе будет нужна помощь, — сказал Сигвальд, явно хорохорясь. И, уже куда смущеннее, добавил: — Раньше мне было стыдно перед дружинными, но теперь мы одни... Я могу сказать это только тебе, Темвик. Вот истинная правда: моя мать была оборотнем из Пограничья. Отец — человек. Я не умею превращаться, но кое-какие знания сохранил... По материнским рассказам. Можно с тобой?

Вспомним, что нордлинги не могут лгать — ложь для человека с Полуночи является несмысленным позором. Да и Сигвальд мне симпатичен — хороший парень, ищущий подвига, который воспоют скальды! К тому же отдаленный родич.

Поверить? Поверю!

Теперь мне стало понятно, почему Сигвальд был так вынослив — наша кровь! Недаром он сразу подружился со мной во время плавания на Вадхейм и постоянно расспрашивал про оборотней Карающей Длани! Пускай большинство предков нордлинга были людьми, и он потерял способность возвращать лик волка, но...

Рассудим: человек умеет стрелять из лука, биться на мече и ноже, чего животное никак не может, следовательно...

Сигвальд мне пригодится! Как человек.

Не мне — нам.

Нам — это временному союзу зверей, человека, и оборотня, как связующему звену меж человеком и волком.

— Хорошо, — сказал я. — Стая белых волков

и я идем по следу чужаков. Отстанешь, испугаешься — мы тебя бросим. Согласен?

— Согласен, — с невозмутимым достоинством истинного нордлинга ответил Сигвальд. — Куда идти?..

Белые волки отправились вслед — вожак не мог ослушаться приказа Старшего Брата.

* * *

Совершенно не понимаю, что именно понадобилось неизвестным людям в лесу долины Одаля. Разумеется, можно забраться на высокое дерево — оттуда будет хорошо видно побережье, буквально как на ладони! Не исключаю, что наши возможные недруги именно так и поступили. След вчерашний, следовательно они могли видеть корабли Хререка и дым костров.

Как оказалось, Одаль-фьорд и соседний залив, расположенный к Полуночному закату, разделяет невысокая и вполне проходимая гряда холмов. Идти, по волчьим меркам, не слишком далеко.

Сигвальд пыхтит, как боссонский тяжеловоз, однако отставать не собирается. Двуногому сложнее, чем мне и волкам — ледяная корка частенько не выдерживает человеческого веса и он проваливается в снег, но природное нордхеймское упрямство не позволяет Сигвальду бросить начатое дело. Волков, кстати, нордлинг совершенно не боится: знает, что не тронут.

Мы поднялись на самую вершину гряды. Рас-

смотреть что либо оказалось невозможным — мешали деревья, густо покрывавшие склоны холмов. Я покосился на Сигвальда и тот сразу понял, что надо делать. Такое впечатление, что он отчасти унаследовал от матери способность ощущать «запах мысли».

— Берег в полулиге, — известил Сигвальд, спустившись со столетней, в три охвата, ели. — Очень крутой откос, но мы пройдем... Во фьорде стоят два дракона, кнорр, и корабль, какие строят в Аквилонии — караком называется. Может быть, стоит захватить пленного?

Точно, Сигвальду доступен «запах мысли»! Он угадывает все, что я хочу сделать!

Нападение надо организовать с умом. Во-первых, никто не должен пострадать — я имею в виду нашу странную компанию. Во-вторых, должно изловить не простого дружинника, который наверняка ничего не знает, а кого-нибудь поважнее. В третьих, следует поостеречься магии — Тотлаит ведь предупреждал, что соперники наняли колдуна.

Наглость и быстрота — вот в чем ключ к успеху!

Пришлось возвращаться к иностаси монстра, чтобы растолковать Сигвальду, как именно мы собираемся действовать — одним обменом мыслями тут не обойдешься, человек в этом отношении заметно проигрывает зверю.

Сигвальд сделал просто — срезал кинжалом пышную еловую лапку, уселся на нее и заскользил по склону, будто на санях. Мне и белым вол-

кам пришлось куда труднее — на таком откосе можно запросто переломать лапы.

Оказавшись внизу, неподалеку от берега, где приплывшие на Вадхейм незнакомцы устроили лагерь, стая выстроилась широким полукругом и приготовилась. За чахлым кустарником и стволами сосен пылали костры — стремительно темнело.

Я осторожно подобрался к ближайшему костру. Буквально на брюхе полз, опасаясь, что меня услышат.

Это были нордлинги. Судя по речам — ваниры, из дружины какого-то Харальда Змеелова. Никогда не слышал о таком конуге. Разговоры самые обычные, ничего примечательного. Беседуют о прошлогоднем набеге на побережье Пиктской Пуцци и некоем Олафе-берсерке, зарубившем пиктского вождя.

Что у нас слева? Ага, это уже гораздо интереснее! Аквилонский походный шатер без гербов и эмблем, ветерок доносит резкий запах жаркого со специями, вина и чуть зачерствевших пшеничных лепешек, которых разогревают над жаровней. Слышны голоса — классический тарантийский выговор, его ни с чем не перепутаешь!

Теперь остается претворить в жизнь исключительно простой и (надеюсь...) вполне действенный план.

Я отполз подальше, подбежал к вожаку стаи и быстро обменялся мыслями — старый волчара моментально все понял. Наблюдавший за нами Сигвальд тихонько шепнул:

— Скоро?

Я утвердительно твякнул в ответ. Надеюсь, Сигвальд не перестарается — за людьми частенько замечалось излишнее рвение в деле причинения неприятностей ближнему своему.

Нордлинг, уяснив, что веселье начинается, отправился на условленное место — к самой пологой части склона, где человеку будет удобнее всего подниматься на холм. Вожак стаи сверкнул глазами, в которых отразился свет близких костров.

Воображаю, как это выглядело со стороны! Из темноты леса в лагерь неожиданно ворвались почти два десятка рычащих стремительных теней — волки перепрыгивали через костры, сшибали с ног людей, пытавшихся схватиться за оружие валили наземь и цапали на предплечья или лодыжки. Две волчицы постарше грозно завывали в стороне от шатров, нагоняя страх.

Паника вышла знатная, смотреть приятно! Обычно, волки не подходят к огню, а тут — извольте видеть! — взбесившаяся стая буквально перевернула стоянку вверх дном!

«Быстрее, быстрее! — думал я. — Скоро люди схватятся за самострелы и арбалеты, и тогда нам не поздоровиться!»

Вожак и еще пятеро волков буквально снесли шатер, в котором находились люди, говорившие на аквилонском, насмерть перепугав обитателей палатки. В панике человек обычно начинает действовать в прямой противоположности с логикой — вместо того, чтобы бежать к кострам или

на берег, в сторону кораблей, двое или трое аквилонцев ломанулись в лес.

Теперь началась классическая волчья охота. Вожак вместе со своими зверюгами отсек одного из беглецов от остальных и погнался к склону — я заметил, что этот человек был толст и хорошо одет: бархатный камзол, дорогие сапоги, на поясе кинжал с золотой рукоятью. Воспользоваться оружием толстяк даже не подумал — тоненько привизгивая от страха он карабкался наверх, пытаясь оторваться от твякавших позади мохнатых чудовищ.

— Привет! — перед запыхавшимся брюханом будто из-под земли вырос Сигвальд, затаившийся у корней сосны. — Ты что, испугался этих милых собачек?

— А... Я не... — оторопело заикнулся аквилонец и сей же момент Сигвальд приласкал его по темечку подобранной в лесу дубиной. Толстяк как подкошенный повалился на снег, нордлинг ухватил его за шиворот и потащил на вершину холма. Воображаю, как ему тяжело!

Шум в лагере постепенно утихал — волки исчезли так же быстро, как и появились. Насколько я понял, среди моих хвостатых приятелей потеря не было, ни одного волка даже не поранили. Отлично!

Сигвальд деловито разрезал плащ бессознательного аквилонца на полосы и связывал их в постромки — предполагалось, что двоих или троих волков мы заставим тащить пленного на импровизированных санях из еловых лап. Не на

своем же горбу доставлять его под ясные очи обожаемого монарха?

Я подошел к Сигвальду, обнюхал нашу пузатую добычу и обомлел: запах сей мне был очень хорошо знаком по недавним приключениям в Тарантии!

Вот уж не думал, что я встречу с Дораном Простецом в этом немыслимом захоластье! Иштар Милостивая, это никакой не необитаемый остров, а настоящий проходной двор!

— Готово, — выдохнул Сигвальд, закончив возиться с постромками. — Темвик, надо быстрее возвращаться! Его обязательно начнут искать, если уже не начали! Зови своих волчар, упряжь готова.

Меня вдруг передернуло — незримое Нечто, следившее за нами с самого первого дня пребывания на Вадхейме, было совсем неподалеку. Я услышал Его смехок будто наяву... Оно забавлялось, наблюдая за копошением смертных..

Глава 4

Хальк, второй рассказ

Новое владение Короны

о. Вадхейм.

22-23 дни Первой весенней луны 1293 г.

кучно... Делать было совершенно нечего — шатры поставят без нашего участия, приготовлением пищи мне, как барону и тайному советнику, заниматься не пристало, а Тотлант, с которым можно было бы поговорить, углубился в книгу Руфуса, настоятельно попросив не мешать — вдруг в этом уникальном трактате отыщутся какие-нибудь намеки на сущность Хранителя Клада?

Разговорился с Геберихом — сын рикса Атанариха, видя мою тоску, зачем-то принялся обучать меня наречию вези: развлечь пытался. Ничего не скажу, язык довольно сложный, как из-за произношения, так и благодаря огромному

количеству разных слов, обозначающих один и тот же предмет. Одно только понятие «волосы» загнало меня в логический тупик: мужская шпелюра называлась «скофта», волосы женщины — «хаздс», а шерсть животного «тагль». К чему такие сложности?

Я загрустил еще сильнее.

Во скажите, какими соображениями руководствовался Конан, отсылая Темвика по следу? Из-за внезапной остановки мы потеряли почти треть светового дня и прошли гораздо меньшее расстояние, чем рассчитывали. Я-то надеялся, что к закату мы окажемся на перевале, который отстоит от пресловутой Долины Дымов всего на шесть лиг, а завтра с утра примемся за поиски сокровищ Тразариха. И его проклятия, если быть совсем откровенным...

— Есть! — воскликнул Тотлант, заставив меня вздрогнуть. — Хальк, пойдй сюда! Граф Руфус, могу я тебя попросить откомментировать эти строки?

Волшебник ткнул пальцем в ровные строчки — насколько я понял, Руфус записал на этих страницах некую старинную сагу. Заметен очень характерный скальдический стихотворный размер.

— Что ты раскопал? — спросил я, усаживаясь рядом с Тотлантом. — тут написано про клад Нифлунгов.

— Ошибаетесь, господин барон, — Руфус близоруюко прищурился, глядя в книгу. — Я записывал эту сагу со слов Алафриды. Древнее преда-

ние нордлингов о сотворении мира и грядущей Битве Богов. Называется оно «Пророчество вельвы», сиречь одной из богинь судьбы. А-а, понятно! Досточтимый Тотлант увидел слово, которое так заинтересовало короля!

Стигиец процитировал вслух:

— Древо Миров однажды падет
Корни его Нидхогг пожрет
Черного змея клыки
Точат его основанье...

— Нидхогг, Черный Змей, одна из сил, разрушающих мир, — кивнул Руфус. — Мифология нордлингов очень богата ужасными персонажами. Ётуны — огненные великаны, снежные великаны турсы, корабль Конца Света, выстроенный из ногтей мертвецов... Мороз по коже, честное слово! Саги Нордхейма, на мой взгляд, являются просто огромным набором страшилок, к которым цивилизованный и ученый человек должен относиться скептически.

— И все-таки, что такое или кто такой Нидхогг? — переспросил я.

— Древняя демоническая сила, имеющая облик дракона с черной чешуей, — пожал плечами граф Оргайлский. — Если верить мифам Полуночи, наш мир являет собой эдакое огромное дерево, Игграсиль, на ветвях коего мы все живем. Когда Нидхогг изгрызет корни, Древо Мира начнет засыхать и однажды рухнет. Следовательно, этот мир прекратит свое существование. Однако,

саги дают нам надежду — якобы двое людей выживут и сохранят один из ростков Иггдрасиля, который однажды снова разовьется во вселенский ствол, поддерживающий новый, очищенный от скверны мир. Признаться, я отношусь к этим легендам только как к жутким сказкам. Месьоры, мы ведь образованные люди, разве можно верить...

— Можно, — я оглянулся и увидел Конана, стоявшего за нашими спинами. — Руфус, большинство авторов саг, скальдов Полуночи, предпочитают выражаться иносказаниями. Нельзя воспринимать легенды буквально. Значит, на острове обитает тот самый Нидхогг? Черный Дракон?

— С чего ты взял? — поморщился Тотлант. — Магия...

— Да сколько можно повторять! — вспылила Конан, хлопнув себя ладонью по бедру. — Алафрида предупреждала, в небесах вчера мы видели призрак дракончика! Все сходится! При чем тут магия или ее отсутствие? Возможно, мы встретились с таким древним демоном, что его магия не имеет никакого отношения к магии нынешней и поэтому ты, Тотлант, не можешь ее распознать!

— Иносказания... — повторил Руфус. — Сага утверждает: Нидхогг пожирает корни Мирового Древа, сиречь подрывает основы мироустройства. Месьоры, ответьте, что сейчас, в наши времена мы подразумеваем под словом «мироустройство»?

Я, поразмыслив, ответил:

— Вопрос довольно сложный, но, вероятно, это понятие включает в себя объединенные воззрения людей на государство, религию, торговлю, магию и прочие главнейшие составляющие человеческого бытия.

— Ага, понял! — воскликнул Конан. — Взаимосвязь, верно? Государство не может существовать без торговли и купечества, а последние без защиты короля не сумеют свободно вести дела, не опасаясь грабежей и разбойников. Митрианские монахи не в состоянии влиять на умы поданных Аквилонии, если не будут чувствовать поддержку высшей власти, а если народ отвергнет Свет Митры, то, поскольку вселенная пустоты не терпит, ее заместит Тьма Сета. Так?

— Всегда знал, что ты не безнадежен, — фыркнул я. — Именно! Мироустройство — это гигантский взаимосвязанный механизм, в котором каждая его часть вращается, как шестеренка на водяной мельнице, приводя в движение другие шестерни. Убери одну — и механизм перестанет работать.

— Поймите-ка! — подался вперед Тотлант. — Знаете ли, досточтимые друзья, а ведь мы сейчас путем не столь уж и сложных умозаключений выяснили суть так называемого «Проклятия Нифлунгов»! Да-да, не сомневайтесь! Главная задача Нидхогга — или как его там? — выдернуть одну из шестерней нашей вселенской мельницы! Если проклятие падет на Конана, как на владыку огромной державы, государство может рухнуть и это повлечет за собой лавину! Погибла

Аквилония? Отлично! Клад найдет новых хозяев в Немедии или Зингаре, и неважно, кто станет его владельцем — король, преуспевающий купец, волшебник, жреческий конклав... Достаточно удалить одну часть механизма и...

— Восхитительно, — проворчал Конан. — Если мы правы, то я уже не знаю, что делать дальше. Возвращаться и отступать стыдно, а продолжать поиски клада вкупе с его хранителем-повелителем-проклятием довольно опасно...

— Государы! — к нашему костерку подбежал один из киммерийцев, входивших в королевскую «Дикую сотню». — Мой король... Волки! Мы, как и приказано, не стреляли. Большая стая! Остановились в пятидесяти шагах от лагеря. Вместе с ними Сигвальд Ивальдссон пришел, просит немедленной встречи с королем...

— Откуда пришел? — не понял Конан. — Какие волки? А ну, пойдем разберемся! Хальк, Тотлант, поднимайтесь. Похоже, Темвик с сородичами появился. Только зачем он приволок с собой целую волчью стаю и что там делает Сигвальд?

* * *

Картина, прямо скажем, удивительная.

На большой поляне, чуть в стороне от нашего лагеря, полукругом сидят почти два десятка крупных белых волчар, во главе со здоровущим вожаком. Людей не опасаются совершенно, даже на факелы внимания не обращают, хотя дикие животные обычно боятся огня. Трое волков за-

пряжены в импровизированную повозку — срубленная молодая елочка, привязанная к шеям зверюг тонкими постромками. На елке возлежит связанный человек: кто-то умудрился перепеленать его руки и ноги разрезанной на полосы тканью. Рот заткнут кляпом.

Рядом с пленником восседает серый волчок с золотой цепочкой на шее. На цепочке — овальный медальон с аквилонским геральдическим львом в пятизубой короне и самоцветами. Орден Малого Льва.

Сигвальд, наследник Хререка, взмокший, потный и раскрасневшийся, буквально истекает паром на морозном воздухе. Однако, нордлинг светится от радости и сознания собственной значимости. Митра Всеблагой, что они еще на-творили?

— Р-разбойнички... — рыкнул король, оглядев диких сородичей Темвика. — И как это прикажете понимать?

— Сейчас расскажу! — заторопился Сигвальд, но король жестом приказал ему заткнуться.

— Значит так. Темвик, скажи волкам, чтобы уходили, — распорядился киммериец. — Я-то их присутствие перетерплю, но вот остальные будут чувствовать себя неуютно. Потом быстро превращайся обратно и приходи к нам. Сигвальд, тащи добычу в мой шатер! Там и поговорим.

Стая, повинувшись безмолвному приказу оборотня, скрылась в лесу. Изрядно уставший нордлинг кликнул двоих дружинников вези, которые

схватили пленника за ноги и с шуточками да прибауточками поволокли к палатке короля. Темвик убежал в шатер ярла Торольва и Тюры — возвращать себе человеческий облик и одеваться.

По ближайшему рассмотрению наш внезапный гость был устрашающе толст, обладал множеством подбородков, лысиной и перепуганными карими глазами. Любопытно, как Сигвальд и Темвик сотоварищи дотащили эдакую тушу до лагеря? Волки, небось, из последних сил выбились...

— Развяжите его, — приказал Конан дружинным. — Поглядим, что за перелетную птичку занесло на наш замечательный островок. Хальк, кстати, Ванский архипелаг ведь никому не принадлежит? Возьми перо и пергамент, набросай указ о присоединении островов к великому королевству Аквилония на правах протектората, я потом подпишу. Мне почему-то подумалось, что в таком случае я буду обладать на Вадхейме всеми правами короля, а следовательно, и высшего судьи государства... Если этот жирный хмырь причастен к нападению на отряд в долине Уне-ры и к ночной атаке на море — повесим его на вполне законных основаниях. Чтобы, понимаешь, не говорили, будто Конан Аквилонский палач и деспот, тиранящий своих добрых подданных... Ты ведь мой подданный, а? — последний вопрос относился к трясущемуся от холода и страха толстяку, которого усадили на складной походный стульчик рядом с жаровней. Под об-

пирным сидением гостя тоненькие деревянные рейки угрожающе поскрипывали.

— Подданный, подданный, — внезапно встрял Тотлант и подошел к пленному. — Да только отнюдь не самый добропорядочный. Вспоминаете меня, сударь? Разве мы не встречались в Тарантии? Вы хотели узнать у некоего волшебника, какой демон посетил очаровательную пыточную в подвале вашей усадьбы? Сейчас я могу легко ответить на этот вопрос...

В этот самый момент полог откинулся и в палатку ворвался помянутый демон, имеющий облик молодого русоволосого оборотня по имени Темвик, сын Магнуса из деревни Лерзак, что в королевстве Пограничном.

— Какая неожиданная встреча, — без лишних предисловий начал оборотень, медленно и хищно приближаясь к толстяку. — Как здоровье уважаемого Ламасара? Надеюсь, я вас не очень тогда перепугал? Конечно, было довольно странно обнаружить исчезновение пленного асира, обладающего тайной клада Нифлунгов... Да и пропал указанный асир при обстоятельствах исключительных — будто бы в волка перекинулся. Ну вот, месьор Доран из Боссонии, теперь и ты у нас в гостях...

Пленник таращился на оборотня и Тотланта с нескрываемым ужасом. Отлично его понимаю.

Мозаика мгновенно сложилась в четкий рисунок. Собственно, все главные участники этой истории были наслышаны о Доране по прозвищу Простец, а стигиец и Темвик имели несчастье

лично познакомиться с ним в Тарантии, во время кутерьмы вокруг состряпанных мною «древних кхарийских карт», якобы указывавших на местонахождение сокровищ царя Тразариха. Хотя, какое тут — «якобы»... Моя выдумка, увы, оказалась чистой правдой.

Итак, достойный месьор Доран являлся некоронрованным королем Тарантийского дна и авантюристом высшей пробы. Наверное, даже Конану в лучшие годы его карьеры контрабандиста и предводителя довольно большой шайки, было до уровня Простеца — как пешком до луны.

Граф Эган Кертис, первейший помощник главы аквилонской тайной службы отзывался о Доране следующим образом (привожу дословно): «Сей достойный муж объединил под своей рукой больше половины городских шаяк. Контрабанда, торговля лотосом, наемные убийцы, самые громкие грабежи, похищения. Весьма многогранная деятельность.

Далее: Простец невероятно умен, столь же жесток, владеет своей собственной маленькой тайной службой — завидует Латеране и пытается подражать. Причем, иногда небезуспешно. У меня есть впечатление, будто Доран трудится не ради денег, а, так сказать, ради искусства. Иногда пускается в невероятные авантюры, в которых ничего не заработаешь, но только получишь острые ощущения. Исключительно неприятный господин. Однако, вызывает невольное уважение».

— Вот сию я и думаю — насколько все-таки

интересной может быть наша жизнь, — задумчиво прогудел Конан, пристально рассматривая Дорана. — Как я понимаю, вы, благороднейший месьор Доран, прибыли на Вадхейм подышать свежим воздухом? Отдохнуть от столичной толчей? Поохотится на диких гусей? Искупаться в горячих источниках?... Чего молчишь, харя?! Понял, кто я такой?..

— Ва.. ваше...

— Да, это я. Мое величество. Суверен, так сказать, и монарх всея на свете. Ну, не всея, конечно, а только того, что располагается в границах королевства Аквилонского. И мое величество крайне огорчено! Почему спрашивается, среди тысяч моих славных подданных имеются такие засранцы, как ты? Похищать моего личного оборотня (кивок в сторону насупленного Темвика), связываться с магами запрещенного в Аквилонии конклава Черного Круга (кивок на Тотланта), нападать на королевский кортеж, подкупая при этом злокозненных пиктов, атаковать корабли моих верных союзников при помощи черного колдовства, покушаться на мою священную особу... И очень прошу, не надо думать, что на этой, позабытой всеми богами земле, я перестаю быть королем. Хальк, где указ?

— Какой? — не понял я.

— Однажды я тебя сошлю на галеры за неадекватность, олух! Что я просил тебя сделать?

— Ах, это... — я полез в тубус с пергаментом и писчими принадлежностями. Спустя несколько мгновений гербовая бумага была составлена

чин по чину — сим рескриптом ничейные Ванские острова навечно утверждались за короной Аквилонии. Только зачем нам эта груда обледеных камней? Впрочем, если Конану хочется поразвлечься — пожалуйста. — Прошу, государь!

Я с тошнотворной угодливостью подал королю пергамент и перо. Тотлант и остальные, наблюдавшие за идиотической церемонией открыто ухмылялись. Только Доран был бледен и тряс щеками.

— Во-от, — киммериец приложил к бумаге «Малую печать», которую всегда таскал с собой. — А теперь мы можем удавить месьора Дорана из Боссонии на самых законных основаниях. Или будут другие предложения?

— Разметать лошадами, — в удовольствии включился в игру Геберих.

— Не пойдет, — покачал головой Конан. — Мы не захватили с собой тяжеловозов, а обычные лошади месьора Дорана не поднимут. Еще?

— На кол посадить! — кровожадно рявкнул Темвик и фыркнул в кулак.

— Отдайте его мне, для магических опытов, — с ленцой предложил Тотлант. — Я как раз учусь превращать людей в мокриц.

— На кой нам нужна такая здоровенная мокрица? — озадачился король. — Давайте сделаем проще! Геберих, неси веревку! Вину этого месьора я считаю неоспоримой и доказанной. Приговаривается к повешению за шею до наступления смерти. Это не шутки, месьор Доран. Шутки давно закончились...

Доран не зря славился изрядной силой воли. Каким-то чудом он сумел взять себя в руки и сказал, почти не запинаясь:

— Государь... Ваше право делать со мной все, что угодно, однако... Я не предполагал, что моими соперниками окажутся столь важные персоны и поверьте — я никогда бы не осмелился... Я готов все рассказать...

— Геберих, не неси веревку! Потом. Значит, готов рассказать? Замечательно. Но сначала облегчат душу Темвик с Сигвальдом. Молодые люди, я жду подробного отчета: где и каким образом вы раздобыли этого гиппопотама? И потом, Сигвальд, какого демона ты увязался за оборотнем? Случись что с тобой — Хререк меня убьет!

Прыгая с пятого на десятое и перебивая друг друга юные авантюристы изложили историю поимки Дорана и нападения на лагерь чужаков. Если верить, нам противостояла большая сила — несколько десятков мечей.

— Харальда Змеелова я знаю, — повествовал Сигвальд. — Он морской конуг, зимует обычно в Отдир-фьорде, на Полуночи Ванахейма. Думаю, его просто наняли...

— Сейчас проверим, — ответил король, поворачиваясь к толстяку. — Может быть, месьор Доран соизволит внять просьбе короля и подробно объяснит причины, по которым он отважился на рискованную морскую прогулку? Прошу учесть: врать бессмысленно, поскольку Тотлант умеет распознавать ложь волшебством. Начнем с Тарантии — откуда ты узнал о кладе?

чин по чину — сим рескриптом ничейные Ванские острова навечно утверждались за короной Аквилонии. Только зачем нам эта груда обледе-
нелых камней? Впрочем, если Конану хочется поразвлечься — пожалуйста. — Прощу, государь!

Я с тошнотворной угодливостью подал королю пергамент и перо. Тотлант и остальные, наблюдавшие за idiotической церемонией откры-
то ухмылялись. Только Доран был бледен и тряс щеками.

— Во-от, — киммериец приложил к бумаге «Малую печать», которую всегда таскал с собой. — А теперь мы можем удавить месьора Дорана из Боссонии на самых законных основаниях. Или будут другие предложения?

— Разметать лошадьми, — в удовольствии включился в игру Геберих.

— Не пойдет, — покачал головой Конан. — Мы не захватили с собой тяжеловозов, а обычные лошади месьора Дорана не поднимут. Еще?

— На кол посадить! — кровожадно рявкнул Темвик и фыркнул в кулак.

— Отдайте его мне, для магических опытов, — с ленцой предложил Тотлант. — Я как раз учусь превращать людей в мокриц.

— На кой нам нужна такая здоровенная мокрица? — озадачился король. — Давайте сделаем проще! Геберих, неси веревку! Вину этого месьора я считаю неоспоримой и доказанной. Приговаривается к повешению за шею до наступления смерти. Это не шутки, месьор Доран. Шутки давно закончились...

Доран не зря славился изрядной силой воли. Каким-то чудом он сумел взять себя в руки и сказал, почти не запинаясь:

— Государь... Ваше право делать со мной все, что угодно, однако... Я не предполагал, что мои соперниками окажутся столь важные персоны и поверьте — я никогда бы не осмелился... Я готов все рассказать...

— Геберих, не неси веревку! Потом. Значит, готов рассказать? Замечательно. Но сначала облегчат душу Темвик с Сигвальдом. Молодые люди, я жду подробного отчета: где и каким образом вы раздобыли этого гиппопотама? И потом, Сигвальд, какого демона ты увязался за оборотнем? Случись что с тобой — Хререк меня убьет!

Прыгая с пятого на десятое и перебивая друг друга юные авантюристы изложили историю поимки Дорана и нападения на лагерь чужаков. Если верить, нам противостояла большая сила — несколько десятков мечей.

— Харальда Змеелова я знаю, — повествовал Сигвальд. — Он морской конуг, зимует обычно в Огдир-фьорде, на Полуночи Ванахейма. Думаю, его просто наняли...

— Сейчас проверим, — ответил король, поворачиваясь к толстяку. — Может быть, месьор Доран соизволит внять просьбе короля и подробно объяснит причины, по которым он отважился на рискованную морскую прогулку? Прощу учесть: врать бессмысленно, поскольку Тотлант умеет распознавать ложь волшебством. Начнем с Тарантии — откуда ты узнал о кладе?

Говорил король Тарантийского дна долго и обстоятельно, изредка прикладываясь к чаше с вином, великодушно переданной Дорану королем настоящим. Полностью пересказывать его слова на этих страницах будет излишне и посему я ограничусь лишь кратким изложением.

* * *

История Дорана оказалась перенасыщена сплетением довольно странных обстоятельств, хотя Тотлант ни разу толстяку не возразил — магия стигийца не видела лжи.

...На второй день после того, как мы с Тотлантом смастерили липовые «доказательства» существования клада, разместили «древние карты» по главнейшим книгохранилищам Тарантии и начали усердно распространять слухи о несметных сокровищах, запрятанных на Вадхейме, к Дорану пришел один из его старых деловых партнеров. Доран знал этого человека (судя по внешности и манерам, дворянина...) под именем месьора Лейна, но был уверен, что имя это вымышленное. Месьор Лейн на протяжении последних пяти лет просил Дорана выполнять некоторые не совсем чистоплотные поручения, всегда выплачивая людям Простеца (и ему самому) приличное вознаграждение за труды. Какие поручения? Ничего особенного — контрабандные товары, перевозка «особенных» грузов, скупка драгоценностей и золота в слитках, непринужденные беседы с должниками...

Доран полагал, что за спиной месьора Лейна стоит некая исключительно серьезная персона, много лет проворачивавшая в Тарантии и других крупных городах Аквилонии очень крупные аферы. Настолько крупные, что Простец диву давался — по его приблизительным подсчетам, хозяин Лейна за год получал доход не менее двухсот тысяч кесариев, и это по весьма скромным прикидкам, поскольку в большую часть подпольных игр Простеца не посвящали.

Используя связи во всех известных ему преступных сообществах Тарантии, Доран пытался узнать, чья тень маячит за спиной Лейна, однако не преуспел. А когда эти попытки стали излишне навязчивыми, Простецу интимно намекнули, что он сует нос в такие высокие сферы, и пытается наступить на мозоль таким опасным людям, что их имена не то, что произносить вслух, но и вспоминать страшно...

(Я тогда подумал, что же это могут быть за «сферы» и «люди», если даже опутавший своими сетями всю столицу Простец отступился?)

Едва Тарантия узнала о чудесном кладе, месьор Лейн объявился в поместье Дорана и подтвердил — сокровища существуют, найдены неоспоримые свидетельства. А тут еще и Темвик, сдуру сунувшийся в принадлежащий Простецу кабак, подлил масла в огонь... Лейн рассказал, что король Конан собирается отправить на Вадхейм экспедицию, обязанную отыскать клад и посланников короля надо опередить любой ценой, поскольку речь идет о фантастических цен-

ностях, общая стоимость коих стократно превышала самые смелые ожидания. Опередить людей Конана было поручено Простецу и его великолепно организованной шайке.

После того, как договор был заключен, месьор Лейн предоставил Дорану копии всех четырех карт, составленных мною и Тотлантом...

(Последнее сообщение показалось мне наиболее невероятным — три плана из четырех оказались лапах аквилонской тайной службы, не была найдена лишь одна карта, спрятанная в архивах военной управы — ее увели из под носа барона Гленнора неизвестные злыдни... Выходит, таинственный покровитель месьора Лейна способен запустить щупальца даже в Латерану! Митра Солнечный, кто же он такой?..)

Как и было договорено, месьор Лейн нанял мага из стигийского Черного Круга — колдун будет помогать во время похода за кладом, — а заодно посоветовал устранить главнейших конкурентов (сиречь — приближенных короля, организовавших свою экспедицию), но сделать это следовало максимально безболезненно: Лейн по неясным соображениям запретил кого либо убивать.

После неудачной попытки скомпрометировать барона Юсаля, которого должны были арестовать за кражу редких рукописей из библиотеки герцога Борна, в действие вступил нанятый Лейном колдун. С присущей магам Черного Круга прямолинейностью и неразборчивостью в средствах, он попросту запустил в королевский

замок Демона Огня, который и устроил пожар в библиотеке, едва не спалив весь дворец. К счастью, рядом оказались Тотлант и его знакомый волшебник, Валент из Мессантии, сумевшие остановить огонь и прогнать демона обратно в Черную Бездну.

Поскольку никто в столице не предполагал, что поход на Ванские острова возглавит сам король (об отъезде Конана из Тарантии известили только Просперо и начальника тайной службы), Доран был уверен — отряд кладоискателей составляют обычные гвардейцы из «Черных Драконов» и «Дикой сотни», а потому с ними было решено не церемониться, хотя месьор Лейн опять таки настоятельно рекомендовал не прибегать к насилию в отношении королевских слуг (я никак не могу понять причины столь трогательной заботы о нашем благополучии... Что-то здесь нечисто!). Через приграничных контрабандистов Доран связался с одним из пиктских вождей и нанял варваров, приказав задержать аквилонцев, а лучше всего — пленить и спустя некоторое время потребовать за них выкуп.

— ...Он говорит правду, — вдруг заметил Тотлант. — Пиктов подряжали не для убийства. Похоже, дикари пренебрегли приказом и решили вырезать наш отряд по собственной инициативе.

— Принимается как смягчающее обстоятельство, — бросил Конан. — Продолжай, Доран.

На предоставленные месьором Лейном деньги (сумма оказалось внушительной, но ее стократно возместят сокровища Тразариха...) была срочно

нанята дружина Харальда Змеелова и оказавшийся в той же гавани аргосский пиратский корабль — тот самый карак, который видели Сигвальд с Темвиком. Кто капитан? Ваше величество наверняка его не знают — некий Алонсо Руис из Мессантии.

— Алонсо? — у Конана просто челюсть отвисла. — Ишь, куда забрался старый негодяй! Как не знать, знаю... Паскуда редкостная, даже по меркам Барахас! Доран, это была твоя самая большая ошибка — добры молодцы капитана Алонсо, увидев сокровища, перерезали бы всех вас за милую душу! Знаешь, какая у него была кличка на Полуденном Побережье? Алносо Кишки Наружу. Есть у него милая привычка вспарывать животы своим противникам, от грудины до пупка...

— Предусмотрено, — небрежно ответил Доран. — Я же не полный идиот... Мои волчата задержали у себя в гостях двоих сыновей капитана и если Алонсо устроит неприятный сюрприз, оба прелестных малютки умрут какой-нибудь жутко неприятной смертью.

— Хороши малютки, — фыркнул киммериец. — Два мордоворота, по двадцать с лишним лет каждому... Да и гнусным характером целиком удались в папочку. Честное слово, ни по самому Алонсо, ни по его отпрыскам скорбеть не буду, даже не уговаривайте. Кстати, позавтрачай ночью мы, случайно, не ваш корабль утопили?

— Случайно наш, — огорченно покачал голо-

вой Простец. — Спаслись лишь немногие, включая мага.

— Как его имя? — осведомился Тотлант. — Я знаком со многими адептами Черного Круга, вдруг еще один знакомый отыщется?

— Он не из Стигии... Аквилонец. Принял посвящение в тайном капище Сета, неподалеку от Шамара. Ангильберт из Таброния.

— Никогда не слышал, — отрекся волшебник, а Конан воскликнул с не наигранным возмущением:

— Что творится на белом свете, а?! Куда только смотрит барон Гленнор?! Тайные капища, подданные Аквилонии вступают в Черный Круг... Кошмар! Хальк, когда вернемся, напости мне, чтобы я попенял Латеране. Вернемся, однако, к нашим баранам. Доран, а что ты скажешь насчет проклятия, тяготеющего над кладом?

— Проклятие? — усмехнулся толстяк. — Я, государь, сугубый реалист и предрассудками не страдаю. Надо отделять золото от сказок. Предпочитаю золото.

— Боюсь, золота Нифлунгов тебе не видать, — снисходительно проворчал киммериец. — А вот двадцать пять лет рудников или галер я тебе обещаю твердо — хоть жирок сбросишь. Убивать тебя пока никто не будет, пригодишься в будущем. Геберих?

— Слушаю, Конан-рикс.

— Приставь к этому господину двоих дружинников построже. Попробует сбежать — повесить. Можно не за шею.

* * *

В шатре Конана было душно и тесно. Королевская палатка, бесспорно, довольно велика, однако сейчас в гостях у достославного государя находились практически все главнейшие участники похода за кладом Нифлунгов, не исключая грустного Руфуса из Оргайла и улыбчивого Сигвальда, страшно довольного своим недавним подвигом — ничего себе, изловить настоящего злодея короны!

— Предположим, что нашими действиями и впрямь руководит Хранитель сокровищ, — вслух размышлял аквилонский король. — Этот неизвестный монстр желает, чтобы золото попало именно в мои руки, и потому главнейший соперник, Доран, выведен из игры. Хранитель почти наверняка содействовал Темвику и стае белых волков — поймали-то они не мелкую сошку, а предводителя!

— Случайность! — разом обиделись Темвик с Сигвальдом. — Доран со страху побежал в сторону, где укрылась засада! Там мы его и скрутили.

— Ему могли и подсказать... — недоверчиво хмыкнул Тотлант. — Хранитель почти наверняка может незаметно влиять на волю и разум человека.

— Ладно, давайте ненадолго забудем о Доране и подумаем, какой негодяй его нанял? — спросил киммериец. — Кто прячется за спиной пресловутого «месьора Лейна»? Подозрения у меня самые нехорошие, скажу прямо... Хальк, что ска-

жешь? Ты у нас первейший дворцовый интриган, значит можешь если не догадаться, то хотя бы предположить — кто против нас играет?

— Он играет не против нас — это вторичный постулат, — не задумываясь ответил я. — Первично — золото царя Тразариха. Мы являемся лишь досадной помехой на пути к сокровищам. Ясно как день, Доран Простец этого человека побаивается и уважает, как младшие львы в прайде уважают вожака. Слышали, что было сказано? Ежегодный доход от незаконных сделок и контрабанды превышает две сотни тысяч — сумма умопомрачительная, почти одна пятая от доходов государственной казны! Хозяин месьора Лейна почти наверняка обладает реальной властью и реальным влиянием в королевстве, пускай иногда ему и требуются услуги обычных низкопробных бандитов наподобие тех, что ходят под рукой Дорана. Давайте вспомним, кто из высших дворян и купцов Аквилонии обладает крупными состояниями, сколоченными за последние пять лет — именно столько Доран знаком с Лейном?

— Я ж тебе не государственный казначей и не глава налоговой управы, — развел руками Конан. — Глеинор мне обычно докладывает, кто и сколько приворочивает из казны, кто из придворных обогащается не самыми достойными способами, но здесь совершенно другой размах! Чувствуется сила большой и тайной организации, выкачивающей золото из крупных городов и провинций!

— А если это сам барон Гленнор пошаливает? — подал я еретическую мысль. — Тайная служба не может существовать без денег — это аксиома! Надо платить аквилонским конфидентам, подкупать чиновников в сопредельных странах, устраивать заговоры и покушения, содержать тайную гвардию «Беркутов»... Представляешь, во сколько казне обходится такое удовольствие, как Латерана?

— Хотите чеканную историческую фразу? — оскалился король. — Хальк, можешь записывать: «Тайная служба — лучший друг короля!» А равно и наоборот. В первый год моего правления без помощи барона Гленнора и его ведомства мы просто не удержались бы у власти. Расходы на Латерану оправданы, тем более, что я позволяю Гленнору и графу Кергису зарабатывать деньги самостоятельно и далеко не всегда законно. Знаешь сколько питейных домов и борделей лишь в одной Тарантии принадлежат Латеране? Вот то-то же. А я знаю! Гленнор к истории с Дораном непричастен, готов руку дать на отсечение — барон служит королевству и королю. Тут что-то другое, более простое и сложное одновременно...

— Чужеземные тайные службы, наподобие немедийского Пятого департамента. Сообщества пиратов Полуденного побережья. Магические конклавы вроде Черного Круга, Золотого Лотоса или Белой Руки, — перечислил Тотлант. — Столь крупным организациям тоже требуются большие деньги. Очень большие!

— Конклавы, говоришь? — Конан остро взгля-

нул на стигийца. — Тотлант, не подумай, я не собираюсь никого подозревать, но почему маги конклава Алого Пламени Равновесия, к которому ты принадлежишь, упростили меня разрешить собираться именно в Тарантии? Разве сообществу магов-равновесников не нужно золото?

— Нужно, конечно, — холодно ответил Тотлант. — Однако, нас слишком мало. И конклав организован совсем недавно. Мы физически не можем проворачивать такие невероятные аферы. А почему мы собрались в Тарантии? Я просто надеялся на твое дружеское расположение ко мне лично и...

— Прости, я не хотел тебя обидеть, — подняв ладони в примирительном жесте сказал Конан. — Сам понимаешь, мы обязаны рассмотреть все версии. В конце концов, Алые маги доказали свою непричастность к истории с кладом Нифлунгов — ты и Валент Мессантийский спасли королевский замок от Демона Огня...

— Да я вовсе не обижаюсь, — отмахнулся волшебник. — Меня другое смущает. Почему месьор Лейн настрого приказал Дорану воздерживаться от убийств и по возможности не чинить ущерба королевским слугам? Самодеятельность мага Черного Круга и вождя напавших на отряд пиктов в расчет мы не берем. Изначальный приказ был недвусмыслен — задержать, но только не убивать!

— Справедливо! — подхватил я. — Если неизвестный «Кто-то Там» возжелал заполучить клад целиком, не собираясь делиться с конкурентами,

то было бы вполне разумно просто уничтожить соперников. Складывается впечатление, что этот человек близко знаком с каждым из нас и поэтому пытался убереечь королевский отряд от неприятностей. Поймите же, меня — Халька Юсдаля — можно было убить без особых сложностей. Я хожу по Тарантии без ликторов и телохранителей, передвигаюсь пешком, а не в повозке или портшезе... Достаточно одной арбалетной стрелы, выпущенной с крыши дома на улице Первых Королей и я благополучно отправляюсь на Серые Равнины. Но вместо решительных действий наш главный противник приказывает Дорану: задержать любым способом, однако оставить в живых. Такую нежную опеку следует понимать как симпатию или как наличие у соперника далеко идущих планов?

— Не знаю, — коротко ответил киммериец. — Я всегда предполагаю самое худшее. Месьоры, скоро полночь, а завтра будет тяжелый день. Предлагаю разойтись по своим шатрам и поспать до восхода солнца. Если, конечно, не произойдет ничего неожиданного. Мечи лучше держать под рукой. Геберих, стража выставлена?

— Разумеется, Конан-рикс. Три дальних дозора, двойные караулы вокруг лагеря.

— А я попросил белых волков приглядеть за окрестностями, — как бы невзначай вставил Темвик. — Появятся чужаки — нас предупредят.

— Главное, чтобы сообщники Дорана не пустились среди ночи на поиски своего предводителя, — сказал Конан. — Надеюсь, у них хватит

ума дожидаться рассвета. Сигвальд, ты говорил, будто знаешь Харальда Змеелова, конуга, приплывшего на остров вместе с Дораном?

— Знаю, конечно, — согласился молодой нордлинг. — Харальд приходится мне самому и моему дяде Хререку отдаленным родичем. Мы никогда не враждовали с Харальдом. Он честный человек и могучий воитель.

— Таким образом, рано или поздно тебе придется переговорить с этим Харальдом от моего имени и предложить союз. Я не желаю, чтобы на Вадхейме пролилась кровь.

* * *

Переполох, как это всегда случается, начался под утро, когда человек спит крепче всего и видит десятый сон.

Сначала я подумал, что на лагерь совершенно нападение — вопили дружинники Гебериха, слышался рык киммерийцев и нордлингов из «Дикой сотни», звякнуло оружие...

— Конана своими руками придушу, — простонал Тотлант, вскакивая с мехового ложа. — Накликал! Уверен, это головорезы Дорана! Се! Великий, как холодно... Хальк, Темвик, держитесь поближе ко мне. Если атакуют, придется использовать заклинание «Огненное кольцо», по крайней мере нас не достанут стрелами...

— Огненное, значит, кольцо? — процедил я, пытаясь натянуть сапоги. — Должно быть, хорошо от комаров помогает.

— И это тоже... За мной! Не отставайте!

Никаким нападением даже не пахло. По крайней мере, никто не рубился на мечах и не палил в темноту из арбалетов. Возле королевского шатра стоял озадаченный Конан вкупе с Геберихом, Торольвом, Тюррой и Руфусом. В царственной длани его величество сжимал свой знаменитый аметистовый клинок — подарок гномов Граскаала. Остальные (кроме графа Оргайла) тоже были вооружены.

— Мамочки... — только и сказал Тотлант, узрев бесплотных гостей, посетивших стоянку отряда. — Что это, Нергал вас заберит, такое?

— Я как раз собирался задать аналогичный вопрос, — быстро ответил Конан. — Магия? Или опять незнаемое бесовство?

— Опять, — простонал стигиец. — Но как красиво сделано! У Хранителя сокровищ Тразариха есть чувство прекрасного, в этом не откажешь.

— В задницу его чувства! — с варварской прямолинейностью высказался киммериец. — Их можно как-нибудь отсюда убрать?

— Сами уберутся... — проворчал Руфус. — Просто стойте и смотрите. Я нечто похожее наблюдал и раньше, это всего лишь безвредное наваждение.

Безвредное наваждение являло собой королевскую процессию, непринужденно шествовавшую мимо нашего лагеря. Караульные недаром поднимали шум — при виде эдакого феерического спектакля нервы могли сдать не только у впе-

чатливых варваров, но и у привычных к любым чудесам волшебников (да вы посмотрите на Тотланта — стигиец стоит раскрыв рот, словно ребенок, которому показывают фокусы!).

Чтобы картина была полной, надо заметить, что черная стена леса теперь заместила фасадом огромного пышного здания неизвестной мне архитектуры — квадратные колонны, восседающие в мраморных креслах статуи, на стенах видны иероглифы, которые я сразу распознал: кхарийская письменность. Иллюзия достоверности происходившего была бы полной, не пробегай по силуэтам людей и стенам высоченного легкие волны, словно от горячего воздуха.

Однако, вовсе не призрачный дворец привлекал всеобщее внимание. У дальнего края обширной поляны, со стороны Восхода, из воздуха появлялись человеческие и конские фигуры, каковые с величавой торжественностью проходили вдоль «фасада», будто по городской площади, а затем с той же легкостью растворялись в пустоте на другой стороне прогалины.

Умопомрачительные доспехи сверкали золотыми насечками и самоцветами, шлемы украшали цветные плюмажи из птичьих перьев, колышались багровые, пурпурные и темно-синие плащи бородатых всадников, пешие вели на поводках пантер и леопардов, лениво протопал белый слон, с вульгарной роскошью украшенный лентами, вышитой попоной и легкомысленным бантиком на хвостике.

Засим, в полной тишине, мимо онемевших

зрителей покатили боевые колесницы, промаршировали трубачи с начищенными боевыми буцинами, снова появились поводыри животных — теперь вместо привычных хищных кошек прозрачную «площадь» наводнили какие-то здоровенные ящерицы в намордниках и чудовищно большие насекомые наподобие богомоллов, которые в то же время, несли в седлах седоков. Наверное, давно вымершие боевые животные времен Ахерона...

И вот — кульминация. Морозный воздух породил высокую колесницу,пряженную восьмеркой белоснежных лошадей. Повозку украшал собой величественный господин с рыжей бородой лопатой — если я ничего не путаю, мы его уже видели прошлой ночью в «небесном окне». Тразарих?..

Рядом с древним царем, облаченным в золотой панцирь и сияющую бриллиантовую диадему, стояли прелестные темноволосые девицы в простеньких белых столах — девы-призраки доставали из круглых чаш монеты и швыряли их на «мостовую», вероятно одаривая подданных бесплотного государя.

Но если «государь» был бесплотен в полной мере, то монеты оказались самыми настоящими...

Колесница исчезла, а с ней пропало и видение дворца — будто свечу задули. Нас вновь окружал дикий хвойный лес.

Один из дружинников-вези оказался смелее других. Нагнувшись, он пошарил ладонью в не-

высоком сугробе, вытащил монету и громко объявил:

— Чтоб меня галиурунны сожрали! Золото!

— Всем стоять! — яростно заорал Конан, понимая, что сейчас может произойти. Люди бросятся собирать деньги, а этого допустить нельзя! — Не трогать! Отойдите!

— Слышали, что сказал великий рикс?! — в тон киммерийцу взревел Геберих. — Назад! Алгимунд, отдай монету! Ну?!

Алгимунд подчинился. Подошел к своему военному вождю и молча вручил Гебериху тяжелый кругляш. Тот передал его Конану.

— Десятники! — скомандовал король. — Соберите все золото, что найдете и оставьте в мешке у костра! Если кто утаит хоть одну монету — собственными руками башку снесу! Нам не нужно золото призраков!

Десятники аквилонского отряда и вези, схватив факела бросились на поиски. Пока они копались в снегу, Тотлант отобрал у Конана золотой артефакт, зажег у себя над головой магический огненный шарик-фонарь и пристально рассмотрел добычу.

— Грандиозно, — выдохнул стигиец, вертя в пальцах драгоценный кругляш. — Сколько столетий минуло, а она как новенькая... Знаете, чем нас одарили?

— Монетой, — справедливо сказал Конан. — Кхарийская, надо думать?

— Правильно думаешь. Да только монета сия весьма необычна! Отчеканена казначейством Пи-

фона во времена правления императора Ахтонопта Четвертого из шестнадцатой династии правителей Ахерона. Не забудьте, детство и молодость я провел в Стигии, нас весьма неплохо учили истории кхарийских предков, поэтому и разбираюсь в подобных тонкостях... Ахтонотеп был сотым кхарийским императором и его коронация была отмечена грандиозными по своему размаху торжествами. Это так называемая «коронационная» монета. Чистейшее золото, без примесей. Таких монет отчеканили очень мало. Знаете сколько?

— Тысяч десять, — пожав плечами, предположил я.

— Ха-ха! Ошибаешься! Семьсот семьдесят семь! Семерка и тройка для кхарийцев были священными числами, они верили в нумерологию — магию чисел. Сами понимаете, три раза по семь, при сложении получается двадцать один, а два и один — это три... И так далее. Однако, соль тут вовсе не в нумерологии. Эти монеты, конечно, могли служить и банальным средством расчета на базаре, но изначально они предназначались в подарок родственникам и приближенным императора. На каждую монету наложено заклятие благополучия. Монета-талисман, оберег. Притягивает счастье, золото, отпугивает злых духов. До наших дней в Стигии сохранилось только девять экземпляров, еще два — в сокровищнице короля Немедии, последние пять находятся во владений гиперборейской Белой Руки. Остальные утеряны. Вернее, были утеряны... Эта моне-

та — подлинная. Я ясно различаю заклинание. За одну такую денежку Черный Круг отвалит тебе целое состояние, поскольку она несет в себе забытую магию Ахерона!

— Н-да, щедрые привидения обитают на Вадхейме, — заключил киммериец. — Бесплотный Тразарих, оказывается, швырнул нам «целое состояние»! Не пожадничал. Давайте глянем, чего там десятники насобирали. И потом, Тотлант, как призраки могут разбрасываться всамделишным золотом?

— Понятия не имею, — мрачно ответил стигиец. — Боюсь, это лишь цветочки — ягодки нас будут ждать завтра.

— Уже сегодня, — заметил Темвик, посмотрев на светлеющие небеса. — Утро наступает.

Результаты поисков привели Тотланта к смятению чувств — наши киммерийцы и вези нашли в сугробах еще триста восемь «коронационных монет» императора Ахтонопта. От кожаного мешка, в который было собрано древнее золото, так и пыхало магией: пробегали змейками синие и розоватые искорки, посверкивала золотистая волшебная аура. Тотлант сказал, что это не опасно, но дотрагиваться до мешка не разрешил.

— Это золото принадлежало Нифлунгам, — тоном записного пророка сообщил Руфус, с подозрением глядя на мешок. — Я не исключаю, что проклятие Тразариха может перейти к новому носителю вместе с любой вещью, взятой изклада. Заберешь единственную монетку — и тотчас получишь все беды и несчастья скопом.

— Правда? — нахмурился король. — Тотлант, проверь, может кто-нибудь из наших не отдал монеты? Или некоторые еще валяются в снегу? Ты ведь сумеешь их найти по магическому ореолу?

Стигиец молча ушел.

— Пора собираться в дорогу, — сказал Конан. — Хальк, Руфус, как по вашему, что нас ожидает впереди?

— Однозначно ничего хорошего, — не дипломатично заявил граф Оргайл. — Даже если мы откажемся от сокровищ, их обязательно заберут люди месьюра Дорана и Хранитель клада выберется с острова в широкий мир. А если мы с ними перережем друг друга, то Дух Разрушения просто порадует очередной кровавой драме и будет искать новых потенциальных жертв... Единственный выход — утопить клад в Океане, чтобы его больше никто и никогда не нашел. Хотя я не думаю, что с этим согласятся все заинтересованные стороны.

— Чтобы дружки Дорана и капитан Алонсо Руис добровольно отказались от денег? — покачал головой киммериец. — Скорей уж я поверю в то, что конклав Черного Круга решил забросить колдовство и занялся запитой вдов и сирот. Хорошо. Я принял решение. Давайте по крайней мере поглядим на сокровища — не зря ведь перлись столько лиг из самой Тарантии? А уже на месте решим, что делать дальше.

— Монет у нас триста девять? — спросил подошедший Тотлант. — Я отрыл в сугробах еще

двадцать четыре штуки. Кстати, никто из дружинных на золото не позарился... Вези честный народ. Теперь у нас ровно триста тридцать три монеты — вновь счастливое число, кратное трем. Попомнишь тут кхарийскую нумерологию! Что будем делать с мешком?

— Выкинем, — непререкаемо сказал король. — Признаться, мне тяжело такое говорить — когда это я выбрасывал золото? — но пока мы не разберемся с проклятием Тразариха, от сокровищ придется отказаться.

— Мудро, — кивнул Руфус. — Хранитель будет очень разочарован.

— Плевал я на его оскорбленные чувства! Хальк, Темвик, помогите сложить шатер!

* * *

Когда краешек дневного светила показался над океанскими водами, отряд снялся со стоянки и двинулся в путь — предстояло миновать перевал и спуститься в Долину Дымов, где и были укрыты драгоценности Нифлунгов. Руфус уверял, что до пещеры, в которой хранилось золото, мы доберемся к полудню — конным ходом всяко быстрее, чем пешком.

Одну из заводных лошадей предоставили толстому Дорану, выглядевшему изрядно печальным. Конечно, кому понравится перспектива провести остаток жизни на рудниках, как пообещал Простецу король?

Веселой прогулки не получилось — едва це-

почка всадников отошла от поляны на пятьсот шагов, ехавший впереди Конан натянул поводья. Верные киммерийцы из «Дикой сотни» мигом выстроились за спиной короля и положили ладони на рукояти клинков.

— Какая неожиданная встреча, — пробормотал Тотлант. — Вполне естественно, что соратники месьора Дорана отправились на поиски предводителя. Их могли ввести в заблуждение следы волчьих лап, но ведь там еще и Сигвальд натоптал, а это наверняка выглядело подозрительно!

Всадников было всего ничего — семеро. При виде нашего многочисленного отряда они вовсе не испугались и не предпочли бегство. Подъехали, остановились.

Трое — явные нордлинги. Полосатые штаны, меховые шапки, нордхеймские мечи на широких поясах. Один аквилонец: одет, как и Доран — богато, пусть и не вызывающе. Рожа самая продавленная. Следующего я тотчас же узнал, вспомнив рассказы Темвика и Тотланта — страшный бородатый туранец, личный телохранитель Простеца по имени Ламасар. Предпоследний был высок, худощав, носил острую седую зингарскую бородку и ярко-алый колет, подбитый мехом. Самый живописный всадник был облачен в черный балахон с глубоким капюшоном и вышитой на груди коброй — понятно, колдун из Черного Круга.

Нордлинг, который постарше, выехал вперед.

— В Нордхейме меня знают под именем Харальда, по прозвищу Змеелов, — с достоинством

сказал он. — Я морской конуг из Ванахейма. Эти люди мои... мои друзья. С кем я говорю, почтенные?

— Конан из Канахов, король Авкилонии, — киммериец не стал скрывать свое имя. Зачем? — Тебе что-нибудь нужно от нас, конуг?

— Прошлой ночью потерялся один из моих людей, — невозмутимо ответил Харальд. — Мы его ищем. Колдун, который приплыл на остров вместе с нами утверждает, что человека похитили... Похитили вы. Если я не прав, опровергни мои слова и прими извинения.

— Сигвальд? — громко позвал Конан. — Сигвальд, бегом сюда! Достойный конуг хочет узнать, зачем ты похитил и привел в наш лагерь месьора Дорана!

— Привет тебе, родич, — Сигвальд, ничуть не смутившись, подъехал ближе к Харальду. Конуг, узнавая, удивленно вздернул брови. — Поклон конугу Харальду от моего дяди, Хререка... Я расскажу, почему был пленен твой друг — если человек по имени Доран из Боссонии действительно входит в круг твоих друзей! — но сначала я хочу узнать, почему три ночи назад один из твоих драконов атаковал корабли Хререка? Разве мы когда-нибудь ссорились?

— Это были ваши корабли, Сигвальд? — Харальд подозрительно покосился на мага в черном плаще. — Клянусь бородой Вотана, я не знал... Меня уверили, что это — враги!

— Отдайте нам Дорана, — встрял человек с зингарской бородкой. — И мы мирно разойдемся.

— Заткнись, Алонсо, — скрипнул зубами король. — Тебя не спрашивают! И, кроме того, ты совершил очень большую ошибку, попавшись мне на глаза...

— Капитан Конан... — осклабился пират. — Жаль, что ты оставил наше благородное ремесло и ушел в короли. Я бы с удовольствием вновь встретился с тобой на море...

— Еще успеешь, — пригрозил киммериец. — Господа! Дорана мы вам не отдадим. Я, как владетель Ванских островов, считаю его злодеем короны и отправлю в Тарантию для предания справедливому суду.

— К-какой, в задницу, «владетель»? — снова не выдержал Алонсо. — Это ничейная земля! Тут у всех равные права — право силы и меча!

— Ванские острова, включая Вадхейм, присоединены к Аквилонии. Как раз праву сильного, — преспокойно ответил Конан. — Показать рескрипт или поверишь на слово? А эта дружина, — киммериец указал на насупившихся вези и вояк «Дикой сотни», — мой, так скажем, экспедиционный корпус, явившийся на Вадхейм навести порядок на землях короны. Другие вопросы будут, Алонсо? Нет? Тогда, боюсь, ты здесь лишний. Я хочу говорить только с уважаемым Харальдом-конугом!

Над лесом повисла недобрая тишина. Краем глаза я заметил, как Тотлант разминает ладони — неужели не обойдется без магического поединка?..

Глава 5

Второй рассказ Тотланта Золото Тразариха

о. Вадхейм.

23 день Первой весенней луны 1293 г.

и для кого не секрет, что Конан умеет искать союзников, частенько обращая в свою пользу даже действия заклятых врагов, которые временно вступают в союз с киммерийцем ради достижения общей цели.

Общеизвестный пример: знаменитый Тот-Амон из Птейона, глава Черного Круга Стигии помогал компании Конана избавиться от Повелителя Небесной горы пять лет назад, и не случись вмешательства Тот-Амона всем нам пришлось бы очень туго... Правда, мало кто знает, что мы самым пошлым образом шантажировали стигийца, потерявшего Перстень Силы, и Тот-Амон был вынужден оказывать поддержку акви-

лонскому королю ради возвращения волшебного кольца, неожиданно оказавшегося в руках подруги Конана, графини Ринги Эрде.

Нечто похожее случилось и на Вадхейме. И дело даже не в том, что мы уговорили конуга Харальда Змеелова, нанятого Дораном Простецом принять нейтралитет — Харальд отказался понимать меч на друзей своего родича Хререка, — а в невероятнейшей магической афере, которую нам внезапно удалось провернуть, весьма оригинальным способом избавив клад от его Хранителя и устранив опасных соперников.

Впрочем, давайте обо всем по порядку.

* * *

По большому счету надо бы стократно поблагодарить молодого Сигвальда за благополучный исход переговоров с Харальдом Змееловом. На Полуночи свои законы и золото не имеет большей власти над умами обитателей Нордхейма — для нордлингов гораздо важнее личная честь, нежели бранные богатства.

Да, Харальду заплатили. Да, конуг согласился доставить Дорана и компанию на Вадхейм и защищать аквилонцев от возможных врагов. Но той знаменательной ночью, когда мне пришлось отражать магическое нападение на корабли Хререка, конуга вероломно обманули, сказав, что перед ним неприятель, жаждущий потопить морской караван и уговорили дать возможность поработать магу — он, мол, быстро избавится от

супостата не вынимая меча. Результат известен — мои заклинания оказались сильнее и один из драконов Харальда был сожжен.

По законам Нордхейма, неправой стороной всегда считается тот, кто напал первым и без предупреждения. Вдвойне не прав — напавший на родича. Командовал кораблями кто? Правильно, Харальд. Значит он и повинен, а Хррек имеет полнейшее право отомстить, и его никто не станет упрекать. Однако, законы допускают и выплату виры за ущерб.

Словом, я, в отличие от Сигвальда, плохо разбираюсь в сложных и запутанных «Правдах» нордлингов, но твердо знаю одно — Сигвальд, как наследник Хререка, вытребовал у Харальда виру: конуг обязался вернуть людям Дорана золото и не вмешиваться в дела аквилонского короля.

Отлично! Одним противником меньше! Теперь нам нечего опасаться пяти десятков мечей дружины Харальда — конуг дал слово... И, похоже, ныне он не желает иметь ничего общего с Дораном и капитаном Алоносо, поскольку именно они вынудили Харальда нарушить правду Нордхейма.

Когда переговоры с конугом были завершены (Алонсо, Ламасар, незнакомый аквилонец и маг Черного Круга ожидали неподалеку, имея вид недовольный и угрожающий), Харальд и двое его дружинных вскочили в седла и, не сказав бывшим союзникам ни слова, уехали.

На первый взгляд оставшаяся четверка аван-

тюристов не представляла для нашего немаленького отряда никакой угрозы и Конан, словно позабыв о них, поднял руку, собираясь отдать приказ следовать дальше.

— Позволю себе ненадолго отвлечь внимание вашего королевского величества, — Алонсо прищипорил свою зингарскую кобылу и, резко осадив лошадь перед киммерийцем, преградил дорогу. — Капитан Конан, мы с тобой знакомы не один год, и ты знаешь, что я никогда не отступаюсь! Доран говорил, что на острове спрятан клад, который никому не принадлежит, и...

— Как так — не принадлежит? — ядовитенько вставил Хальк. — По всем законам Аквилонии, сокровища спрятанные на выморочных коронных землях, коими Вадхейм теперь несомненно является, переходят в казну короля. По рескрипту...

— Да подотришь ты своим рескриптом, — грубо ответил Алонсо и вновь перевел взгляд на Конана. — Меня, как этого провонявшего сыром и селедкой нордлинга, не подкупишь... На моем судне пятьдесят с лишним клинков, ребята с Баракхас. Давай договоримся, капитан! К демонам Дорана — если этот жирный ублюдок тебе нужен, забирай! А сокровища поделим пополам. Говорят, золота на всех хватит, никто не будет обижен. Как в старые добрые времена, когда мы были друзьями? Только ты и я — без третьей стороны?

— Эх, Алонсо, Алонсо... — задумчиво проговорил король. — Терзают меня смутные подозре-

ния, что друзьями мы никогда не были, да и впредь не будем. Почему, собственно, я должен с тобой делиться тем, что принадлежит мне по закону?

— По закону, который ты сам установил, присвоив остров! — возразил аргосский капитан.

— Какая разница? — усмехнулся Конан. — Но отказывать сразу я тебе не стану, Алонсо. Подумаю. Мы знаем, где находится ваша стоянка. Вечером я пришлю моего человека, который сообщит окончательное решение.

Эти слова короля меня озадачили сами по себе: почему Конан, не слишком тепло относящийся к Алонсо Руису, дает старому пирату надежду на дележ? Или у варвара есть некие замыслы насчет аргосца, о которых я не догадываюсь?

Но следующее распоряжение киммерийца вызвало безмерное удивление у всего отряда:

— Геберих! Прикажи своим отпустить месьюра Дорана из Боссонии!

Молчаливые вези привели толстяка — Доран выглядел обнадежено, если не радостно. С чего вдруг Конан пошел на попятную?

— Уходи, Простец, — с величием государя, оказывающего неслыханную милость (где только так наострился?) бросил киммериец. — Впредь, однако, не попадайся! Ни здесь, ни в Тарантии!

— Благодарю, — неожиданно изящно для своего пышного сложения, поклонился Доран. — Могу я узнать причины столь неожиданного великодушия, государь?

— Могут быть у короля свои маленькие капризы? — усмехнулся киммериец.

— А как четверть века на рудниках? — улыбнулся Доран в ответ. Но что, нарочно парывается? Пусть пользуется хорошим настроением Конана и бежит отсюда побыстрее!

— Будешь много говорить — заработаешь пожизненное, — король отвернулся от толстяка и оглушительно гаркнул: — А-атряд!! Рысью — вперед!

Ни дать, ни взять — будто на кавалерийском смотре перед парадом на День святого Эпимитриуса!

И мы поехали вперед. Точнее, наверх, в горы.

— Какой демон тебя попутал?! — разорвался Хальк. — Ваше величество, Доран опасный преступник! В конце концов его колдун поджег библиотеку и все мы едва не погибли! Конан, я требую объяснений!

— Каков наглец: требовать объяснений от короля! — в свою очередь возмутился Конан. — Вот захотелось мне! Приспичило, будто по нужде! А если серьезно — Доран нам совершенно не нужен. На одном прокорме разоримся — представляешь, сколько он жрет? Простец рассказал все, что нам нужно, большего добиться от него все равно не получится. Пускай наслаждается свободой и возвращается в свою банку со скорпионами. Полагаю, у него сейчас протекает весьма напряженный разговор с капитаном Алонсо — аргосец сейчас единственный, на кого Доран может хоть немного положиться. Однако я

уверен — эти достойные господа ради обладания сокровищами будут готовы перегрызть друг друга глотки и наверняка перегрызут... В любом случае мы заметно опережаем Дорана — его головорезы не знают, где спрятан клад Тразариха, а мы знаем.

— Колдун сумеет моментально отыскать нас в любой точке острова, — сказал я. — Он будет чувствовать мою магию и безошибочно приведет Дорана с компанией в Долину Дымов.

— Даже если пираты и люди простеца выйдут из долины фьорда в полдень и будут очень спешить, раньше наступления ночи они нас не достигнут.

— А что потом? — мрачно спросил Хальк. — Будем драться за сокровища?

— Не обязательно, — уверенно сказал король. — Если мы за сегодняшний день отыщем способ либо уничтожить Проклятие Клада, либо натравить Хранителя на врагов, не случится никакой поножовщины. Я в этом уверен!

— «Отыщем способ...» — передразнил я киммерийца. — Он «уверен»! Твоими бы устами, да медовуху хлебать! Тридцать третий раз повторяю: смертные не могут победить Ничто, Пустоту! Как сражаться с воздухом? С морской водой? Как можно вонзить клинок в облако?

— Темвик утверждает, что у Хранителя есть собственное сознание, — проговорил Конан. — Сознание подразумевает жизнь. Неживое думать не может. А с живым мы сумеем если не договориться, то, по меньшей мере, разобраться.

Барвар похлопал ладонью по ножнам меча. Я только вздохнул — своим киммерийским разумом Конан не понимает, что в нашем мире обитают существа, для которых любой меч, даже самый волшебный, не страшнее палочки дляковыряния в зубах.

— Вы, месьоры, разрешите мне высказать свое мнение? — с обычной стеснительной вежливостью спросил Руфус. — Вспомним легенды: всякий... кхм... всякий уважающий себя клад обычно имеет хранителя. Иногда демона, иногда сонмище злых духов, имеющих магическую природу, но чаще всего — дракона. Классический сюжет сказок: витязь выступает против дракона, стерегущего сокровища! В девяти случаях из десяти клад охраняет дракон. Предположим, что наши прежние догадки верны и золото Нифлунгов действительно принадлежит легендарному Нидхоггу, Дракону Разрушения. Хотя за девять лет, проведенных на Вадхейме я не видел ни одного дракона, даже самого маленького... Что мы знаем о драконах?

Последний вопрос относился ко мне.

— Драконов-животных мы сразу отмечаем, — сказал я. — Виверны или амфинтерны являются обычными живыми существами, пускай и наделенными некоторыми странноватыми способностями. Дракон-герольм, четырехлапый крылатый змей с пламенной пастью — это уже стократ интереснее. Утверждается, что герольмы были созданы противоборствующими силами Света и Тьмы в эпоху властвования небезызвестного бо-

жества Полуночи — Роты-Всадника. Тогда и людей-то еще на свете не было...

— Куда ни плюнь, повсюду наткнешься на Роту, — фыркнул Конан. — Знато же он почувствовал в древние времена!

— Не то слово! — согласился я. — Предания Валузии и Кхариин утверждают: Рота воплотил неких могучих духов в тела драконов и у него получились... Как бы это сказать? Понимаете, эти драконы недаром именуются геральдическими. Не только потому, что крылатых змеев часто изображают на дворянских гербах. В законах геральдики все цвета разделяются на «финифть» и «металл» — на обычные природные цвета и цвета различных металлов. Рота воплотил драконов финифти — черных, зеленых, красных, синих. Силы, противостоявшие Всаднику Полуночи в свою очередь создали «металлических» змеев — золотых, серебряных, медных, бронзовых. Предполагается, что драконы Всадника были злыми, а драконы Света, разумеется, добрыми.

— Дракон Геллир, с которым я встречался в Карташене, был добрым, — заметил король. — Чешуя у него была золотистая.

— Что подтверждает мои слова, — я сделал паузу, прикидывая, как бы попроще рассказать королю и остальным о «цветных» змеях. — Драконы, подчинявшиеся Роте отличались друг от друга не только цветом. Зеленые были помешаны на магии и плевались ядовитым разъедающим газом, а не только огнем. Красные — классические драконы огня, воплощенная Стихия

Пламени. Синие драконы плевались молниями, магией пользовались нечасто, но среди всех «злых» змеев отличались порядочностью и честностью — человеку с ними можно было договориться. Белые, ледяные драконы — самый неудачный опыт Всадника. Умели замораживать противника, колдовством не промышляли и были тупы, как пробка. А вот черные драконы, Змеи Хаоса, были весьма примечательны. Магией черный дракон владел довольно посредственно или не владел вовсе, извергал кислотную струю вместе с огнем и был гораздо крупнее остальных сородичей. Характер у черных драконов был преотвратный — они никогда никому не подчинялись, даже создателя, Роту-Всадника, частенько оставляли с носом. Их главная черта — непредсказуемость. Сегодня черный дракон дерется на стороне Тьмы, а завтра ему приспичит повоевать в рядах Светлых сил или вообще улететь куда-нибудь подальше и ради удовольствия сжечь мирный городок. Стихия Хаоса, ничего тут не попишешь... Главное развлечение черных — разрушение, именно для разрушения они и были созданы. Остальное малоинтересно — почти все драконы умели принимать человеческий облик, разговаривать, колдовать...

— Но ведь драконы вымерли! — воскликнул Хальк. — По крайней мере сейчас известно о существовании только двух драконов-герольмов. Один — упомянутый Конаном Геллир — живет в уединении на Полуночи Гиркании, а второй обитал в провинции Темра, но сейчас куда-то улетел...

— После Войны Трех Камней, когда древние расы и их божества избавились от Роты-Всадника, разрушив его крепость, уцелевшие драконы расселились по удаленным пещерам, подальше от людей и альбов, которые уничтожали всех змеев без разбора, позабыв о их разделении на «добрых» и «злых». — пояснил я. — Впрочем, разделение это довольно условно — и среди золотых драконов попадались отпетые негодяи, равно как и некий синий дракон верой и правдой служил одному из императоров Кхарии. С течением времени герольмов становилось все меньше — их развоплощали, убивали, травили... Всякий витязь мечтал заполучить трофей в виде драконьей головы. Однако, почти никто не знает, что со смертью тела сущность дракона не уничтожается — просто заключенный в теле дух вырывается на свободу и уходит в Мир Невидимый, в царство духов, о котором люди знают очень мало.

— Тотлант, а вот скажи, — перебил Конан, — точно ли известно, что все души драконов уходят в Незримую Вселенную? Или бывают исключения? Понимаешь, о чем я?

— Тайна сия велика есть, — процитировал я один из древних трактатов. — Всякое может быть... Постой-постой... Ты полагаешь, что клад охраняет развоплощенный дракон? Его душа? Стихия Хаоса не владеющая материальным телом? Любопытная мысль... Надо посмотреть на месте!

— Посмотрим, — кивнул киммериец. — И очень скоро.

Лошади вышли на перевал и нашим взорам открылись сразу две долины. Первая, лесистая и широкая, рассекала остров с Полуденного восхода на Полуночный закат, вторая была затянута облаками пара и углублялась в горы точно в сторону Полуночи.

— Кажется, мы почти приехали, — угрюмо сказал Темвик. — Он живет там, в дыму... И он нас ждет.

* * *

Долина Дымов оказалась крайне неудобным местечком. Во-первых, здесь несносно воняло тухлыми яйцами, благодаря вырывающимся из-под земли вулканическим испарениям. Во-вторых, то справа, то слева из расселин и округлых дыр в камне лихо вырывались струи пара и горячей воды, способные нешуточно обжечь лошадей и всадников. В третьих, мне показалось, будто наш отряд внезапно очутился в далеком прошлом, в самые первые дни после сотворения мира — именно в таких поэтически-зловещих местах и обязаны жить древние духи, драконы и забытые божества.

Нас окружали влажные черные скалы и пузырящиеся грязевые озера — газ вырывался на поверхность через липкую глину, сопровождая людей странной музыкой природы. Плех... Плих... Глоп... Блах... Плех... Иногда пар свистел, иногда завывал, но чаще всего по-змеиному шипел. Некоторые гейзеры, как и предупреждал граф Ор-

гайл, и впрямь выглядели очень величественно, выбрасывая фонтаны в неизмеримую высоту и образуя огромные облака пара.

Руфус, ранее досконально исследовавший долину, повел нас самым безопасным путем — по камням, минуя горячие грязевые болота и серные озера.

— Впечатляет, — уважительно сказал Конан, в сотый раз обводя взглядом долину. — Прямо мороз по коже дерет, честно признаться...

— Сходи искупайся в кипяточке, мигом согреешься, — зло процедил Хальк. — Не хочется верить, что подобное может существовать в нашем цивилизованном и благополучном мире! Прав был конуг Хререк, создается полное впечатление, будто под скалами спит огромный монстр, которого мы собираемся разбудить себе на погибель!

— За пораженческие разговоры — сошлю на галеры, — привычно ответил Конан. — Хальк, здесь же невероятно интересно! Когда еще ты выберешься из Тарантии и прочистишь горло от пергаментной пыли на свежем воздухе? Получай удовольствие от необычной прогулки!

— Это, по-твоему, свежий воздух? — барон Юсдаль потянул носом, вдыхая сернистый смрад. — Кажется, в этой долине протухло яйцо какой-нибудь титанической вселенской курицы... Понимаю, что тебе, как варвару, такие запахи привычны и любезны сердцу, однако не стоит забывать о чувствах других людей!

— Месьоры, перестаньте ругаться, — громко

сказал граф Оргайл и вытянул руку, указывая вперед. — Подъезжаем! Вход в пещеру находится у подножия двурогой скалы, которую уже можно рассмотреть. Видите?

Точно. Здоровенная буро-желтая скала с двумя верхушками поднималась к небесам на высоту около сотни туазов и, по счастью, была окружена сухими каменными плитами, на которых мог остановиться отряд. Туман постепенно рассеивался — гейзеры и кипящие озера остались позади.

Король Нифлунгов славный был смел
и полон сил.

Однажды под горою дракона он сразил,
В его крови умылся и стал неуязвим,
Не взять теперь Тразариха оружием никаким...

— Хальк внезапно произнес нараспев отрывок из древней саги. Помолчал, озирая скалу и, наконец, сказал:

— «Песнь о Нифлунгах» утверждает: повелитель этого народа победил дракона в честном бою. В тексте нет упоминаний, что несметные сокровища Тразариха принадлежали именно этому дракону, но вывод напрашивается сам собой — если душа дракона и является проклятием клада, то царь Нифлунгов совершил подвиг по чьей зря! Дракон не отдал ему золото и остался незримым хранителем сокровищ, погубив своего убийцу. Как вам версия?

— Сойдет, — согласился Конан. — Руфус, и

где твоя пещера? Геберих! Скажи своим, чтобы спешивались и приглядывали за дорогой — не дай Митра гости невовремя нагрянут!

— Мне кажется, — полушепотом сказал Хальк королю, — что не следует идти в пещеру вместе с дружинными Гебериха и нашими телохранителями. Золото частенько оказывает на людей околдовывающее действие, человек при виде несметного богатства становится безумен...

— Смотри сам разумом не повредись, — хмуро улыбнулся киммериец. — Отправимся туда впятером — я, ты, Тотлант, Руфус и Темвик. Остальные подождут снаружи.

— Не-ет, — попятился бледный оборотень. — Я туда даже за все сокровища мира не сунусь! Ни за что! И не просите! Страшно! Зверь там, за камнем!

— Не хочешь — не надо, — пожал плечами Конан. — Вместо тебя Гебериха возьмем. Подходя крючкотворски, клад-то принадлежит народу вези, потомкам Нифлунгов. Пусть глянет на свое богатство. Не будем терять время. Если готовы — идем. Хальк, скажи историческую фразу!

— Сжимая в руке обнаженный меч, король двинулся навстречу судьбе, готовый победить или умереть! — прогнусавил барон Юсдаль. — Доволен?

— Дурак ты, — вздохнул киммериец. — Факелы приготовили? Замечательно. Надеюсь, через один квадранс мы окажемся богаче на несколько медяков...

* * *

Я повидал много разных сокровищниц — бывал в роскошных усыпальницах пирамид Птейона, в хранилищах казны Немедии и Аквилонии, даже умудрился сунуть нос в кладовую короля Грасскальского подгорного королевства Дьюрина VIII — интересно же посмотреть, какие богатства накопили гномы? Самая нищая сокровищница (всего пять сундуков с монетами и несколько шкатулок, наполненных цветными камнями), была, разумеется, в моем родном Пограничье, самая богатая — в Стигии, и принадлежала она конклаву Черного Круга...

Я думаю, что при виде клада Тразариха любовью нормальный гном молча вышел бы из пещеры, нашел веревку попрочнее да сук покрепче, и немедленно повесился. А рядом с гномом дерево украсили бы казначеи всех государств мира, от Аквилонии до Пагана — никто из них не выдержал бы этого зрелища. Даже Руфус, который уже видел сокровища, схватился за сердце, а что говорить об остальных?..

Конан опомнился первым:

— Кхм... Это мне не мерещится? Ведь не бывает такого! Может, перед нами очередной морок, наведенный Хранителем?

Онемевший Хальк подошел к ближайшей грудке крупных золотых монет и пнул ее ногой. Золото со звоном рассыпалось по камню, одна монетка подкатилась к носкам моих сапог.

— ...Тоже кхарийская, — выдавил я, рассмот-

рев монету. — Эпоха тринадцатой династии. Сет Великий, да что же это такое?! Тразарих перетащил сюда все сокровища Пифона? Да еще Атлантиду разграбил? Вместе с Лемурией и Валузией?

— Если мы объявим себя владельцами этой... этого... Боги, да у меня язык не поворачивается назвать *это* обычным кладом! — чуть истерично воскликнул Хальк, обретая дар речи. — Так вот, если мы вывезем все, что здесь накоплено, в Аквилонию, то на следующий день мы сможем скупить весь остальной мир на корню и даже на бутылочку хорошего вина останется... Не верю! Просто глазам своим не верю!

— Я тоже сначала не поверил, — пробормотал Руфус. — Но все это существует! Золото до невозможности материально!

Легенды не врал. «До невозможности материальных» сокровищ здесь было не просто много, а невероятно много! Немыслимо много! Я почувствовал предательскую дрожь в коленях — хотелось броситься в середину пещеры и набить кошель до отказа, а потом привести сюда лошадь и наполнить золотом переметные сумы... Да что одну лошадь — караван!

С трудом подавив неподобающие желания я сделал тщетную попытку хоть на глазок оценить размеры клада Тразариха.

Пещера, видимо некогда вымытая под скалой горячими водами, оказалась велика — оглядев ее при свете факелов я решил, что вытянутый подземный зал в длину составляет шагов чetyреста, в ширину — двести пятьдесят или около

того. Словом, грот превосходит размерами Большой Тронный зал королевского замка Тарантии раза в полтора. С потолка свисают белые известковые сосульки-сталактиты. Шума воды не слышно — в пещере сухо. Ведущий наружу коридор наверняка некогда являлся руслом подземной реки, пересохшей еще тысячу с лишним лет назад.

Все пространство от входа до теряющейся во мраке дальней стены буквально забито золотом в слитках и монетах — иные груды были высотой в человеческий рост. Угадывались очертания доспехов, клинков, шлемов, отделанных камнями боевых секир... Стройными рядами стоят золотые (опять же...) чаши, доверху наполненные несметными богатствами. Признаться, описать это зрелище довольно сложно — тут нужен поэт, а не косноязычный маг!

— Пройдем дальше? — совершенно деревянным голосом предложил Конан, и первым шагнул на устилавший камень драгоценный ковер. — Да не бойтесь вы! Хранитель не станет нас резать или душить — ему надо, чтобы мы все это забрали себе! Верно я говорю?!

Последние слова король выкрикнул, задрав голову к потолку пещеры. Хотел, чтобы Хранитель услышал.

Тишина. Никакого ответа. Хозяин клада предпочел промолчать.

— Взгляните, — привлек наше внимание Хальк, поднимая нечто, весьма похожее на арфу с золотой дужкой и серебряными струнами. —

Изделие изначальных альбов! Рунические надписи выполнены с самой архаичной стилистике — арфу почти наверняка сделали до падения Роты-Всадника...

— Положи на место! — шикнул Конан. — Гибрих, брось этот дурацкий кинжал! Пока ни единая монета из клада нам не принадлежит...

Военный вождь вези, доселе не проронивший ни слова, с заметным сожалением вернул приглянувшийся нож в эмалевых ножнах туда, где он лежал прежде.

Под подошвами наших сапог позванивало золото. Было странно шагать по осыпающимся горкам монет давно исчезнувших государств и сознавать, что люди тут не бывали тысячу триста лет. Кроме, естественно, Руфуса Оргайлского.

— Книги! — с восторгом взвизгнул Хальк, рванувшись к правой стене, возле которой громоздились стопки роскошно переплетенных фолиантов. Едва факел от возбуждения не уронил. — Руфус, ты не знаешь, что это за тома? Не просматривал раньше?

— Я плохо читаю на кхарийском, — сдержанно ответил граф Оргайл. — И тебе, Хальк, не советую касаться этих книг. Его величество абсолютно точно заметил — они не наши!

— Я просто посмотрю, — отмахнулся барон Юсдаль, хватаясь за верхнюю книгу. — Смотреть-то никто не запрещает? Я же не воровать их собираюсь! Митра и Иштар, помилуйте! Летописи Атлантиды! Они считались утерянными еще две тысячи лет назад! А это что?.. Тотлант,

тебе будет интересно — трактат по валузийской магии, если я правильно разобрал заголовок! Так... У меня сейчас сердце разорвется — самое настоящее «Описание древних нечеловеческих рас» с пятьюдесятью миниатюрами! Я видел копию этого трактата в Гиперборее, но оригиналы давным-давно пропали! Конан, делай что хочешь, убивай дракона, но эти книги должны быть моими!

— Первая жертва золотой лихорадки, — неодобрительно покачал головой король. — Как я могу убить дракона, если его здесь нет? Темвик, вероятно, ошибался... Пещера пуста. В смысле, необитаема.

— А вот эта штукавина может сойти за обитателя пещеры или как? — подал голос Геберих, заставляя нас отвлечься от рассматривания книг. — Если это не обитатель, то я, извиняйте, морская каракатица.

Я медленно попятился, наткнувшись спиной на сдавленно охнувшего Халька.

Хранитель. Дракон. Проклятие Нифлунгов. Невоплощенный Дух.

Словом, называйте Его как хотите.

Он пришел.

* * *

Хранитель не стал пугать людей. Сначала я был уверен, что Хозяин сокровищ предстанет перед нами в каком-нибудь устрашающе-величественном виде, желая продемонстрировать свое

превосходство, однако Он избрал более чем невинное воплощение.

Девушка. Как и все предыдущие видения, бесплотная, пусть и очень красивая. Вихрь радужных и полупрозрачных шелковых одеяний, не оставлявших никаких сомнений в ее округлых прелестях. Судя по характерному разрезу глаз, смуглой коже и украшениям сия дева явилась в Тринадцатый век по основанию Аквилонии прямиком из Кхарийской эры, запросто преодолев длинную череду столетий...

Иллюзия была бы полной, но передвигалась красотка абсолютно бесшумно и под ее голыми ступнями не осыпалось золото. Магии, как и прежде, я не чувствовал и, кажется, начал понимать, почему — если клад Тразариха действительно охраняет дух черного дракона, то надо вспомнить о неприятии Змеями Хаоса колдовства. Они предпочитали разрушать огнем и силой внушения, отлично действовавшей на людей или альбов — последние, благодаря черным драконам, уничтожали себя сами, не ведая, кто навел их на мысль о междоусобицах или братоубийственных войнах.

Что говорил Руфус об «искушениях»? Похоже, кхарийская дева пришла к нам как раз ради искуса, который непременно повлечет нашу гибель!

— Хороша-а! — протянул Конан, откровенно пялясь на пышные абрисы неожиданной гостьи. — Пускай и не в моем вкусе. Предпочитаю длинных и стройных. Со светлыми волосами.

— Как будет угодно государю... — мы все произвольно вздрогнули, услышав мягкий, журчащий голос призрака. Сей же момент грудастая кхарийка заместилась высокой беловолосой воительницей с ярко-голубыми глазами, какие частенько ходят в дружинах конугов Нордхейма. — Так лучше?

— Здорово! — с непритворным восхищением воскликнул киммериец. — А ну, покажи еще что-нибудь!

— Тут тебе не бродячий балаган, — неожиданно жестко процедило новое воплощение Хранителя. — Я знаю, ты пришел за золотом. Забей. Все, что находится в этой пещере — твое.

— Фу, как примитивно, — поморщился Конан. — А как насчет проклятия? Судьба Тразариха и его народа была печальна, и я не хочу повторить ошибку Нифлунгов. Ты ведь следил... э... следил за нами? Слушал разговоры, подсматривал, знаешь о чем мы говорили. Скажи, наши догадки верны? Ты действительно принадлежишь к роду черных драконов Хаоса? Или мы ошибались?

— Какая разница? — глубоким грудным голосом пророкотала дева. — Откажешься от сокровищ — их рано или поздно заберут другие люди. Посмотри на своих друзей, о король! Каждый из них может выбрать себе любую приглянувшуюся вещь! Хальку нравятся книги — они очень редки, бесценны! Гебериху нужно золото, дабы возродить древнюю славу своего народа? Прекрасно! Вези смогут вернуть себе бывшее величие. Тот-

ланту хочется стать самым великим магом человеческого мира? (Признаться, чего-то такого мне и в самом деле хотелось...) Я смогу научить его всему, что знаю сам. Да, по меркам древних я знаю немного, но в нынешние времена человечество утеряло и эти знания! Тотлант, ты был убежден в моей неспособности к искусству волшебства? Что ты скажешь на это?..

Девушка щелкнула бесплотными пальцами и я едва не потерял сознание — меня окутал мощный и упругий поток магии. Древнейшей и могучей магии, которая стремилась ко мне в руки! Возьми ее и используй! Никакой Тот-Амон, никакие Пелиас или Тсота-Ланти и мечтать не могут о такой силе!.. И эту силу мне готовы подарить!

— Н-нет, — с трудом прохрипел я. — Оставьте... Прекрати, я тебе сказал!

— Повинуюсь, — с нехорошей улыбочкой поклонилась дева, и вихрь волшебства исчез. — Месьоры, я дарую вам все, что захотите. Цена — моя свобода.

— Послушай, подруга, — серьезно сказал Конан. — Или друг?.. Неважно. Я подумаю над тем, как тебя освободить, обещаю. Конан Канах никогда не бросает слов на ветер, уж поверь. Только выполни одну ма-аленькую просьбочку.

— Я знаю, что ты исполняешь обещания, — согласился Хранитель. — Какова просьба?

— Хватит этого дурацкого маскарада! Покажись в истинном облике! То есть в том обличье, какое ты носил во времена, когда был воплощен.

— Изволь... То были славные времена! Эпоха величия, которая никогда не вернется... Клянусь всеми силами Вселенной, я бы много отдал за то, чтобы...

Хранитель осекся на полуслове, будто не хотел открывать людям некую тайну, принадлежащую только ему самому.

Метаморфоза произошла мгновенно. Пещера озарилась вспышкой золотистого огня, сразу замесившейся ровным свечением, похожим на лучи заходящего солнца. Обиталище Хранителя теперь можно было осмотреть полностью — факелы потускнели и начали гаснуть, но золотых лучей вполне хватало, для того, чтобы различить витиеватые гербы, отчеканенный на валявшихся под ногами монетах.

— Нидхогг, — только и сказал Конан. — Месьюры, а ведь мы умные, талантливые и рассудительные — разгадали шараду!

— ...Не без моих подсказок, — под сводами пещеры прокатился гулкий бас. — Таким я был сотворен!

На золотом ложе хозяйски развалился гигантский черный ящер, который одновременно и служил источником свечения. Дракон лежал на брюхе, обвившись длинным хвостом, оканчивавшимся чем-то наподобие ромбовидного копеечного оконечья. Широкие крылья сложены на спине. Острая морда, зубастая пасть, на вытянутой голове — острые шипы. Могучие лапы украшены когтями длиной с человеческую руку. Очень впечатляет!

Конан прошелся вдоль призрачного туловища дракона (в длину оно было не меньше семидесяти шагов!), ткнул рукой в чешуйчатый бок ящера, но ладонь провалилась в пустоту — дух Нидхогга покинул тело много столетий назад и более не сумел воплотиться.

— Вот интересно, насколько быстро ты смог бы разнести по кирпичику такой крупный город, как Тарантия? — непринужденно поинтересовался Конан. — Седмица, полторы? С учетом отдыха?

— За кого ты меня принимаешь, король? — нешуточно возмутился Хранитель. — Седмица, сказал тоже... Сжечь поселение, подобное твоей столице, любой дракон Хаоса сумеет за время от рассвета до полудня, а, возможно и быстрее.

— Понятно, — уважительно отозвался Конан. — Послушай, может мы договоримся? Поступай ко мне на службу. Обещаю чин гвардейского легата, выслуга, жалование и все такое...

— И большое жалование? — на драконьей морде отразилось некое подобие саркастической улыбки. — Тридцать золотых за одну луну? Тогда моего богатства хватит, чтобы служить легатом самому себе примерно десять раз по десять тысяч лет...

— Да шучу я! Не обращай внимания. Давай поступим так. Завтра утром я приду сюда и скажу, какое мы приняли решение. Насколько я понял, ты жаждешь свободы?

— Именно, — громыхнул дракон.

— И свободу ты можешь получить, только

если человек заберет твои сокровища и будет их использовать? Тогда ты сможешь властвовать над этим человеком и направлять его действия?

— Сказано чересчур упрощенно, но в целом верно.

— Нидхогг, я никогда не допущу, чтобы кто-то, пусть даже древний дракон, властвовал надо мной.

— Я это понимаю. Найди другой выход, о король.

— Не сомневайся, найду. И сделаю так, чтобы все были довольны.

— Это невозможно... Мы принадлежим к разным расам, мирам и временам. Кроме того, ничего подобного доселе никому не удавалось.

— Попробовать-то можно?

— Пробуй. Ты обещал завтра утром дать ответ... И помни — нарушившего слово ждет проклятие куда более страшное, чем то, что погубило Тразариха!

— Обижаешь! — Конан повернулся к нам и сказал: — Пойдем наружу. Здесь нам более делать нечего. Нидхогг, ты еще никуда не пропал?

— Слушаю тебя, Конан из Канахов.

— В свою очередь пообещай, что ночью не будет никаких представлений с раздачей золотых монет. Ты можешь нам помешать.

— Если тебе этого хочется — обещаю. Драконы тоже не нарушают слова.

— Вот и договорились.

* * *

Мы вылезли из пещеры в разгар полудня. Прохладное весеннее солнце только-только миновало зенит и начало опускаться к закату, небо светилось блеклой лазурью, продувавший Долину Дымов морской ветер уносил в сторону облака пара и вонючий сернистый газ.

Мы сделали большую ошибку, не взяв с собой хворост — в долине не росли деревья и посему разжечь костер было невозможно. Дружинники Гебериха и привычные к вулканам киммерийцы из «Дикой сотни» короля нашли выход довольно быстро: поставили котлы с похлебкой в раскинувшуюся неподалеку кипящую лужу и быстро приготовили обед для всего отряда.

Пока мы беседовали с невоплощенным драконом ярл Торольв успел обустроить лагерь — шатры стояли на плоских камнях, лошадей отогнали выше по долине, где росла скудная травка, были выставлены непременные караулы.

Ждали нас с нетерпением. И не только Торольв, его племянница, Сигвальд да Темвик (оборотень выглядел совершенно больным — воображаю, как на владеющего врожденной звериной магией Темвика действует близкое присутствие дракона!) — на покрытом козьей шкурой валуне у королевского шатра восседала старая ведьма Алафрида!

Как она очутилась в Долине Дымов? Путь сюда сложен и для сильных здоровых мужчин, а уж для стачетырехлетней женщины, да еще и

слепой, преодолеть дорогу к логову Хранителя было просто невозможно!

— Поговорили? — ведьма, не здороваясь, поднялась навстречу. Почувствовала, что Конан со товарищи вернулся. — Увидели, что хотели? Красиво... Я была в пещере много лет назад. Нет, не думайте, Нидхогг не предлагал мне золото — ему не интересно возлагать проклятие на нищую и отвергнутую людьми знахарку. Что теперь думаешь делать, Конан-конуг?

— Покушать и отдохнуть, — совершенно серьезно ответил король. — Но... Почтенная, я никак не ожидал тебя здесь увидеть...

— У меня есть свои маленькие тайны, конуг, — Алафрида скривила безгубый рот в невеселой улыбке. — Частенько слепец превосходит зрячего, а зрячий оказывается слепцом. Ты уже объявил себя хозяином сокровищ?

— Пока нет, — буркнул Конан. — Пускай и очень хотелось.

Король ненадолго замолчал, бесстрастно оглядел долину, поднял глаза к синему небу и неожиданно жестко выпалил:

— Месьюры, убить уже убитого дракона невозможно. Но так или иначе проклятие Нифлунгов не должно покинуть пределы Вадхейма! Время играет не в нашу пользу — Нидхогг будет ждать до следующего рассвета, а потом наверняка начнет действовать самостоятельно. Заметили, дух дракона искушал нас слишком... Слишком простенько. Мол, забирайте золото вместе с проклятием! И он знает, что мы не хотим быть

носителями проклятия. У Нидхогга есть другой план! Никто не полагает, что я, Конан Аквилонский, могу быть лишь приманкой, на которую клюнет человек, которого дракон видит новым хозяином клада?

— Конан, ты с ума сошел! — воскликнул барон Юсдаль. — Ты государь великой страны! Помнишь наш разговор о механизме мироустройства? Ты владеешь самой главной частью механизма, который черный дракон собирается уничтожить!

— Не будь в механизме самой маленькой шестерни, работать он не будет, — упрямо сказал киммериец. — Интрига закручена куда серьезнее...

— Дозвольте обратиться, благородные господа! — к нам подбежал Визимар, дружинник вези. — Дозор опять схватил того толстого аквилонца! Ехал прямо сюда! Хотя бы остерегся! Его как, повесить?

— Доран? — вытаращился король. — Откуда его нелегкая принесла? Я ж ему четко объяснил — на глаза не попадаться! Визимар, он что-нибудь сказал?

— Просит встречи с тобой, Конан-рикс.

— Веди к нам. Только вежливо! Вдруг действительно что-то важное... Он один?

— Вместе с телохранителем. Немой бородастый урод. Очень сильный. Они не сопротивлялись, великий рикс.

— Чем дальше, тем занятнее, — заинтересованно сказал Конан. — Доран, как я и надеялся,

переругался с капитаном Алонсо и прибежал предлагать свои услуги? Не думаю... Простец не станет опускаться до таких пошлостей. Или он хочет сообщить нечто необычное? Визимар, не стой столбом! Веди!

Будете смеяться, но именно Доран подсказал нам путь к спасению. Впрочем, право рассказать о дальнейших событиях я предоставляю Хальку Юсдаю. У него это получится гораздо лучше.

Глава 6

Хальк, третий рассказ Купить дракона

о. Вадхейм.

24 день Первой весенней луны 1293 г.

Все продается и все покупается! — в голос орал Доран Простец. — Все что угодно, понимаете? Боги, короли, драконы, демоны, маги, города, государства! Ваше величество, при всем уважении к персоне монарха, я не могу не напомнить вам, что некий Конан Канах был и наемником, и пиратом и простым шадизарским жуликом, продававшим свое умение срезать кошельки или забираться в окна добропорядочных горожан! Это же известно любому человеку, способному сопоставить байки Шадизара о некоем Конане по прозвищу «Малыш» с легендами про Конана — капитана Зингарского флота корсаров и именем нынешнего короля Аквилонии!

— Дальше-то что? — невозмутимо спросил киммериец. — Конанов на свете не меньше, чем Хальков или Доранов. А Тотлантов в Стигии и вообще не считаешь. Я правильно говорю, Тотлант?

— Это довольно распространенное имя, — довольно ответил волшебник. — Но при чем тут...

— Да при том! — взвыл Простец. — Если вы хотите что-то приобрести — узнайте цену! Пусть она будет высокой, но желание стоит выше золота! Этот проклятый клад наверняка можно перекупить у Хранителя!

— Ничего себе... — изумился киммериец. — Доран, ты не знаешь, о чем говоришь, потому, что не был в пещере! Невозможно купить сокровища, не имеющие цены!

— Вполне возможно, — твердо сказал Доран. — Повторяю: надо знать, чего и сколько желает получить за клад этот Хранитель-дракон.

— Видывал я и мздоимцев, и тех, что мзду давали, — Конан мечтательно воздел глаза к небу. — Но давать взятку дракону?.. Доран, ты безумен!

— Никакого безумства, — быстро ответил толстяк. — Только чистый прагматизм. Да, Хаос и Разрушение являются стихией этого существа. Но ведь Нидхогг наверняка хочет что-то получить для себя самого? Для своей личности, сущности? Сотый раз повторяю: мы должны узнать, чего именно желается дракону и подарить ему это!

— Что мы можем подарить душе дракона? — взвился Конан. — Золото? Этого добра у Нидхогга как грязи! Нас самих? Благодарю! Никогда и ни за что! Власть на миром? Мы этим миром не владеем, следовательно и дарить его не можем. Доран, по-моему ты зря сюда приехал. Теперь рудниками не отделаешься — вздерну!

— И все-таки я уверен, — с неодолимой убежденностью процедил Простец. — Государь, если наше предприятие окажется удачным, обещаю: я уйду на покой, уеду из Тарантии и впредь не побеспокою тайную службу вкупе с управой городской стражи. За такой большой куш я буду драться до последнего. Пусть даже этот куш достанется другому.

Я снова вспомнил слова графа Кертиса, произнесенные им в Тарантии: «Доран иногда пускается в невероятные авантюры, в которых ничего не заработаешь, но только получишь острые ощущения... И всегда выигрывает».

Кто знает, вдруг первый помощник главы аквилонской тайной службы непогрешимо прав?

* * *

Доран, сопровождаемый неприятным Ламасаром, ворвался на нашу стоянку подобно громомечущему шарiku на ножках. Удивляюсь его смелости — с Конаном шутки плохи, а варвар крайне недвусмысленно посоветовал королю тарантийских жуликов держаться от нас подальше.

Дальнейшие события вообще превзошли любые ожидания. Едва узрев Конана, Простец мелкой рысцей ринулся к повелителю Аквилонии и пал в ноги:

— Защиты и справедливости, государь!

— Чего? — оторопел киммериец. — Доран, ты не заболел? У тебя жар!

— Защиты и справедливости! — повторил Простец осященную временем и традициями формулу обращения жаждущего означенной справедливости верноподданного к королю, как к высшему судье государства. Вот, оказывается на чем он решил сыграть — с традициями не поспоришь! Король не имеет права отказать как герцогу, так и самому распоследнему пипему или прокаженному.

— Ты присаживайся и рассказывай в чем дело, — Конан все еще был слегка растерян. — Возникли трудности с капитаном Алонсо? Тогда ты сам виноват — нечего было связываться с человеком, которого даже на Барахас не уважают.

— При чем тут Алонсо, государь? — безразлично сказал Доран, поднимаясь с колен. Садиться на расстеленные по валунам шкуры Простец отказался, предпочел стоять. — Он у меня на крючке, никуда не денется — жизнь его очаровательных крошек зависит от покладистости капитана...

— Рассказывай, — повысил голос киммериец. — Если ты отвлекаешь меня по пустякам, быть тебе битым. Итак, какой негодяй осмелился обидеть моего доброго подданного?

— Чудовище. Чудовище, которое живет на этом замечательном острове, принадлежащем аквилонской короне, — в темных глазах толстяка сверкали хитрые искорки. Да и говорил он с не меньшей, чем у Конана, иронией. — На твоих землях, государь, завелось нечто странное и, наверняка, опасное. Король обязан защитить своих вассалов от любых недоброжелателей. Мы же не зря исправно платим подати в казну, государь?

— Таких вассалов как ты, надо обмазывать смолой, вываливать в перьях, сажать на осла задом наперед и возить по городам — чтоб люди в лицо знали злодеев короны и употребляли тухлые яйца да гнилую капусту по прямому назначению, — хохотнул варвар. — И что натворило твое чудовище?

Оказалось, что предыдущей ночью Нидхогг посетил не только нашу стоянку — дракон устроил пышное представление и для людей Простца. Единственно, монеты не раздавал. Но если мы знали о том, что призраки совершенно безопасны, то в стане противника началась тихая паника. Суеверные пордлинги Харальда Змеелова мигом погрузились на корабли и вышли в море, не желая подвергать себя опасности, исходящей от зловредного колдовства.

Пираты Алонсо оказались более выдержаны, кроме того маг Ангильберт, в точности как и Тотланг, не чувствовал непосредственной угрозы. Жажда золота оказалась сильнее страха перед непознанным: добры молодцы аргосского капитана вкупе с помощниками Дорана решили

остаться и довести предприятие до победного конца. Тот факт, что отряд аквилонского короля едва ли не вдвое превосходил пиратов по численности никого не смутил — если подойти к делу с умом, можно и целую армию разгромить или обвести вокруг пальца!

— Слушай, зачем ты пришел? — нетерпеливо спросил Конан у Простеца. — При чем тут «защита и справедливость»? Призраки не сделали вам ничего дурного, кошельки не срезали, судовую казну не украли, над кобылой Алонсо не надругались. Никакого ущерба, верно? Что тебе надо, Простец? Говори без двусмысленностей — я человек простой и предпочитаю ясность в любом деле.

— Государь, я хочу предложить союз. Временный, разумеется. И в последствии ни к чему обе стороны не обязывающий.

— Союз? — варвар картинно вздернул левую бровь. — Ты ненормальный! Зачем мне в союзниках такие люди как Алонсо Руис вкупе с отбросами, которых он набрал в свою команду? Признаюсь честно: день, когда я увижу Алонсо в петле, будет одним из самых радостных в моей жизни.

— Да, человек он скверный, — согласился Доран. — Увы, государь, мне было не из кого выбирать помощников... Я предлагаю союз от своего имени. И от имени моих людей. Капитан остается лишь инструментом для достижения цели. Когда работа будет выполнена, инструмент можно выбросить.

— Хорошо же ты относишься к своим друзьям... — вздохнул Конан.

— Какие «друзья», ваше величество? Я же сказал: инструмент.

— А я, часом, не стану таким же «инструментом»?

— Тут, извиняюсь за вульгарность, совершенно другой расклад, государь. Есть разница между морским побродяжником-пиратом и великим королем...

— Вот только не надо грубой лести! Что ты можешь нам предложить?

— Свою голову, мой король. Как известно, большинство прозвищ дается от противоположного. Меня называли «Простецом» в значительной степени потому, что я умею думать. Откровенно говоря, благодаря этому умению тайная служба нашей родной Аквилонии безуспешно гоняется за мной уже шестнадцать лет. А я спокойно работал при Вилере и при Нумедидесе, пять лет благополучно тружусь при Конане...

— Ты еще и хвастун, оказывается, — с деланным разочарованием сказал варвар. — Дальше?

— Насколько я понимаю, вы твердо верите в проклятие Нифлунов?

— И даже видели его собственными глазами прямиком перед твоим приходом. Ты, между прочим зря сомневался — в пещере засел здоровенный призрачный дракон весьма жуткого облика... Доран, я главного не понимаю: чем конкретно может помочь твоя умная голова? У нас тут своих мудрецов хватает! И потом: ты ведь

захочешь получить вознаграждение за свои труды?

— Десятая часть от общей добычи, — с чарующей непосредственностью шепнул Простец.

— Одна двадцать пятая и ни медяком больше!

— Согласен, — не вступая в долгий спор, кивнул Доран.

— Тогда напряги мозги и скажи, как можно избавиться сокровища от проклятия? — киммериец покосился в сторону темной щели, где начался подземный коридор ведущий в пещеру.

— Сначала я хочу спросить у вас, благородные месьюры: что вам известно о проклятии? Кем или чем является Хранитель? Врага надо прежде всего изучить, узнать его слабые и сильные стороны.

Конан опять вздохнул и дернул меня за плечо:

— Хальк, расскажи ему... Вдруг действительно что-нибудь придумает? Хотя я очень сильно в этом сомневаюсь.

* * *

Киммериец не зря сомневался. Доран не нашел ничего умнее, как предложить выкупить клад у Нидхогга, однако не сумел додуматься, какова будет цена.

Слепая Алафрида, молча слушавшая нашу напряженную беседу безмятежно улыбалась, будто наблюдала за малыми детишками, устроив-

шими ссору из-за пустяков. А когда мы начали строить предположения о возможном выкупе за сокровища, разразилась сухим квохчущим смехом.

— Вы так и не поняли... — отсмеявшись, прощамкала ведьма. — В мире под солнцем нет ничего ценнее жизни. Обыкновенной жизни. Верните Нидхоггу жизнь и он отдаст золото. Видите, как просто?

Мы умолкли и переглянулись. Никаких сомнений — Алафрида окончательно выжила из ума.

— Идея так себе, — уныло сказал Доран. — Рассудим: фактически, ваш черный дракон мертв, развоплощен. Его неприкаянный дух вынужден оберегать клад и по мелочи тащить людям, от рук которых Нидхогг и принял телесную смерть. Когда сокровища обретают хозяина, дракон использует свой дар убеждения и начинает удовлетворять жажду к разрушению, так? В любом случае его существование нельзя назвать «жизнью». Он вынужден вечно пребывать на грани бытия и небытия, что дракону наверняка весьма неприятно...

— Короче! — рявкнул Конан. — Хватит заушной трепотни! Роты-Всадника здесь нет, а самостоятельно воплотить дракона мы не сможем — силушкой божественной обделены! Давайте думать дальше!

— Постойте... — тихо проронил Тотлант. — Воплощаться можно не только в живое тело.

— Тотлант, и ты присоединился к этому ско-

пищу умалишенных? — киммериец посмотрел на волшебника сострадательно. — Дракон-зомби? Смешно! И потом, где найти тело дохлого ящера, чтобы отдать его Нидхоггу? Он ведь не захочет воплощаться в труп горного козла, лошади или хорька?

— Есть один способ... — упрямо повторил Тотлант. — Весьма опасный и неприятный. Знаешь, кто такие «личи»?

— Так называемые «живые скелеты», — сразу ответил король, искушенный в познаниях о самой разнообразной нечисти. — Мне про них рассказывали Ночные Стражи, Охотники на монстров, когда я ходил в их отряде. Да и сам видел личей пару раз... Мерзкие твари.

— Я слышал, будто древние черные маги умели создавать драконов-личей. Подобный дракон-скелет владеет всеми способностями обычного крылатого змея — может летать, плевать огнем, колдовать и так далее. Такое воплощение, разумеется, несовершенно, но все-таки довольно близко к настоящей жизни...

Доран широко раскрыл глаза и хищно подался вперед.

— Что необходимо для проведения обряда воплощения? Ты сможешь это сделать?

— Нет, — категорически заявил Тотлант. — Я принадлежу к конклаву Алого Пламени, моя стихия — Равновесие между Светом и Тьмой! Алое Пламя не допускает некромантии!

— Зато Тьма наверняка допускает, — масляно ухмыльнулся Доран. — Все-таки недаром мы

притащили с собой месьора Ангильберта! Кажется, главные составляющие выкупа Хранителю в наличии! Душа дракона, маг Черного Круга... Остается уломать Нидхогга! Как думаете, он согласится?

— Ты сначала подумай, соглашусь ли я, — исключительно мрачно сказал Конан. — Если к магии Равновесия и Светлым волшебникам я отношусь спокойно, то Темных на дух не выношу! Обряды Тьмы крайне опасны лишь потому, что Черная Бездна и ее владыки совершенно непредсказуемы...

— Государь, тебя никто не просит участвовать в обряде, — пожал плечами Доран. — Помнишь, что я говорил об инструментах достижения цели? Черная магия тоже будет таким инструментом, о котором впоследствии можно забыть. Месьоры, благодаря госпоже Алафриде и достойнейшему Тотланту мы нашли выход из тупика! Не отступаться же теперь? Я могу немедленно отослать Ламасара за колдуном — ве череет, а обряды некромантии как правило проводятся ночью...

— Главное — получить согласие Хранителя, — сказал я. — Вдруг он откажется или ему не понравится сама мысль о превращении в дракона-лича?

— А если Нидхогг после воскрешения просто-напросто убьет каждого из нас? — заметил король. — Тотлант сказал, будто он сможет изрыгать пламя как и прежде!

— Понадеемся на лучшее, — легкомысленно

отозвался Доран. — Мы вернем Нидхоггу жизнь, а он в знак признательности уничтожит своих освободителей? Чепуха! Великие духи древности не могут страдать человеческими пороками, первый из которых — неблагодарность!

— Не разделяю столь наивную убежденность, — скептически хмыкнул киммериец. — Месьюры, вы понимаете, что мы ставим на кон все, чем владеем? Наши жизни, мою корону, дальнейшее течение аквилонской истории? И ради чего? Ради паршивого золота!

— Ради победы в игре, где смертный обязательно должен проиграть, — возразил Простец. — Перехитрим судьбу, избежим неизбежного, превратим мертвое в живое. Государь, я слышал будто ты всегда любил безнадежные авантюры!

— Не настолько безнадежные, — отрекся король. — Ладно. Уговорили. Хальк, пошли к Нидхоггу, в пещеру. Будем надеяться, что мы договоримся. А если нет, то нас ждут крупные неприятности!

— Они нас ожидают при любом исходе, — убитым голосом проворчал Тотлант. — И какой демон меня за язык потянул?.. Сет Великий, это же будет первый дракон-лич за всю послекханийскую эпоху!

* * *

Нидхогг согласился.

В пещере нас вновь встретил призрак гигантского ящера — как и полагалось, дракон лежал

на сокровищах, бдел и охранял. Я в который раз подумал, что очутился в ожившей сказке.

Уж не знаю, где Конан так насобачился составлять договоры — наверное, вспомнил давний падизарский опыт. А если учесть, что это был договор с одним из самых могучих духов нашего мира, то киммерийцу следует поставить золотой конный памятник (с поверженным драконом у ног...) на главной площади тарантийского квартала стряпчих. Любой судейский крючкотвор разрыдался бы от умиления, увидев составленный нами документ. Конан приказал обязательно захватить походный писчий прибор и мне пришлось увековечить на пергаменте самую странную сделку в истории государственной канцелярии Аквилонии.

Дух дракона не ломался и не набивал себе цену — такое впечатление, что он ожидал услышать от людей именно предложение о новом воплощении. Едва киммериец сообщил Нидхоггу наше решение, змей немедленно его принял, пообещав отдать за новое, пускай и не настоящее, тело, сокровища Тразариха. Очень уж ему хотелось обрести чаемую свободу!

Но не тут то было! Варвар едва наизнанку не вывернулся, обговаривая дополнительные условия. Я не буду приводить в этой рукописи полный текст договора, ограничусь лишь самыми важными его пунктами.

«Первое. Конан Канах, король Аквилонии, великий герцог Боссонский и прочая, и прочая, обещает, что подчиненный ему маг вернет дра-

кону Нидхоггу воплощение в тело в виде «лича», за неимением настоящего драконьего тела.

Второе. Вышеназванный Нидхогг после удачного завершения обряда воплощения передает означенному Конану Канах находящиеся в данной пещере сокровища в безраздельное и вечное владение без каких-либо оговорок или иных условий.

Третье. Нидхогг обязуется незамедлительно улететь с острова Вадхейм, не причинив самому Конану Канах и его сопровождающим никаких убытков и поношений.

Четвертое. Нидхогг обязуется никогда не появляться в пределах Аквилонского королевства и не причинять его подданным никаких неудобств...»

Замечу, это всего лишь четыре строки договора из двенадцати. Конан приложил максимум усилий, чтобы обезопасить самого себя и Аквилонию от возможного нападения дракона. Оставалось надеяться, что Нидхогг сдержит слово, а маг Дорана сумеет без затруднений провести обряд.

Мы провели в пещере примерно два колокола, а выбравшись на свежий воздух с некоторым изумлением обнаружили в лагере немыслимую кутерьму, руководили которой Доран, Геберих и две угрюмых личности в черных балахонах гильдейских колдунов. Только у смуглого стигийского волшебника на груди были вышиты песочные часы, символизирующие Равновесие, а у светловолосого аквилонца средних лет — клыкастая кобра, одна из ипостасей Змеенога.

— Что тут происходит, Сет вас всех задерживает? — громко сказал киммериец, обращаясь к Простецу. Маг Черного Круга сразу же недобро покосился на короля, помянувшего всуе имя великого божества. — Что это за кладбище?

— Это, государь, отнюдь не кладбище, — кашлянув, ответил Доран. — Сии бранные останки являются будущими... кхм... составными частями дракона. Прошу познакомиться, мой повелитель — Ангильберт из Таброния, маг конклава Черного Круга Стигии!

Ангильберт молча поклонился королю, но зыркал на Конана по-прежнему с плохо скрываемым ожесточением.

Еще бы! За свою жизнь киммериец причинил Черному Кругу неприятностей больше, чем все остальные недоброжелатели стигийцев за полное тысячелетие!

— Очень приятно, — солгал король, взглянув на колдуна. Голос у Конана был совершенно ледяным. — Итак, мне объяснят причины, по которым эту дивную полянку превратили в некрополь? Чьи это кости?..

Возле наших походных шатров валялось огромное количество выбеленных временем огромных берцовых костей, позвонков, ребер, бивней и прочих частей скелетов каких-то крупных животных. А конные дружинники-вези вкупе с пордлингами и киммерийцами из охраны короля привозили из дальней части Долины Дымов все новые и новые косточки.

— Я все объясню, — к нам подошел Тотлант.

— Но сначала скажите, Нидхогг согласился или мы устроили эту суету зря?

— Согласился, конечно. И теперь повизгивает от нетерпения... Повторяю: откуда кости?

— Создание дракона-лича требует соответствующей подготовки, — терпеливо объяснил Тотлант. — Для восстановления драконьего скелета можно использовать остовы других животных. Во время обряда они соединятся в единое целое и обретут форму ящера. Руфус показал нам ущелье, где находится кладбище белых слонов — они приходят туда умирать. Костей хватит на воплощение полутора десятка самых здоровенных драконов...

— Геберих, нам придется перед закатом отправить всех людей прочь из долины, — обратился Конан к военному вождю. — Я опасуюсь не столько Нидхогга, сколько темного колдовства, открывающего врата между миром живых и Черной Бездной.

— Ничего страшного не произойдет, — деревенно ответил Ангильберт, услышавший слова короля. — Никаких демонов или монстров не будет — я всего лишь почерпну силу Бездны и направляю ее в нужное русло.

— Рад это слышать, — сквозь зубы процедил киммериец. Было видно, что Конан не доверяет Ангильберту ни на грош. — Когда начнется обряд?

— Как и положено, в полночь...

Солнце медленно опускалось к водам Закатного океана. Полная темнота должна была на-

ступить примерно через полтора колокола, а там и до полуночи недалеко.

Я упрятал тубус с договором в прорезь рукава колета и пошел собирать вещи.

Боги, что мы творим? В какую аферу ввязались? Уму непостижимо!

Клянусь своей дворянской честью, если все обойдется и мы вернемся в Тарантию, больше никогда не буду выдумывать несуществующие клады!

* * *

— Магов у нас двое: Темный и Равновесник, объединяющий Тьму и Свет. Следовательно мы на три четверти обладаем темной стороной силы, и на четверть светлой... Ничего, иногда бывало и хуже.

Доран Простец выдал эту сомнительную сентенцию незадолго до наступления середины ночи, а я с трудом подавил желание съязвить по поводу вечной битвы бобра с ослом, в которой непременно должно побеждать бобро. Увы, наступившая ночь к шуткам не располагала.

Если вы думаете, что Хальк Юсдаль последовал примеру аквилонского короля и Гебериха, вместе со всеми остальными убравшихся из Долины Дымов от греха подальше, то глубоко ошибаетесь. Упустить редчайшего случая вблизи поглядеть на уникальный колдовской обряд я попросту не мог. Разумеется, за чрезмерное любопытство можно запросто поплатиться своей

драгоценной шкурой, но интерес пересилил осторожность.

Возле пещеры Нидхогга остались четверо: я сам, толстый Доран (Простец тоже оказался болезненно любознательной персоной) да Ангильберт и Тотлант, который, переборов себя, согласился помочь магу Черного Круга провести церемонию воплощения драконьего духа.

Между прочим, оба мага довольно быстро нашли общий язык, поскольку Тотлант в детстве и юности обучался в Стигии и постигал искусство волшебства по канонам древнейшего Темного конклава, сохранявшего традиции Кхариин. Повзрослев, Тотлант сделал осознанный выбор в пользу Алого Пламени и был вынужден уехать из родного Луксура, однако долгие годы проведенные в школах Черного Круга не забылись. Ангильберт и стигиец отлично понимали друг друга, пускай неписанные законы конклава Равновесия и запрещали Алым магам участвовать в обрядах двух противоборствующих сторон — Тьмы и Света.

— Если о моем участии в обряде узнают другие Равновесники, то меня запросто выгонят из Ордена, — огорченно говорил Тотлант, пока мы коротали время у костерка. — Я понимаю, что существование мира невозможно без великих сил Черного и Белого и что каждая имеет право на проповедь своих догматов.

— Вот оно как? — я повернулся к Ангильберту и спросил: — Скажи, каков же главный догмат Тьмы? Обычно Тьму сопоставляют со всяче-

скими ужасами, клыкастыми демонами, смертью...

— Порядок. Порядок и упорядоченность, без которых жизнь немыслима, — не задумываясь ответил колдун. — Светлые полагают, что основа жизни состоит в так называемой «свободе». Неограниченная свобода ведет к хаосу, мы же выступаем за разумное ограничение оной, дабы хаоса не допустить. Вот скажи, уважаемый барон, что бы произошло с нашей Аквилонией, окажись каждый обитатель королевства полностью свободен от ограничений, которые на него накладывают законы и мораль? Представь, что каждый человек получил свободу в желаниях и действиях. Один захочет стать королем, другой — богатым купцом, третий герцогом. Какой-нибудь захудалый кмет из владений баронов Юсдалей возжаждет сам стать бароном и выгонит твою семью из фамильного замка, каждый нищеврод из трущоб Тарантии загорится желанием запустить руку в государственную казну... И так далее. Каков же результат? Хаос, крушение миропорядка, гибель цивилизации. Свобода всегда должна быть ограничена разумной властью.

— Идея вполне рациональная, — согласился я. — Как тогда увязать ваши более чем благоразумные цели с неимоверным страхом, который вызывает у людей одно лишь упоминание о конклаве Черного Круга?

— Во многом мы сами виноваты... — удрученно сказал Ангильберт. — Каждый человек подвержен искушениям властью, золотом и могуще-

подальше во избежание неприятных последствий — с магией шутки плохи. На всякий случай я потрогал амулет, подаренный ведьмой Алафридой сегодня днем: якобы, очитая фигурка собаки на тонкой веревочке могла уберечь меня от злых духов, способных вырваться из Бездны. Серебряная собачка оказалась неожиданно холодной.

Мы заранее соорудили некое подобие алтаря — просто взгромоздили друг на друга три плоских валуна. Рядом панически блеял отловленный вояками Гебериха горный баран — для открытия Врат Бездны необходимо подарить ее духам живое существо. Хорошо хоть не человека!

* * *

Мы с Дораном укрылись за камнями в пятидесяти шагах от главного места действия. Обзор замечательный. Каменистая площадка освещена магическими шариками-фонарями, запущенными высоко в воздух Тотлантом и Ангильбертом. Возле неуклюжего алтаря поднимается целая гора костей снежных слонов. На самом алтаре мерцает холодной синевой хрустальный шар.

Вначале я предполагал, что начало церемонии будет обставлено со всем мрачным шиком, присущим Темной магии — искры, заунывные песнопения, мечущиеся уродливые тени... Обычно именно так представляются непосвященным обряды последователей Сета Змеенога, большого любителя порядка и упорядоченности.

Реальность и вымысел, как известно, несомнестимы.

Обоих магов окутал малиновый с ярко-фиолетовыми змейками защитный ореол — они оказались внутри коконов волшебной силы, способных оборонить человека от ледяного дыхания Бездны. Засим Ангильберт подошел к рвущемуся с привязи барану и метнул в него тонкую зеленоватую молнию — животное успокоилось и тупо последовало за колдуном. Теперь-то я понял, что означает выражение «вести на убой»!

— Ух ты... Здорово... — бормотал Доран, который, судя по всему, ничуть за себя не боялся. Как человек практический, толстяк не верил в опасность магии. — Смотри, смотри! Барана режут! Ну, сейчас начнется!..

Жертвенный нож рассек шею барашка, кровь хлынула на алтарь и покрыла округлый кристалл. Насколько я сумел разглядеть, Ангильберт просто бормотал заклинания, а Тотлант стоял немного позади и поддерживал защитную оболочку, которая теперь накрыла двух магов ярким куполом.

Все дальнейшее произошло очень и очень быстро.

Амулет на моей груди внезапно превратился в дымящийся комок льда и рассыпался — колдовство Алафриды не смогло противостоять явившемуся из открывшегося в Черную Бездну узкого тоннеля Изначальному Злу.

Земля под ногами колыхнулась, будто при землетрясении. Купол, защищавший магов, по-

тускнел и съежился по чудовищным напором чужой силы.

Сразу за алтарем образовался ровный мерцающий круг, в центре коего клубился ядовито-желтый туман, который начал быстро рассеиваться. Даже я, обычный человек, чуждый магии, начал ощущать, как из портала исходит невероятная мощь, струи которой стекались к вытянутым ладоням Ангильберта... Колдун буквально впитывал в себя исторгаемый Бездной поток Силы.

Доран пискнул, будто мышонок, а я был готов заорать от ужаса, но маги в один голос выкрикнули заклятие на кхарийском (если я правильно разобрал...) наречии и портал захлопнулся прямо перед носом какой-то невообразимо противной твари, явно собиравшейся выбраться в наш мир из Пустоты...

Ангильберт успел забрать у Бездны необходимую для воплощения дракона Силу. Теперь человек будто светился изнутри болезненным синеватым огнем, колдун обратился в сосуд, наполненный некоей абсолютно чужеродной и смертельно опасной субстанцией. Я мимолетно почувствовал Темным магам — как они, бедные, могут годами иметь дело с такой гадостью и оставаться в здравом уме?

— Ф-фу-у... — Доран утер рукавом взмокший лоб и сплюнул: — Если эта... Бездна... способна вызывать настолько гнусные ощущения, то я стараюсь пользоваться услугами колдунов стигийского конклава... Митра Всеблагод, ведь пор-

тал был открыт всего несколько мгновений, а* чувство такое, будто во вселенской выгребной яме искупался и целое озеро дерьма выхлебал! Хальк, что у них там?..

«У них» как раз в этот момент происходило самое главное — Ангильберт не мог долго удерживать Силу Бездны без фатальных последствий для своей души и тела: Тотлант потом объяснил, что мощь Первородного Зла способна за кратчайшее время уничтожить человека.

Кристалл полыхал, будто спустившаяся с небес звезда. Водопад голубых молний срывался с пальцев колдуна, окутывая огнистым вихрем скопище костей, которые внезапно начали сдвигаться с места и подниматься в воздух — их будто смерч подхватил!

Но где же самое важное действующее лицо — Нидхогг? Ага, вот и его милость дракон! Просто мы, будучи увлеченными магическим спектаклем, смотрели только на Ангильберта и Тотланта, не замечая золотую искру, сверкавшую в небесах над скалой.

Заклинания сделали свое дело — искра метнулась вниз, к алтарю, на миг превратившись в смазанную полосу янтарного света, ударилась о хрустальный шар и рассыпалась на облачко из тысяч крохотных светлячков, которых постепенно вбирала в себя волшебная сфера. Кристалл начал менять цвет с голубого на золотой.

Тем временем невидимый смерч захватил всю грудку слоновьих останков — гладкие мослы с невероятной быстротой кружились в воздухе, по-

«степенно складываясь в узнаваемые формы. Вот из десятков остистых позвонков начал образовываться длинный гибкий хребет, появились передние лапы и контуры черепа...

Из костей потоньше формировались крылья, бивни давно погибших слонов превращались в когти и шипы на спине громадного жуткого ящера — и обычный-то дракон выглядит довольно устрашающе благодаря своим размерам и необычному облику, а уж дракон-лич являет собой истинное пугало! Любая, самая страшная горгулья или химера, кои украшают королевский замок Тарангии, по сравнению с появившимся в Долине Дымов живым скелетом крылатого змея покажется вам очаровательным домашним зверьком, с которым будут радостно забавляться детишки!

— Рассказать кому — поднимут на смех, как неумелого сказочника! — с восторгом ахал Доран. — Какой красавец!

Я подумал, что у нас с Простецом несколько разные понятия о красоте. Новое воплощение Нидхогга вовсе не казалось мне привлекательным. Если эдакое страшилище во сне привидится — седым проснешься, если проснешься вообще!..

— Похоже, они закончили, — деловито сказал простец и потянул меня за рукав. — Пойдем, глянем поближе!

И верно: действие магии более не ощущалось, мерцание померкло и свет исходил лишь от тусклых фонариков Тотланга.

Некоторое время я колебался — у подножия скалы восседал остистый монстр, близкое знакомство с которым меня вовсе не прельщало. Но Доран с такой настойчивостью потащил меня вслед за собой, что упираться было просто невозможно.

Скелет ящера (который шевелился и пыхал струйками дыма из костяных ноздрей...) от кончика носа до шипа на хвосте был длиной около шестидесяти-семидесяти шагов, хотя я могу и ошибаться. В глазницах белоснежного черепа, составленного, наподобие мозаики, из множества мелких плоских костей, полыхало недоброе багровое пламя. Когти постукивали по граниту, в пасти были заметны ряды зубов. И все-таки это невероятное создание было живо...

— Надеюсь, ты доволен? — Доран запросто остановился перед драконом и задрал голову. — Все сделано правильно?

У меня появилось отчетливое ощущение того, что Нидхогг сейчас попросту раскусит нахала напополам. Рядом с драконом-личем Доран выглядел крошечной козявкой.

Нидхогг повел чешуей вправо-влево, с неприятным стуком расправил крылья, больше походившие на эдакий гигантский веер из костей, и мы услышали его глухой голос:

— Надо приноровиться... Отойдите в сторону...

Дракон потоптался на месте, будто разминаясь, медленно прошелся вдоль скалы, подпрыгнул и попытался взлететь. Сначала ничего не

вышло — живой скелет с впечатляющим грохотом рухнул наземь (мне показалось, что он сейчас снова рассыплется на гору отдельных мелких косточек), засим вновь поднялся на лапы, разбежался и...

Если вы никогда не видели, как летает дракон-лич, то многое потеряли. Скажу прямо: нет зрелища абсурднее, чем летучий драконий остров. Нидхогг сделал круг над долиной, а затем рванулся в небо и быстро исчез из виду.

— Он что, насовсем улетел? — озадачился Доран. — Даже не попрощался и спасибо не сказал?

— Нет, — услышался хриплый и очень усталый голос Тотланта. Стигиец, пошатываясь, подошел к нам. — Нидхогг улетел купаться в звездном свете, впервые за тринадцать веков... Он еще вернется, уверен. Давайте поможем Ангильберту — ему очень плохо.

— Проклятие с сокровищ снято? — Доран пропустил слова Тотланта мимо ушей. — Теперь это лишь обыкновенное золото?

— Кажется... Кажется, да. Договор выполнен, но какой ценой! Боги, Сет Великий, теперь меня ничто не заставит обратиться за магической силой к Черной Бездне! Ангильберт взял из портала столько мощи, сколько сумел, и сам едва не погиб... Да вы только посмотрите на него!

Темный маг недвижно, будто статуя, стоял перед залитым подсыхающей кровью алтарем. Черты лица, раньше вполне обыкновенного и даже в чем-то привлекательного, резко изменились — сплошные углы, изломы, тени. При свете

фонариков кожа казалась не бледной, а мертвенно-синюшной. Губы выглядели черными, глаза глубоко запали в глазницы.

— Батюшки, — всплеснул руками Доран, осмотрев мага. — Живой мертвец, почище Нидхогга! Хальк, Тотлант, в моей сумке есть фляга с крепким красным вином! Барон Юсдаль, дайте свой плащ, уложим его, пускай отдохнет до рассвета! Что с ним такое?

— Дыхание Бездны, — прошептал Тотлант. — Я искренне удивляюсь, как он перенес столкновение с чистейшим, незамутненным Злом, у которого отобрал часть силы... И меня-то едва в клочки не разорвало, а что говорить про Ангильберта!

Мы устроили впавшего в состояние полного безразличия к сущему мага на моем теплом плаще, влили ему в рот несколько капель вина, и вернулись к алтарю, на котором светился кристалл.

— Как так может быть: душа дракона одновременно содержится и в камне, и в его новом теле? — осведомился Доран, потрогав пальцем хрустальный шар. — Или я просто недопонял ваши объяснения?

— Магические артефакты, подобные этому, — стигиец кивком указал на кристалл, — раньше назывались «Зеницами Дракона». Внутри камня находится лишь часть его сущности, опутанная сетями магии, способной направлять действия дракона... Давайте на время забудем про колдовство, некромантию, ящеров, проклятия и сокро-

вища! Я хочу напиться! Месьор Доран, благово-лите передать мне баклагу! Кстати, это все вино, которое у нас есть?

— Почему же... В расчете на холодную ночь я припас целых четыре фляги, — хихикнул Тол-стак. — До утра должно хватить, а там его вели-чество привезет еще... Уважаемый Тотлант, ты предпочитаешь «Измурдную лозу» или «Вино-градники Либнума»?

— Какая, к демонам, разница...

* * *

Проснулся я от шума и холода. Голова раска-лывалась, меня била крупная дрожь, ладони онемели. Кроме того, какой-то негодяй весьма настойчиво пихал меня носком сапога в бок.

— Конан... — простонал я, разлепляя веки. — Сгинь, нечисть...

— Вот это я понимаю, уважительное отноше-ние к королю, — рассмеялся киммериец, одно-временно всовывая в мою безвольную длань фляжку с ягодной настойкой. После нескольких глотков мне полегчало и я хотя бы начал осоз-навать, где нахожусь и что происходит. Конан продолжал балагурить: — Мы наблюдали за до-линой с перевала, видели фейерверк, который устроили Тотлант вместе этим... Тёмным. Кста-ти, что с ним? Колдун лежит без сознания, едва дышит.

— Не знаю, — честно сказал я, оглядываясь. — А где дракон?

— Это я у тебя хотел спросить. Нидхогг во-плотился?

— Да...

— То-то я гляжу, косточки исчезли. Значит, наша часть договора выполнена?

— Именно.

— И мы можем забрать клад?

— Наверное... Только мы его не заберем.

— Почему не заберем? — возмутился Конан. — Договор...

— При чем тут договор? Во-первых, чтобы вывезти с острова такое количество золота и камней, нам понадобится громадный флот из полутысячи судов, — пояснил я. — А во-вторых, когда мы пустим сокровища в оборот, цены на золото и драгоценности в Аквилонии и сопре-дельных государствах резко поползут вниз. По-следствия обесценивания золота объяснить, или сам все поймешь?

— Не было печали... — вздохнул Конан. — При-хватим с собой все, что сможем увезти на драко-нах и кноррах Хререка, а чтобы какие-нибудь во-рюги наподобие Алонсо в наше отсутствие не на-ложили лапу на законную собственность аквилон-ской казны, попросим Тотланта спрятать пещеру охраняемыми заклинаниями. Через пару лун я при-гоню к Вадхейму все торговые суда, какие смогу нанять и мы переправим клад в Тарантию.

— Удивляюсь твоему оптимизму. Слухи о кладе немедленно расползутся по всему Матери-ку Заката и через две луны тут окажутся все флоты мира — зингарский, аргосский, шемит-

ский... Пираты Барахас тоже присоединятся к общему веселью. И некоторые нордлинги, желающие слегка поправить свое благосостояние. Воображаю какое великое морское сражение начнется возле этих благословенных берегов! Все против всех!

— Ты слишком мрачно смотришь на жизнь, — беспечно ответил Конан. — Если уж мы с драконом справились, то бояться людей бессмысленно!

Пока мы с Тотлантом и Дораном отогревались возле разложенного заботливым Темвиком костерка, завтракали и рассказывали оборотню вкупе с Геберихом и Тюророй о ночных событиях, Конан развил лихорадочную деятельность. По его приказу все лошади отряда были расседланы — ездовая скотина теперь должна была перевезти в Одаль-фьорд мешки с золотом. Потом Конан и пять десятков дружинных отправились в логово Нидхогга, за первой добычей.

Я расхохотался, увидев лица парней Гебериха и наших киммерийцев, когда они вышли из пещеры, нагруженные тяжеленными кожаными баулами. Такое впечатление, что эти взрослые и сильные люди только что заново родились на свет и начали постигать его тайны. В основном на их физиономиях читались недоверие, недоумение и чувство легкого ужаса. Отлично понимаю вези и воителей «Дикой сотни» — зрелище клада Нифлунгов не предназначено для впечатлительных людей с тонкой душевной организацией, коими, несомненно, являются все варвары.

Алафрида, которая вернулась в долину вместе с Конаном золотом не интересовалась. Слепота не помешала ведьме тотчас же определить, что один из участников обряда воплощения серьезно пострадал и старуха молча направилась к бесчувственному Ангильберту. Посидела с ним недолго, подожгла какую-то пахучую травку, покачала головой и, опираясь на корявую клюку, вернулась к костру.

— Его душа ранена, — проскрипела ведьма. — В нем осталась частица черноты, которая пожирает человека изнутри...

— Ангильберт, вероятно, не выживет? — спросил Доран, как мне показалось, не без скрытой надежды.

— Лучше бы не выжил, — сурово и непонятно ответила старица и вновь умолкла, не желая ничего разъяснять.

— Тотлант, ты не можешь ему помочь? — я взглянул на недвижимое тело. Лицо Ангильберта более походило на посмертную восковую маску.

— Он добровольно вобрал в себя моцъ Первородного Зла и не сумел полностью от него избавиться после проведения обряда, — угрюмо сказал стигиец. — То, что принято добровольно, не может быть отторгнуто другим человеком или магией... Зло покинет его душу и тело только в случае, если Ангильберт сумеет его изгнать самостоятельно. Когда... Когда и если очнется.

— О чем беседуем? — громыхнул радостный голос Конана. Король притаился из пещеры какой-то весьма неопрятный огромный сверток и

аккуратно положил его возле наших ног. — Я тут вам подарочки приготовил... Не побрезгуйте принять — сам выбирал.

Киммериец отбросил холстину и я с замиранием сердца узрел стопку книг, на которые еще вчера положил глаз. Конан тем временем одаривал остальных — кому шейную гривну, кому кинжал в драгоценных ножнах. Даже Дорана не забыл — толстяк получил браслет с выгравированным древним символом правосудия — весами.

— Это намек? — ухмыльнулся Простец. — Благодарю, государь.

— Не за что... Все-таки, в общем успехе есть и твоя заслуга. Кром Громовержец, мы выгребли оттуда столько золота, что у лошадей хребтины трещат! А сокровищ не стало меньше!

— Я могу забрать свою двадцать пятую часть? — невинно осведомился Доран. — Детипкам, так сказать, на молочишко?

— Вот когда мы пересчитаем, сколько добра там навалено, тогда и получишь свою долю, — фыркнул Конан. — Скажи, зачем тебе столько денег? Ты же их за всю жизнь не потратишь! Подождите-ка... Что там случилось?

Из туманного марева горячего пара появился всадник, гнавший лошадь галопом. Приглядевшись, я распознал Сигвальда, остававшегося в дозоре на перевале.

Буквально вывалившись из седла, запыхавшийся нордлинг подбежал к нам.

— Конан-конуг... Нападение!

— Не понял, — сдвинул брови король. — Ка-

кое нападение? Харальд Змеелов изменил своему слову?

— Нет! Там чужеземцы! Те, которые приплыли на большом корабле с парусами! Пришли внезапно, смяли наш дозор и захватили перевал, тропу! наших убивать не стали — просто отгнали в долину. Ихний главный, который с бородой и в красной одежде, передал, что выпустит нас из долины без лошадей и разрешит уйти. Если откажемся — прикажет стрелять из арбалетов по каждому, кто покажется на тропе.

— Доран! — король резко повернулся к толстяку. — Твоя работа?

Простец напыжился и покраснел от гнева:

— Государь, разве я давал повод усомниться... Слово Дорана из Боссонии стоит дороже всех кладов мира!

— Извини... Значит, проклятуший Алонсо решил поиграть с нами по своим правилам! С-скотина! Тропа узкая, идет между скал, другой дороги из долины нет. Будто кувшин пробкой заткнули! Ну ничего, он еще увидит пресловутый монарший гнев во всей красе! Ублюжок!

Пока Конан громогласно крыл капитана Алонсо Руиса последними словами, я заметил движение возле каменного алтаря, где оставалось позабытая нами Зеница Дракона. Шаровидный камень уже никого не интересовал.

Никого, кроме внезапно очнувшегося Ангильберта. Маг поднялся на ноги и дергающимся неровным шагом направился к алтарю.

Глава 7

Третий рассказ Тотланта

Огонь и камень

о. Вадхейм.

24-26 дни Первой весенней луны 1293 г.

Вазумеется, после прочтения достаточного количества книг, повествующих об удивительных чудесах древности, я знал, что настоящий взрослый дракон является весьма грозной силой. Но прежде я и представить себе не мог, каково истинное могущество крылатых ящеров! Конан, между прочим, впоследствии заявил, что если бы на службе короля Аквилонии находился хоть один дракон (пусть даже и не такой огромный, как Нидхогг), то через годик-другой все земли Материка, от Пуши до Кхитая, оказались бы под властью Трона Льва — огнедышащий змей может с успехом заменить целую армию...

После внезапного появления Сигвальда Ивальдссона, привезшего нам известие о крайне недоброжелательных действиях капитана Алонсо, события начали развиваться с невероятной быстротой — одно утро вместило в себя столько малоприятных приключений, что их хватило бы на несколько лет вперед.

— Тотлант, погляди, чего это с ним? — барон Юсдаль указал на Ангильберта из Таброния, который вдруг очнулся и, будто притягиваемый магнитом, поковылял к Зенице Дракона.

Я кликнул Темвика, Хальк увязался вслед по своему желанию. С Ангильбертом и впрямь происходило нечто скверное — я чувствовал, что он доселе не смог полностью изгнать Силу Черной Бездны, к которой обратился ради воскрешения дракона.

Из Обители Первородного Зла можно черпать магическую мощь полными горстями и ее поток никогда не иссякнет, но последствия таких экспериментов частенько становятся фатальными — магия Бездны способна завладеть душой и телом недостаточно умудренного опытом волшебника. Если, допустим, знаменитейший Тот-Амон из Птей-она открывает порталы в Универсум Зла без каких-либо затруднений и может противостоять населяющим его демонам, то колдуны помоложе частенько погибают и навсегда уходят в ледяную тьму... По счастью, Ангильберт не погиб и даже сумел воспрянуть от «холодного сна», однако изгнать чужую Силу пока не сумел. Надо полагать, именно она и направляет его действия.

— Остановись, — я схватил Ангильберта за плечо. Маг вывернулся. Он явно не слышал мой голос и воспринимал других людей только как досадную помеху.

Придется его скрутить, а то еще натворит чего-нибудь дурного! Нельзя допускать, чтобы Ангильберт причинил вред себе и другим. У нас и без него трудностей выше головы.

Подобное лечится подобным. Используем магию.

Я припомнил заклятие, временно обездвиживающее человека, сложил подобающим образом пальцы правой руки, почерпнул Силу из солнечного света и направил ее поток на мага Черного Круга.

...И замер в растерянности. Если объяснять мои ощущения простыми человеческими словами, а не заумными терминами науки волшебства, то выглядело бы это примерно так: человек легко взмахнул обнаженным клинком, полагая расцезь обычную шелковую ткань, но внезапно меч, вместо непрочной воздушной занавеси с грохотом и лязгом наткнулся на невидимый стальной щит, да так, что клинок едва не вылетел из ладони... Заклинание отразилось от Ангильберта и рассыпалось.

Новая попытка и снова неудача — тот самый невидимый щит прекрасно оберегал аквилонского колдуна...

Как однажды емко выразился Конан, «бей по башке, и не будет никакой магии!» Иногда следует прибегать к простейшим средствам. Я взгля-

нул на Темвика, рывкнул «Держи его!» и резко саданул посохом по затылку Ангильберта.

Как ни странно — сработало. Человек мешком повалился наземь, оборотень немедленно придавил мага коленом и заломил его левую руку за спину. Моя наука — Темвик отлично знает, что колдовать с несвободными руками не может ни один волшебник.

— Переверни его на спину! — скомандовал я. — Руки, руки держи! Хальк, позови кого-нибудь из ребят Гебериха! Пусть принесут веревку!

Господин библиотекарь бегом кинулся к шатрам. Почуял, что дело начало чутко пахнуть жареным. Только ответьте, что за жаркое готовится? Я этого понять пока не могу.

— По-моему, он умер... — оборотень недоуменно взглянул на меня. — Тотлант, посмотри сам.

Я присел возле простертого на холодном камне Ангильберта и попробовал использовать свои невеликие умения в лекарской магии. И вновь направленные на человека заклинания не подействовали!

Прибегнем к самым обычным средствам. Я вытащил из кармашка на поясе серебряное зеркальце и поднес к губам Ангильберта, а другой рукой попытался пощупать жилу на шее — бьется ли сердце? Темвик был прав — маг выглядел мертвее, чем скелет Нидхогга: рот провалился, закатились глаза, ниточка холодной слюны стекает на ворот балахона.

— Никогда и ничего подобного я не видел, —

сказал я оборотню. — Темвик, он действительно дышит, сердце не остановилось... Четыре вдоха за квадранс. За четверть колокола, понимаешь? И двенадцать ударов сердца! Двенадцать! У нормального человека в течении одного квадранса сердце ударяет тысячу с лишним раз! Уж это я знаю, учился... Что скажешь?

— А что я скажу? — скривился Темвик. — Умрет скоро. И запах от него дурной...

— Какой запах?

— Обыкновенный. Не тот, что носом чуют, а запах души. Душа гниет, Тотлант.

— Дыхание Бездны... — пробормотал я, понимая, что имеет в виду Темвик. — Все-таки Ангильберт не справился.

Такие решения всегда принимать очень тяжело и за подобные действия всегда ответишь на суде богов в посмертии. Но это необходимо сделать.

— Дай мне кинжал, — не глядя на оборотня сказал я.

— Зачем?

— Я его убью. Быстро и безболезненно.

— Не дам, — Темвик отошел и подозрительно прищурился. — Вы со своей некромантией совсем с ума посходили! Зачем связались с драконом? Не позволю я его убить! Выкарабкается!

— Ты понимаешь, что может устроить этот человек, когда вновь обретет способность мыслить? — я едва сдерживался от крика. — Он же убьет всех нас и это будет самым благоприятным исходом!

Как объяснить Темвику, что теперь Ангильберт уже не является человеком в полном смысле этого слова? Что его дух навсегда отравлен Первородным Злом? Что в один прекрасный день маг, зараженный Дыханием Бездны и ставший родственным ее Владыкам, превратится в монстра, рядом с которым легионы Тот-Амонов покажутся безвредным комариным роем? Теперь этот человек может черпать Силу истинного Зла без ущерба для себя, стать каналом, через который Зло Бездны будет хлестать в наш мир... И никто ему не поможет вернуть человеческую сущность — это вам не фокусы с воплощением дракона! Говорят, Рота-Всадник умел избавлять смертных от заразы Первородного Зла, но Рота погиб несчитанные тысячелетия назад...

— Давай не станем торопиться, — примирительно сказал оборотень. — Вдруг все образуется? Глади, Хальк идет! Ангильберта спеленаем по рукам и ногам, я пригляжу.

И правда, явился барон Юсдаль вкупе с двумя очень мрачными войками-вези, которым я сразу приказал как можно надежнее связать мага и смотреть за ним в оба глаза. Хотя и тут возникли трудности.

— Он же помер, — уверенно изрек дружинник, оглядев Ангильберта. — Настоящий мертвый труп. Зачем вязать? А охранять его не будем — Конан-рикс и Геберих говорят, что битва грядет!

— Связать! Накрепко! — кажется, я впервые за последние десять лет разъярился настолько,

что готов был превратить в лягушек и крыс всех, кого вижу. — Исполняйте!

— Как скажешь, великий шаман, — на варваров-вези мои вопли произвели слабое впечатление.

Слегка успокоившись, я выделил одно, только что прозвучавшее из уст дружинных, слово: «битва».

Какая битва? Только этого нам сейчас и не хватает!

* * *

Пока мы возились с Ангильбертом, его королевское величество Конан I Аквилонский собрал очередной военный совет и пытался решить, как поступать дальше.

Положение было, разумеется, не безнадежное, но достаточно неприятное. Долина Дымов окружена отвесными скалами, единственная дорога на перевал, с которого можно выйти в Одадь-фьорд, перекрыта головорезами капитана Алонсо...

Алонсо, конечно, мерзавец, но вовсе не дурак — аргосский пират понимает, что тропу шириной в шесть-семь шагов можно защищать хоть до второго пришествия Эпимитриуса. Рассадить арбалетчиков за камнями и палить себе в каждого, кто возжелает сунуться на перевал. Своеобразная форма осады.

Еды у осажденных всего ничего, если будут упрямыться — пускай кушают своих лошадей, а

там и до людоедства недалеко. Ради обладания кладом, Алонсо может сидеть на острове вплоть до следующей зимы.

— Взять перевал штурмом? — строил предположения король. — Не получится, только людей зря положим. Перебьют, как цыплят.

— Я могу поехать к Алонсо и поговорить с ним, — сказал Доран. — Он не станет со мной ссориться. И потом: капитан обещал выпустить нас из долины, если мы оставим золото и лошадей.

Конан ответил лишь сострадательным взглядом. Толстяк усмехнулся:

— Да, государь, я понимаю. Выпустить-то он выпустит, а дальше наша судьба может быть оказаться весьма незавидной. Может быть откупиться? Золота у нас вполне хватит даже на откуп от Богини Смерти.

— Платить этому стервецу? — возмущенно воскликнул киммериец. — Нет уж, избавьте от такого унижения! Как плохо, что конуг Хререк ушел из Одадь-фьорда и вернется только через два дня! Мечи его дружины нам бы сейчас не помешали!

— Два дня осады мы выдержим, — сказал Геберих. — Потом отправим во фьорд оборотня, он приведет подмогу. Ударим по пиратам с двух сторон.

— Вполне разумная мысль, — поддержал военного вождя граф Оргайл. — Прорываться бессмысленно, поскольку тропа великолепно простреливается! Или вот например: у нас два мага,

которые могут навести на врагов морок, напугать, использовать боевое колдовство...

— Два мага?.. — задумчиво повторил киммерец. — Один превратился в какого-то жуткого зомби, второй за минувшую ночь растратил большую часть силы... Но попробовать можно. Тотлант, подойди!

Насчет «растрачивания сил» Конан был прав — поддерживая защитный купол, сумевший, впрочем, уберечь от Дыхания Бездны только меня одного, я совершенно вымотался. Если вы пробовали использовать подобные заклинания, то можете меня понять. Сейчас я был не способен сотворить даже простенький огненный шар — боевая магия требует огромного количества Силы.

— Ничего не получится? — огорчился Конан, выслушав мои объяснения. — Я почему-то всегда предполагал, что у любого волшебника всегда отыщется камень за пазухой, способный спасти его шкуру в самый последний момент... Насколько я помню, во времена нашей погони за Бешеным Вожаком оборотней ты весьма удачно использовал заклятье, которое запросто смело стаю взбесившихся оборотней... Как оно называлось? Пускание Черных Ветров?

Я только глаза закатил. Королю бы все шутить! А у меня, между прочим, стремительно нарастало подспудное беспокойство. За пятнадцать лет магической практики я научился доверять своим предчувствиям — особенно дурным. Что-то обязательно должно случиться!

Все началось даже раньше, чем я ожидал.

...Темвик, сидевший около бесчувственного колдуна, неожиданно взвизгнул, будто щенок, которому наступили на лапу и к моему безмерному удивлению воспарил над валунами, уподобляясь диковинной птице.

Впрочем, его величественный полет продолжался недолго — оборотень с хлопом рухнул в лужу жидкой грязи, откуда немедленно донесся редкий по своей красоте и эпичности поток отборнейшей ругани.

Я, поняв в чем дело, повернулся к Ангильберту и обомлел: веревки на ногах и руках мага пылали холодным фиолетовым огнем, истончались и исчезая прямо на глазах.

— Бегите... — выдавил я и толкнул Конана в спину. — Да бегите же!

К счастью, варвар за долгие годы наших совместных приключений и путешествий, научился в момент магической опасности действовать не рассуждая — если Тотлант говорит, что надо бежать, значит надо бежать!

Вся компания во главе с Конаном и вымазанным по самую макушку в глине Темвиком рванулась прочь. Нагруженные мешками с драгоценностями лошади почуяли угрозу (домашние животные вообще гораздо лучше человека ощущают присутствие Зла) и всем табунком бросились в сторону горячих источников, едва не затоптав дружинников Гебериха. Последние тоже не остались в дураках — увидев непонятное свечение возле алтаря и поспешное отступление

предводителей отряда, они предпочли не вмешиваться и тоже ретировались.

Со мной остался только Хальк, которому, как обычно, изменило всякое чувство опасности и самосохранения. В один прекрасный день любопытство сведет его в могилу, клянусь клыками Сета!

— Что... — начал было барон Юсдаль, но я схватил его за шиворот и буквально уволок за камни, поскольку оставаться рядом с Ангильбертом было равноценно самоубийству.

Вот теперь колдун действительно очнулся и показал себя во всей красе. Не знаю, управляло им Дыхание Бездны или Ангильберт сам понял, что оставшуюся в нем силу можно и нужно использовать, но... Крепкие пеньковые веревки истлели, колдун весьма бодро поднялся на ноги, огляделся, отряхнул балахон. Щелкнул пальцами. Тотчас его окружил призрачный малиновый шар — боги могучие, это же заклятие Красного Купола! Самая действенная и мощная защита от любого нападения извне — Купол убережет волшебника от стали, огня, магии!

Стоит, кстати, заметить, что данным заклятием могут пользоваться только маги высочайшего посвящения, коим Ангильберт вовсе не является. Точнее, не являлся до сегодняшнего дня... Бездна одарила его достаточной Силой.

— Тотлант, почему... — снова вякнул Хальк, но я сдавил пальцами его горло и прошипел:

— Если этот монстр нас заметит — от обоих останется лишь кучка пепла! Тихо!

Ангильберт стоял вполоборота к нам и я мог видеть его лицо. Во внешности колдуна осталось мало человеческих черт. Кожа теперь более походила на желтоватую и блестящую слоновую кость, волосы с головы почему-то исчезли, обнажив округлый череп; даже сейчас, в разгар дня, можно было заметить, что зрачки мага мерцают синеватым пламенем.

Колдун хозяйски оглядел алтарь с Зенищей Дракона (надо было разбить этот проклятый кристалл! Как я не догадался, болван!), простер над шаром пальцы с удлинившимися белыми ногтями и произнес густым басом:

— Повелеваю тебе придти!

— Что он делает? — одними губами прошептал барон Юсдаль.

— Сейчас увидишь... Остается надеяться, что Нидхогг оправдает репутацию черных драконов и не послушается...

Ничего подобного. Исчезнувший еще ночью дракон-лич появился буквально через несколько мгновений. Я-то надеялся, что Нидхогг получив долгожданную свободу все же успел улететь куда-нибудь подальше!

— Ой... — пискнул Хальк, узрев приземляющееся чудище. — Кошмар какой...

Да, кошмар. Точнее и не скажешь. Нидхогг и в прошлом наверняка не отличался пленительной внешностью, а сейчас представлял собой существо пугало — громадный скелет дракона мог бы нагнать страху и на самого Роту-Всадника. Кроме того, ящер неким чудесным образом сумел

изменить цвет своего, так сказать, туловища — бывшие кости снежных слонов из белых стали матово-черными.

Магия? Скорее всего нет! Черные драконы почти не пользуются волшебством — именно поэтому я и не чувствовал присутствия на острове источника магической силы. Чары Нидхогга имеют совершенно другую природу...

Дракон аккуратно коснулся земли всеми четырьмя лапами (а летал он абсолютно бесшумно), с костяным потрескиванием сложил веера-крылья и грузно потопал к алтарю, на котором блистал нестерпимым золотым огнем волшебный кристалл.

— Кто звал меня? — осведомился Нидхогг, нависнув над человеком. — Ты, смертный?

— Сейчас ты убьешь всех людей, которые находятся на этом острове, — монотонным, ничего не выражающим голосом проговорил Ангильберт. — Потопишь их корабли. Затем перенесешь меня на Материк. Это пока все приказы...

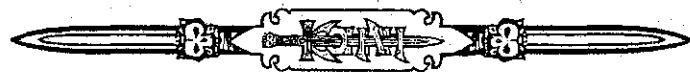
Возникла странная пауза. Молчал маг, молчал дракон-лич. Мы с Хальком с замиранием сердца следили за Ангильбертом и Нидхоггом.

Наконец, ящер шевельнулся, опустил череп пониже, будто рассматривая колдуна, и громыхнул:

— Почему я должен это делать?

— Потому, что я твой повелитель. Потому, что сила Бездны вновь даровала тебе жизнь...

Дракон издал странный звук, который я принял за нервный смешок.

— Мой повелитель, Астэллар, чаще называемый Ротой, Всадником Полночи; давно ушел за грань этого мира... Разве Рота-Всадник — это ты?

— Я твой господин, — упрямо повторило существо, некогда являвшееся Ангильбертом. — Я владею Оком Дракона!

Колдун взял в ладонь хрустальный шар и поднял его над головой, показывая Нидхоггу.

— Значит, убить... — повторил Нидхогг. — Хорошо. Я исполню твою волю... Сейчас!

— Н-нет... Митра, защити... — простонал барон Юсдаль, а я вновь проклял тот день, когда встретился с Конаном из Киммерии. Что ж, это вполне естественный финал — ни к чему другому наше многолетнее знакомство привести просто не могло! Доигрались в героев... А месьора Халька, затаскившего меня на Вадхейм, я сейчас прирежу собственными руками — такое важное дело нельзя доверять какому-то летучему скелету! Хочешь что-то сделать хорошо, сделай это сам!

Дракон стремительно поднялся в небо, я с ужасом увидел, как монстр направился к середине Долины Дымов, где сейчас прятались наши соратники. Однако, темная нескладная тень почему-то скользнула дальше, к горам. Мы с Хальком углядели несколько отдаленных вспышек, вскоре послышался тяжелый грохот — будто скалы рушились. Нидхогг исполнял приказ Ангильберта.

— Ублюдок... — я обычно не употребляю крепкие выражения, поскольку в нашем Погра-

ничье должен быть хоть один благовоспитанный человек. Но сейчас я был готов разорвать Ангильберта на мелкие клочки! — Эй, а со мной побороться не хочешь? Сам, без своего лича?

Хальк попробовал меня удержать, однако его попытка была жестко пресечена — я оттолкнул месьора библиотекаря и двинулся к алтарю. Сет Могучий, даруй мне Силу!

Сет, как и всегда, не отозвался на призыв. Древний бог предпочитал наблюдать за нами со стороны, если вообще наблюдал, а не занимался своими делами.

Я швырнул в Ангильберта молнию, но Красный Купол отразил разряд. Та же судьба постигла и все прочие боевые заклинания на которые у меня хватило сил. А тварь, стоявшая внутри колдовской сферы начала смеяться... Точнее, смеялось не пораженная Дыханием Бездны человеческая оболочка — нечто неназываемое и жуткое, находившееся внутри умиравшего тела колдуна, смотрело на меня невидимыми глазами и хохотало, хохотало...

Если бы не Хальк, подхвативший меня, я бы упал на камни — бесполезные заклęcia полностью истощили мои силы. Ангильберт не двигался с места, а я отлично понимал, что он может сейчас буквально раздавить нас, ровно ничтожных тараканов. Мощь Бездны казалась беспредельной!

— Исполнено, — я услышал голос вернувшегося дракона, который вновь стоял у алтаря. — Тех, кого я мог убить — я убил.

— Сожги этих двоих... — колдун указал на меня и Халька. — И мы отправимся прочь с этого жалкого островка!

— Не могу, — сказал Нидхогг.

Ангильберт резко повернулся к дракону.

— Я приказываю!

— Твои приказы мне безразличны, смертный, — спокойно ответил дракон-лич. — Предыдущий я выполнил только потому, что мне так захотелось. Я сжег людей, которые не заключали со мной договора. Других я не могу трогать...

— Что?! Посмотри на камень, червь!

— Драконы не подвластны никаким камням, — в голосе Нидхогга слышалось нешуточное раздражение. Кажется, он начал выходить из себя. — Хочешь остаться живым, оставь этот кристалл мне и убирайся!

— Пойдем-ка отсюда, — прошептал Хальк. — Кажется... О-о-о!

Ангильберт ударил первым — хотел наказать непослушного ящера. Нидхогга окутало облако жгучих синих искр, но дракон отскочил в сторону и выдохнул из пасти огненный шар, с чудовищным грохотом разорвавшийся рядом с магическим куполом.

Нас сбило с ног потоком горячего воздуха, мой балахон начал тлеть. Я с помощью барона Юсдаля поднялся на ноги и мы побежали прочь. За нашими спинами разгоралась битва двух монстров, уцелеть в которой человек не сможет.

Мне снова обожгло лицо, на Хальке вспыхнул плащ, который он сейчас сбросил, нас с библио-

текарем швырнуло в разные стороны. Мы с Хальком на четвереньках поползли дальше, прочь от пещеры. Впечатление было такое, будто мы очутились в жерле начинающего извергаться вулкана.

Барон Юсдаль схватил меня в охапку и толкнул в сторону широкого ручья, стекавшего с гор — поток был неглубокий, всего около половины человеческого роста, однако этого хватило: мы нырнули, пытаюсь избежать несущейся прямо на нас волны ярко-оранжевого пламени.

Я оттолкнулся от неровного дна речушки и поднялся на поверхность, глотнуть воздуха. Вода в ручье чувствительно нагрелась — еще не хватало свариться здесь живьем!

Мы словно оказались в кузнечном горне: дышать можно было только через мокрую ткань наших подпаленных одежд. У Халька сторели брови и ресницы, выбивавшиеся из-под капюшона волосы почернели. Сейчас я пожалел, что по стигийской традиции бреюсь налысо — на голове вспухли волдыри. Невероятно больно!

Черное чудовище со свистом рассекало воздух над скалой, поливая врага непрерывной струей огня, плавился камень, визжал пар, ручьи лавы, превращавшиеся в настоящие потоки, стекали к нашей речушке. Признаться, в тот момент я был уверен — через несколько мгновений мы с Хальком окажемся на Серых Равнинах.

— Тотлант! — проорал мне в ухо барон Юсдаль. Его голос едва различался среди неистово-

го рева огня. — Накрываемся мокрыми капюшонами и сматываемся отсюда! Сгорим же!

Легко сказать, да трудно сделать! От моей одежды остались жалкие лохмотья, а капюшон вообще исчез — надо думать, превратился в пепел... Хальк рассек кинжалом остатки моей хламиды, замотал мне лицо, оставив щель для глаз, и потащил к берегу. Едва мы выбрались на раскаленные камни, как струя лавы влилась в речку, породив огромное облако пара.

Ух как мы бежали! Наверное, ничего подобного в будущем я не смогу повторить даже под угрозой дыбы и эшафота! Мы спотыкались, падали, снова поднимались и неслись вперед, через дым от горящего гранита, искры и языки огня. Я уже ничего не соображал — действовал инстинкт, сила которого, как известно, почти неборима.

Приблизительно через шестьсот шагов я снова упал, разбив руку и колени, но при этом ощутил, что воздух вроде бы стал немного свежее — сиречь, он был не раскаленным, а просто горячим. После появления этой мысли сознание меня благосклонно покинуло.

* * *

Наверное, я умер. Мертвые ведь не чувствуют боли? А я ее как раз не чувствовал.

Значит, легендарные Серые равнины выглядят именно так. Черный потолок, полутьма, запах... Постойте, а почему в царстве мертвых от-

четливо пахнет рыбой и дымом домашнего очага? Или мне это только кажется?

Я шевельнулся и едва не заорал — острейшая жгучая боль пронзила все тело, от макушки до пяток. Отлично! Все-таки я жив. Где тогда я нахожусь?

— Тотлант очнулся, — услышал я знакомый голос Темвика.

Стараясь не двигаться я скосил глаза и обнаружил, что оборотень вкупе с каким-то невысоким худощавым парнем (ах, да! Это же Сигвальд!) восседает на лавке у меня в ногах. В руке Темвика стаканчик для игры в кости.

— Поздравляю с возвращением в наш дерьмовый мир, — послышалась речь Конана. Его величество тенью надвинулся откуда-то сбоку. — Тотлант, можешь ничего не говорить, я сам все объясню. У тебя губы обожжены, а Алафрида сказала, что мазь из трав подействует только к завтрашнему утру.

— Де... а-а... — этот звук должен был означать фразу «где я?» Зря я Конана не послушался: разговаривать невозможно, лицо будто смолой стянуто!

— В доме Алафриды, на берегу Одадь-фьорда. Ты больше суток был без сознания.

Больше суток? Как интересно! Значит, уже наступило послезавтра.

— С Хальком дела обстоят получше, — продолжал Конан, шуганув с лавки Темвика и Сигвальда. — Его одежда оказалась попрочнее твоей и господин барон получил меньше ожогов. Как

вы не сгорели — ума не приложу! Там такое творилось! Как вспомню, не по себе становится!

— Акое... ткое... — (Какое — «такое»?)

— Молчи, говорят тебе. Насколько я понял объяснения Халька, дракон серьезно повздорил с Ангильбертом. Но сначала Нидхогг почему-то сжег всю команду капитана Алонсо, за что впрочем, сердечное ему спасибо — избавил мир от напасти... И корабль их тоже спалил. Потом началась большая драка в долине. Наше счастье, что мы успели уйти как можно дальше!

Я подумал, что легенды не ошибались — знаменитая непредсказуемость и нервозность черных драконов, не желающих никому подчиняться, сыграли нам на руку. Любопытно, чем закончилась битва?

— На следующий день мы с Руфусом и Геберихом съездили в долину, — размеренно гудел Конан. Его ровный голос навевал на меня дремоту, но очень уж хотелось дослушать до конца. — Вообрази: дракон к демоновой матери расплавил скалу, снес часть горного хребта, испарил половину грязевых озер, а потом смылся. Ангильберт, если от него хоть что-нибудь осталось, наверняка утонул в озере лавы. И что они не поделили?.. Ладно, это не важно. До клада нам теперь не добраться — сокровища остались под слоем плавленого камня толщиной локтей эдак в семьдесят. Хорошо, успели прихватить с собой немного золота — Руфус посчитал, что мы вывезли на лошадях сокровищ примерно на два офирских «сфинкса».

Два «сфинкса»? Неплохо, ничего не скажешь. Двести тысяч офирских денариев! Весьма существенное пополнение для аквилонской казны. За исключением десятой части следующей конугу Хререку, доли Гебериха и его дружины, да двадцать пятой части толстяка Дорана... Боги, как спать хочется...

— Мы подождем несколько дней, пока вы с Хальком не поправитесь — Алафрида утверждает, что ее мази и травки вкупе с ведьминским колдовством сделают свое дело. Хррек, кстати, встретился в море с Харальдом Змееловом, корабли обоих конугов стоят во фьорде. Представь себе: сегодня утром к острову подошли два аквилонских судна под вымпелами маркграфа Ройла! Я Ройла еще не видел, но с кораблей дали сигнал, что высылают шлюпку... Интересно, что маркграфу понадобилось на Вадхейме?

Я поднатужился и выдавил:

— А... акон?

— Дракон? Я же сказал: улетел. Куда — не знаю, но сердце мне отчего-то вещует: история эта пока не закончена и с Нидхогом мы еще увидимся!

«Только этого не хватало...» — подумал я.

И заснул.

Примечание от Халька Юсдаля

Великий поход за сокровищами царя Тразариха едва не обернулся нашей гибелью — схватка воплотившегося в облик лица Нидхога с существом из Черной Бездны, завладевшим телом мага Ангильберта, по своим разрушительным последствиям едва не превзошла катастрофу, вызванную разрушением Небесной горы пять лет назад.

Король принял решение возвращаться в Тарантию прежней дорогой — через Рагнарди, земли народа вези и полночные области Акавилонии. Нам предстояло доставить в столицу драгоценный груз и выяснить, что за таинственная фигура маячила за спиной некоего месьора Лейна, нанявшего Дорана из Боссонии для поисков сокровищ Нифлунгов. Именно этот человек не давал покоя королю Конану, уверенному, что тайные махинации, в Тарантии и прочих крупных городах Акавилонии являются делом рук одного из королевских приближенных.

Стоит здесь же напомнить, что в нашем неспокойном мире появилась еще одна нешуточная угроза — каждый из нас видел, какие чудовищные разрушения способен причинить дракон, которого мы освободили от тысячелетнего заточения на далеком полуночном острове.

Кроме того, неизвестной осталась судьба Ангильберта из Таброния — мы полагали, что маг был убит ящером, но получить подтверждение этому было невозможно. Труп Ангильберта никто не видел, а спросить о его участи у дракона мы не смогли, поскольку Нидхогг покинул Вадхейм и его нынешнее местопребывание остается для нас неразрешимой тайной...

Будем надеяться, что дракон-лич в будущем не изменит договору, заключенному с королем Конаном, и я, проснувшись поутру в своих покоях при библиотеке тарантийского замка короны, не увижу в окне шествующего по улицам столицы черного монстра, сжигающего все на своем пути.

Будем надеяться...

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛАМЯ ВОЗМЕЗДИЯ

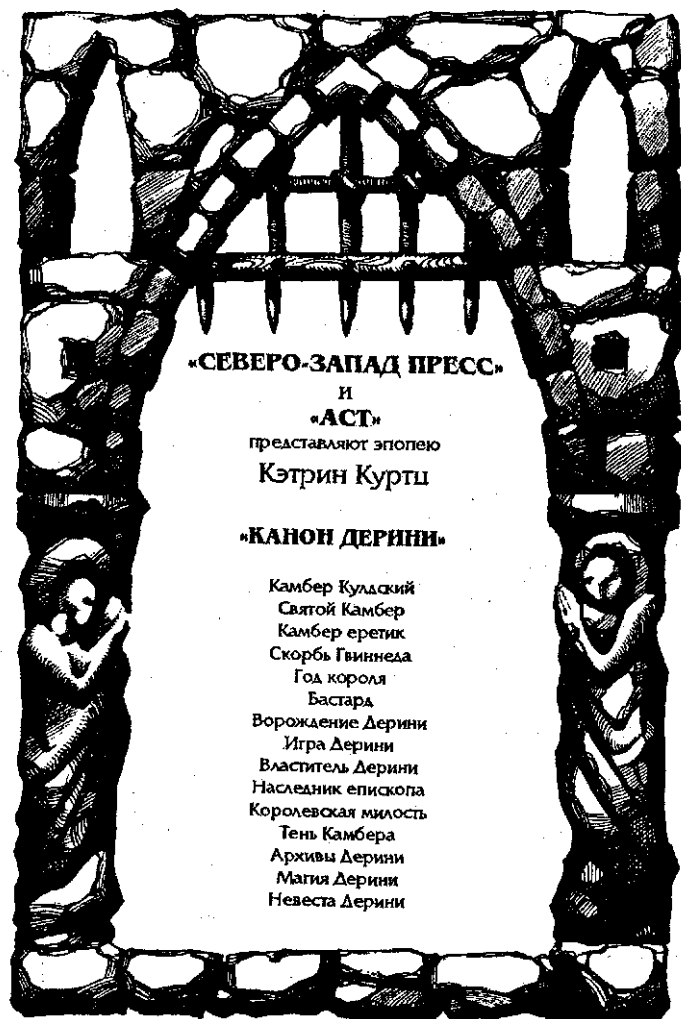
Алекс Мак-Кинг

Глава 1. Огни Тарантии.....	7
Глава 2. Священная Земля.....	57
Глава 3. Смерть и пепел.....	93
Глава 4. Тайна Хорота.....	141
Глава 5. Оскал войны.....	182

ПРОКЛЯТИЕ ЗМЕЯ

Олаф Бьорн Локнит

Предварение.....	215
Глава 1. Колдун-мореход.....	220
Глава 2. Обитатели Вадхейма.....	250
Глава 3. Танцы с волками.....	285
Глава 4. Новое владение Короны.....	319
Глава 5. Золото Тразариха.....	355
Глава 6. Купить дракона.....	385
Глава 7. Огонь и камень.....	420
Примечание от Халька Юсдала.....	441

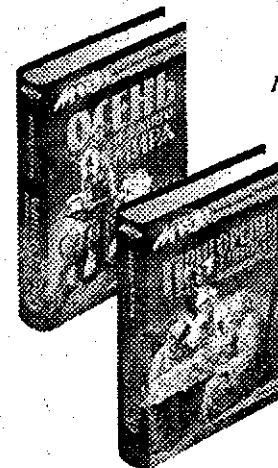

**ПЕРЕКРЕСТОК
МИРОВ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ
«ПЕРЕКРЕСТОК МИРОВ»

МНОЖЕСТВО ДОРОГ ВЕДЕТ К
ПЕРЕКРЕСТКУ МИРОВ

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ,
МИСТИКА И ФАНТАЗИЯ,
РОЖДЕННЫЕ
ВООБРАЖЕНИЕМ
ТАКИХ
АВТОРОВ КАК

**А. ДАШКОВ,
М. и С. ДЯЧЕНКО,
А.ЗОРИЧ,
А.СКИРЮК**

УВЛЕКУТ ВАС В
НЕВЕДОМЫЕ ДАЛИ...

И КОГДА ВЫ ОГЛЯНЕТЕСЬ НА СВОЙ ПРИВЫЧНЫЙ МИР-

ВЫ НЕ УЗНАЕТЕ ЕГО!

Книги издательской группы АСТ
вы сможете заказать
и получить по почте
в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ
по низким издательским ценам
в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марсистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- ТК «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 754-94-25
- ТК «Твой Дом», 23-й км Каширского шоссе
- ТК «Метромаркет», м. «Сокол», 3 этаж

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать
и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким
издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Казань, Сибирский тракт, д. 11, тел. (8432) 78-23-20
- г. Казань, ул. Баумана, 13
- г. Новосибирск, ул. Б. Богатного, д. 260, тел. (3532) 10-17-86
- г. С.-Петербург, Невский пр., д. 116, тел. (812) 279-80-68
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Самара, пр. Ленина, д. 2
- г. Азов, б-р Петровский, д. 3
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Воронеж, ул. Лизюкова, д. 38а, тел. (0732) 13-02-44
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- г. Курган, ул. Гоголя, д. 61
- г. Курган, ул. Куйбышева, д. 87, тел. (3522) 22-36-23
- г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 50, тел. (3519) 37-55-65
- г. Магнитогорск, ул. Звениягина, д. 9
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/61, тел. (8312) 33-79-80
- г. Н. Новгород, ул. Литвинова, д. 25/32, тел. (8312) 77-99-44
- г. Новороссийск, сквер Чайковского
- г. Новочеркасск, ул. Московская, д. 10, тел. (86352) 2-30-53
- г. Орел, Московское шоссе, д. 17, тел. (08622) 4-48-67
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (8632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107
- г. Тула, ул. Ленина, д. 18
- г. Ульяновск, ул. Врача Михайлова, д. 10
- г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 12
- г. Ульяновск, ул. Железной дивизии, д. 6
- г. Челябинск, ул. Кирова, д. 7
- г. Челябинск, пр. Ленина, д. 52
- г. Челябинск, пр. Ленина, д. 68
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22
- г. Иркутск, ул. Ленина, д. 15, тел. (3953) 24-28-05
- г. Пермь, ул. Крупской, д. 42, тел. (3422) 22-91-17
- г. Тюмень, ул. Республики, д. 155, тел. (3452) 22-45-50
- г. Киров, ул. Комсомольская, д. 37
- г. Киров, ул. Пролетарская, д. 22а
- г. Н. Тагил, ул. Первомайская, д. 32, тел. (3435) 25-43-92
- г. Н. Тагил, ул. Дзержинская, д. 47

Авторские права защищены. Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Литературно-художественное издание

Конан и пламя возмездия

Мак-Кинг Алекс

Пламя возмездия

Роман

Локнит Олаф Бьорн

Проклятие Змея

Роман

Руководитель проекта *Дмитрий Ивахнов*

Составитель *Наталья Баулина*

Художественный редактор *Игорь Богданов*

Верстка: *Ирина Федорова*

Технический редактор *Валентин Успенский*

Корректор *Елена Малько*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г

ООО «Издательство АСТ». 368560, Республика Дагестан,

Каякентский район, с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20

Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»

Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999

Санкт-Петербург, ул. Казначейская, д. 4/16, лит. А

Для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 125

sz-press@peterlink.ru

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32
от 27.08.2002. РБ, 220013, Минск, ул. Кульман,
д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Республиканское унитарное предприятие
«Полиграфический комбинат имени Я. Коласа».
220600, Минск, ул. Красная, 23.

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И ПОДЗЕМНЫЙ ОГОНЬ 49	КОНАН И МЯТЕЖ ЧЕТЫРЕХ 50	КОНАН И КАЙМО ЗМЕЯ 51	КОНАН И ХОЗЯИН ОКЕАНА 52	КОНАН И КОРОНА МИРА 53	КОНАН И ПОСЛАНИЕ СВЕТА 54	КОНАН И СТИШЕЕ ЗЛО 55	КОНАН И ВРЕЗАН ШАДИЗАР 56
КОНАН И СКАЛЕ ХАОСА 57	КОНАН И ЖЕЛЕЗ ТАРИМА 58	КОНАН И СЕРПОВИД ПИКТОВ 59	КОНАН И ПОСЛАНИЕ МОАНИИ 60	КОНАН И ТИГРЫ ХАЙБОРИИ 61	КОНАН И ВОДНИКИ БУРИ 62	КОНАН И САГА ИСТОЛИНА 63	КОНАН И САГА ТУМАНА 64
КОНАН И ЛЕВ ЗВЕРЯ 65	КОНАН И ОБИТЕЛЬ ДРАКОНОВ 66	КОНАН И НАСЛЕДИЕ МЕРТВЫХ 67	КОНАН И ЗАКАТ АРТОСА 68	КОНАН И АЛЛА ПЕЧАТЬ 69	КОНАН И ТАНЕЦ ПУСТОТЫ 70	КОНАН И ПОСЛАНИЕ МРАКА 71	КОНАН И ГОЛОС КРОВИ 72
КОНАН И ТЕНЬ ВЕТРА 73	КОНАН И ГИМН ЗНАКАМ 74	КОНАН И ЖЕЛТЫЕ ПУСТЫНИ 75	КОНАН И ДУХИ ГОР 76	КОНАН И СОКРОВИЩА ТАРАНТИИ 77	КОНАН И НЕФРИТОВЫЙ КУБОК 78	КОНАН И УБИЙЦЫ ЧУДОВИЩ 79	КОНАН И СТРАННИКИ МОРЕЙ 80
КОНАН И ПУТЬ ГЕРОЕВ 81	КОНАН И ВАЛАНКА ЛЕСА 82	КОНАН И НАГЛАД НАЕМНИКА 83	КОНАН И ЛЕГИОН ЗАРИ 84	КОНАН И ПЛАМЯ ВОЗМЕДИЯ 85			

KOHAN

ISBN 5-17-017388-1

9 785170 173884